

Н. Р. ГУСЕВА

СЛАВЯНЕ И АРЬИ ПУТЬ БОГОВ И СЛОВ

Москва
2002

ИЗДАТЕЛЬСКО
ТОРГОВЫЙ ДОМ
ГРАНД

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)
Г96

Рисунки С. И. Потабенко

Гусева Н. Р.

Г96 Славяне и арьи. Путь богов и слов / Н. Р. Гусева. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. — 336 с.: ил.

ISBN 5-8183-0395-0

Книга написана Н. Р. Гусевой, известным индологом и этнографом, доктором исторических наук, лауреатом Международной премии им. Джавахарлала Неру, автором свыше 150 научных трудов по культуре и древним формам религии индийцев и славян. Работа в Индии помогла ей глубоко ознакомиться с индуизмом и выявить в разных течениях этого вероисповедания следы языческих представлений индоевропейцев, сохранившиеся со времен глубочайшей древности.

В данной книге основное внимание уделено сопоставлению древних форм культуры славян и арьев, что иллюстрируется многочисленными примерами сходства в языке и религии. Корни этого сходства уходят в глубину тысячелетий, в эпоху совместной жизни в Заполярье предков всех индоевропейцев.

Для широкого круга читателей.

**УДК 94(3)
ББК 63.3(0)**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 5-8183-0395-0

© Гусева Н. Р., 2001
© Оформление.
ФАИР-ПРЕСС, 2002

ОТ АВТОРА

Мы не устаем задавать себе вопрос: сколько тысяч или сотен тысяч лет насчитывает история человечества? — но точный ответ все еще не найден. Считается, что человек как биологическая разновидность возник на Земле около двух миллионов лет тому назад. О его дальнейшей истории ведутся бесконечные дискуссии, и рано или поздно ученые должны прийти к единому мнению, найдя возможность датировать орудия раннего, среднего и позднего палеолита, а также неолита и мезолита, определяемого как переходный период от древнего к новому каменному веку.

Человек жил, приспособляясь к условиям, которые диктовали ему природа и окружающая среда. Он развивался, размножался, искал объединение с себе подобными, становился социальным. Постепенно научился создавать орудия труда, охоты, рыболовства, а затем и земледелия — от палки-копалки до сохи и плуга. Уже на древнейшей ступени своей истории сумел заимствовать у природы огонь и научился широко пользоваться этим благом, оберегая и почитая его.

Гляциологи, специалисты по ледникам, подсчитали, что наша планета пережила семнадцать ледниковых периодов, как великих, так и малых. В межледниковые времена, которые затем, около 25–30 тысяч лет тому

назад, завершились новым, и последним, оледенением, уже складывались формы культуры кроманьонцев, людей современного вида. Костные останки их обнаружены во многих местах, и их датируют именно веками между двумя последними оледенениями. Следы этой культуры можно обнаружить — по расшифровкам индийских специалистов — в гимнах древних Вед, о чем речь пойдет ниже.

Древний человек не только постепенно приручал диких животных, учился культивировать злаки и деревья, строить жилища, но и зорко присматривался к явлениям природы и движениям небесных светил, создавая первые веропредставления и мифы. К тому времени, когда бронзовый век сменил железный, человеческие сообщества — будь то племена или союзы племен — уже встали на путь развития религий.

Очень постепенно, век за веком (но с явным ускорением начиная с конца последнего ледникового — с 12–10-го тысячелетий до н. э.), складывались современные общественные структуры. Человек прошел через длительные периоды семейного и семейно-родового строя, возникновения племен и племенных союзов, а затем и формирования крупных этносов. (Племя, объединенное одним языком и осознанием единства своей территории и т. п., уже можно считать этносом.)

Следует сказать, что многие проблемы этногенеза индоевропейцев стали для большинства ученых мира понятными или, по меньшей мере, более ясными после выхода в свет в городе Пуне (Индия) почти сто лет назад труда известного индийского санскритолога, переводчика и аналитика Вед Бала Гангадхара Тилака «Арктическая родина в Ведах». Как было сказано в подзаголовке, это «новый ключ к интерпретации многих ведических текстов и легенд». Написанная на английском языке, книга побудила многих западных

исследователей задуматься о возможности пересмотра своих взглядов и трактовок, касающихся смысла ведических гимнов, во многом — даже слишком во многом — остававшихся загадочными и иногда переводившимися наугад, применительно к интуитивному осмыслению символов, метафор и аллегорических описаний, которыми насыщены гимны Вед. Наука обязана этой работе Тилака двумя главными открытиями:

1. В текстах Вед доказательно выявлены точные описания реалий арктического региона, показано, как эти описания дошли с такой точностью путем нерушимой устной передачи.
2. Древнейшая религия арьев возникла не в эпоху завершения последней ледниковой эпохи (то есть примерно в 12–10-м тысячелетиях до н. э.), когда в Арктике воцарился долгий тепловой период (ныне хорошо изученный), а в эпоху последнего межледниковья, то есть на 30–40 тысяч лет раньше.

Соотнеся все свои выводы с данными астрономии, Тилак пришел к заключению, что «факт существования арктической родины основывается на строгих научных и исторических данных... ведическая религия и богослужения связаны с межледниковьем... арктическая суть ведических богов четко доказывает, что воплощенные в их образах силы природы были уже тогда облачены в одеяния божественности, и это дело рук изначальных арьев, живших на землях своей родины где-то вокруг Северного полюса... Когда полярная их родина была разрушена последним оледенением, арьи, выжившие после катастрофы, унесли с собой все то из общего объема их религии и ритуалов, что было возможно со-

хранить, и это легло в основу религии арьев в послеледниковые времена» [77, с. 488–489]*.

Надо вспомнить, что в эти отдаленные века, к которым Тилак отодвигает начало складывания религии Вед, уже жили кроманьонцы, развивавшие духовную культуру.

Тилак пишет и о том, что в эти древнейшие времена арктические земли населяли не только арьи — там же складывались племена (в близком или отдаленном соседстве с ними) других «арийских рас» (название он заимствовал из книг западных ученых). Это указание заставляет теперь искать их древние взаимные связи.

Все эти процессы взаимосвязи и взаимопроникновения протекали в разных регионах нашей планеты по-разному, в разное время, и не всюду они завершились и к нашему времени, то есть к последнему тысячелетию. Во-первых, и сейчас еще существуют недавно сформировавшиеся племена, ведущие так называемый примитивный образ жизни и придерживающиеся разных форм племенных взаимоотношений. Во-вторых, мы видим непрерывно нарастающее расширение межэтнических, межрелигиозных, межгосударственных и межконтинентальных столкновений и войн. На большей части земной территории уже живут крупные этносы и этнические объединения, для которых характерны и высокий уровень развития промышленного производства, и соответствующий ему уровень общественного развития.

Из областей культуры здесь следует упомянуть религию. Эра язычества, долго царившего в сфере идеологии всех этнических образований, практически могла бы

* Здесь и далее первая цифра в квадратных скобках означает порядковый номер источника цитаты в списке использованной и рекомендуемой литературы, представленном в конце книги (с. 324–328). — *Здесь и далее примечания автора.*

считаться пройденным этапом. Язычество сохраняется в сознании современных представителей крупных этносов лишь как пережитки, хотя бывает, что они властвуют в сознании гораздо сильнее, чем официально признаваемые религии. Вспомним хотя бы перешедшие в церковные ритуалы культуры огня (свечи, лампы), воды (обряды крещения), предков (поминальные церемонии) и т. п.

В наше время официально признаваемыми мировыми религиями считаются христианство, буддизм и ислам. Индуизм же, хотя его исповедуют свыше 800 тысяч человек, не признают мировой религией. Индуизм настолько мало известен в нашей стране, что до сих пор у нас нередко затрудняются определить, что для него характерно — политеизм или монотеизм (то есть многобожие или единобожие), спорят о том, не следует ли считать его ритуалы языческими из-за множества почитаемых божеств и бесчисленных суеверий.

Индуизм — это поразительная система религиозно-правовых регуляций и предписаний, множества верований и мифов, зародившихся в необозримой глубине тысячелетий. Это система научных школ и философских течений, яркие религиозные убеждения, приведшие к невиданному расцвету живописи, поэзии и повествовательной литературы. И в то же время это система без главенствующего церковного управления — каждый храм, каждая корпорация жрецов отличается своими — и часто почти противоречивыми — правилами служения.

Словом «индус» определяется каждый приверженец индуизма, а индийцы — это все коренное население Индии (вне зависимости от религиозной принадлежности) и выехавшие в другие страны его представители.

В книге Тилака прослеживается связь древнейших создателей многих черт индуизма — предков арьев с предками славян — и выявляются сохранившиеся в верованиях индусов черты славянского язычества.

И совершенно закономерно выглядит удивление Тилака по поводу того, что «до сих пор оставались нераскрытыми следы в Ведах, явно указывающие на существование арктической родины... но надо быть готовыми к восприятию доказанных результатов, получаемых в свете развивающегося знания при строгом соблюдении правил логики. Если ценность наших заключений выдержит испытания по таким стандартам, мы надеемся на обнаружение того факта, что мы преуспели в нахождении истинного ключа к интерпретации многих ведических текстов и легенд, иногда и теперь считающихся безнадежными или неверно понимаемыми» [77, с. 502].

Вспомним о том, что Тилак в течение всего XX века был признаваем ведущими исследователями Вед как непревзойденный знаток, воспринимавший глубинный смысл гимнов, хотя, как это встречается в среде ученых, одни принимали его открытия, а другие спорили с ним или не понимали его разъяснений, повторяя раз за разом ошибочные представления. Завершим это небольшое вступление его же словами: «В эти дни прогресса, когда начинают с разных сторон приближаться к изучению вопроса об изначальных культурах и цивилизации человека, наука об интерпретации Вед не может занимать позицию изоляции или же полностью зависеть от лингвистического или грамматического анализа. Мы должны просто следовать духу времени в поисках пути к координации последних достижений науки с традициями, содержащимися в древнейших книгах» [77, с. 202].

И к возможному немалому удивлению некоторых читателей, добавим, что многое из Вед, вошедшее в индуизм, оказывается крайне сходным с теми наидревнейшими веропредставлениями и суевериями, которые известны и у упоминаемых Тилаком «других арийских рас», то есть у представителей северного, нордического, или, точнее, европеоидного расового типа, языки кото-

рых вместе с арийскими входят в единую обширную индоевропейскую семью.

Термина «арийская раса» в науке не существует. Как уже говорилось, он был заимствован Тилаком у европейцев. Этот термин укоренился в части работ индоевропейцев во второй половине XIX века и стал широко использоваться расистами. Языковеды применяли слово «арийский» лишь для определения *языковой* принадлежности индоиранских племен, обобщенно именуемых арьями или ариями. Уточнить названия (этнонимы) некоторых из этого общего массива племен удалось лишь в процессе анализа древнейших письменных памятников Индии.

Следует помнить, что слово «арийцы», порожденное немецкими терминами «индогерманиш» и «ариш», *не может быть применимо* для определения европеоидной расы или индоевропейской языковой семьи.

Глава 1

ДРЕВНОСТЬ. ПРЕДКИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Итак, считается, что последний ледник отступил с поверхности земной суши не так уж давно: по мнению одних ученых, тринадцать, по мнению других — восемь-девять тысяч лет назад. Мы ведем здесь речь, как и будем вести ее дальше, о северной части Восточной Европы, то есть о русском Севере. Сюда повернуло теплое течение Гольфстрим, и здесь начала возобновляться и расцветать жизнь, в отличие от Скандинавского полуострова, где довольно долго еще сохранялся тяжелый ледовый щит. Это было начало периода, именуемого голоценом, в котором живем мы с вами.

Исследователи главное внимание уделяют тем этапам культурно-хозяйственного развития человечества, которые протекают в этом периоде. Но к сожалению, мало кто из ученых углубляется во времена первых тысячелетий голоцена, хранящие данные о жизни наших далеких предков, о наших генетических корнях, о путях развития индоевропейских языков и об истоках наших верований и обычаев.

Данные археологических изысканий и памятники письменности содержат основные сведения обо всем этом. Но вот Чингиз Айтматов правильно сказал в своем романе «Буранный полустанок»: «Иные есть грамо-

теи, которые признают только то, что написано на бумаге. А если в те времена книги еще не писались, тогда как быть?» Да, письменность появилась так поздно, что самые древние ее памятники на земле не прослеживаются дальше 4—3-го тысячелетий до н. э. Археологические находки в подавляющей своей массе безмолвны. Ученым постоянно приходится гадать, какому народу принадлежали найденные предметы, кем они были созданы и на каком языке говорили их создатели. Обычно той или иной группе находок присваивается название культуры по названию населенного пункта, вблизи от которого они были найдены. Так, культура, открытая в селе Дьякове, названа дьяковской, а в селе Андронове — андроновской. Но этих находок еще не достаточно для выявления истории каждого народа, и возникает много споров по определению этнической принадлежности найденных вещей.

Неизбежно возникают и во многом остаются нерешенными такие вопросы: на каком языке говорили эти люди? каков был их общественный строй? как они относились к окружающей природе? каким богам поклонялись?

И тут исследователи прибегают к методу сравнений и сопоставлений всего найденного с теми чертами быта и с теми явлениями культуры, которые сохранились или у достоверных, или у допустимо предполагаемых потомков этих давно ушедших из жизни людей или же у близко родственных им по своему происхождению групп. Тщательные разыскания производят — и это очень часто бывает наиболее доказательным — в памятниках устной литературы: в мифах, сказках и преданиях, наследственно воспринятых от далеких-далеких предков и бережно сохраняемых в памяти. Тщательно изучаются самые старые хроники, в которых могли «затаиться» малейшие упоминания об ушедших

эпохах. Все это сопоставляют с данными археологии, складывая из найденных фрагментов более или менее достоверные мозаичные картины минувшей жизни того или иного этноса.

Многие увлекаются поисками далеких «прародин» этнических групп, считая, что это те области, где памятники сконцентрированы наиболее густо, свидетельствуя о длительном пребывании людей в этом конкретном месте. Но попробуем задать вопрос: были ли на земле такие «прародины»? Ведь изначально-то люди странствовали по свету небольшими семействами, а затем семейно-родовыми группами в поисках охотничьих угодий и рыбных водоемов, а потому условная схема таких передвижений может выглядеть лишь как маршрутная сетка ломаных линий, а не как оседлая территория, где складывалась культура. На землях якобы обнаруженных «прародин» люди жили уже в поздние времена, владея общими формами сложившейся социальной культуры и языка.

Сохранившиеся донныне элементы языка, пронесенные сквозь сотни и тысячи лет, — вот один из наиболее надежных источников прослеживания этнической истории. Другим источником может служить расовый тип, третьим — религиозные воззрения, верования далеких предков, бережно хранимые и во многом донесенные до наших дней из такой глубины времен, куда не проникает взгляд ученых.

Авторы подавляющего числа трудов по истории населения нашего континента считают ее началом 3–2-е тысячелетия до н. э., связывая именно этот период с переходом человеческого общества (что надо понимать как большинство этносов, входящих в круг изучения) к производящему хозяйству, основным критерием которого считается наличие земледелия и скотоводства. Но от такого подхода многие ученые уже отказа-

лись или отказываются, считая, что следует изучать историю как *единый поток развития человечества* начиная с появления первого каменного орудия. С этим нельзя не согласиться. И снова вопрос: о каких «прародинах» можно тогда говорить?

Требует разрешения насущная задача выявления путей духовного развития человеческих сообществ на разных этапах их исторического существования, обстоятельств возникновения и становления их языка, а равно и взаимоотношений этих сообществ. Значительное внимание — особенно в XIX и XX веках — исследователи стали уделять возможности нахождения исходных земель и путей дальнейшего расхождения сложившихся групп индоевропейцев, то есть предков тех людей, языки которых объединены в науке под общим названием «индоевропейская семья». Основная масса носителей этих языков расселилась по землям Европы, а часть отделилась, и эти отделившиеся группы переместились в Индию и Иран. Эти-то группы племен и известны как арии, или арии. Отечественные специалисты стали заниматься не только выявлением сходства в языках ариев и индоевропейцев — в частности, славян, — но и проблемой веропредставлений этих двух групп.

В поисках «прародины» славян некоторые не отказываются от однажды высказанной гипотезы, что она находится в области Карпат. Но согласиться с самим фактом обнаружения «прародины» не представляется возможным в силу вышеизложенных причин. Да, славяне жили и сейчас живут в указываемых землях, но как они там очутились? Откуда и когда пришли?

Крупнейший российский ученый академик Б. А. Рыбаков, археолог, историк, этнограф и религиовед, считает, что понимание обозримого прошлого, достигнутое анализом и сопоставлением добытого материала, не может считаться достаточным для заключений о «прародине»

любого народа. Он настойчиво призывает выявлять в таком материале «тысячелетнюю архаику отдаленной первобытности» и, тщательно изучая пережитки древности, находить пути и возможности связать их с теми условиями, к которым восходят их корни, то есть к максимально доступным для понимания глубинным эпохам. Не заниматься поисками «прародин» народов, а искать следы их древнейших связей [68].

Этот путь наиболее приемлем для выявления близости славян и арьев. Присоединимся к тем, кто ищет такие следы. Обратимся за помощью к разным отраслям науки — не только к лингвистике и археологии, но и к палеоботанике, геологии и палеогеографии.

Откуда, куда и когда продвигались группы предков (а точнее — прапрапредков) всех индоевропейцев, в том числе славян и арьев? Поддерживали ли они взаимные контакты? Когда и где эти контакты могли возникнуть и укрепиться? Если они уходили с некогда обжитых земель, то каковы были причины этого ухода?

В ряду многих попыток найти ответы на эти вопросы не последнее место занимает теория (часто именуемая лишь гипотезой), известная в науке как полярная или арктическая. Рассмотрим, как она связана с вышеупомянутыми двумя группами племен, и постараемся не отступать от достоверности в своих предположениях и доказательствах.

Из всей обширной семьи индоевропейских народов мы выбрали славян и арьев по трем причинам: а) максимальная по сравнению со всеми индоевропейскими языками взаимная близость языков именно этих групп; б) сходство ряда языческих культов славян с религией индуизма; в) близкое сходство в различных формах народного искусства и распространенных в нем символах.

Как бы давно ни начали возникать эти сходства и эта взаимная близость, важно, что в начале нашей эры и в

последующую эпоху Средневековья они проявлялись столь заметно, что с тех пор находят свое отражение в письменности и литературе и в немалой мере дожили до наших дней.

Наиболее убедительные ответы на вышеставленные вопросы дает именно полярная теория. Она зародилась в XIX веке в умах исследователей из числа тех, кто изучал язык древней индийской культуры — санскрит (который жив в этой стране и ныне признан одним из официальных ее языков). Они обратили внимание на то, что в древнейших памятниках индийской литературы,

Рис. 1. Изваяние брахмана-проповедника

таких, как Веды и эпос (в частности, великая эпическая поэма в 200 тысяч строк, именуемая «Махабхарата»), содержатся описания природных явлений, совершенно не характерных для Индии. «Проследить» эти описания по ступенькам эпох было сравнительно легко, так как в религиозных гимнах Вед строго и свято сохранялся на протяжении неизмеримо долгого времени каждый слог, каждый звук, каждое слово без права внесения в них малейших изменений.

Удалось установить время завершения первой, и главной, из четырех Вед — Ригведы. Это слово переводится как «знание речи», а точнее — как «ведение речи» (фонетические варианты его первого слога сохраняются в славянских глагольных формах, таких, как «ректи», «речешь», и в существительных «речь», «реченье»). Ригведа была завершена во второй половине 2-го тысячелетия до н. э. уже в северо-западных областях Древней Индии. А когда и где начали ее создавать? Пять или пятьдесят тысяч лет назад? Еще в доисторический период жизни арьев возник запрет на внесение в ее тексты каких бы то ни было изменений, и жрецы-брахманы передавали священные знания из уст в уста в течение многих-многих поколений. Это был путь накопления и сохранения знаний, приобретаемых в процессе исторического развития начиная с древних эпох.

Необходимо отметить, сколь велика была историческая заслуга жрецов, тысячелетиями сохранявших и передававших «преданья старины глубокой». Б. Г. Тилак в своей уже цитированной здесь книге «Арктическая родина в Ведах» подчеркивает и высоко оценивает умение жрецов «полировать» память поколение за поколением, чтобы довести до высокой степени способность запоминать, хранить и передавать дальше эстафету знаний, традиций и веропредставлений, создаваемых и вырабатываемых народом в долгом ходе его развития. За-

метим, что такую же важную культурутрегерскую роль играли и славянские волхвы. Христианские власти безжалостно уничтожали их, а с ними прервалась эстафета замечательных традиций. Сейчас ученым приходится собирать по крохам сохраняющиеся в народе следы языческой культуры.

В Индии многие описания перешли из Вед в памятники более поздней ведической литературы и стали известны не только сословию жрецов, но и более широкому кругу лиц. Многие из этих описаний заинтересовали ученых Запада, но, когда начались работы по сопоставлению, выяснилось, что они поразительно сходны с теми, что содержатся в преданиях славян. Б. А. Рыбаков справедливо указывает, что их истоки «нам по-настоящему неизвестны, так как фольклористы XIX–XX веков уловили лишь схемы сказаний, получивших еще в Средневековье христианскую окраску» [68]. А славянам и сейчас не показались бы «загадочными и удивительными»

Рис. 2. Так молодые брахманы заучивают Веды

ми» (как их оценивают многие на Западе) описания северной природы в Ведах и эпосе Индии — они могут наблюдать их и сейчас. Вот в полярной теории все такие загадки решаются без труда.

Большинство исследователей видят «прародину» арьев не на описанном в Ведах Севере, а в причерноморских степях и лесостепях. На пути с севера к югу арьи действительно надолго останавливались на здешних богатых пастбищах, весьма пригодных для откорма скота. С наступлением длительной засухи и с фактической переменой климата они откочевали к востоку и юго-востоку. Современные ученые всех стран, включая Индию, считают единственно возможным началом пути арьев в Индию Восточную Европу. Их уход датируют концом 3-го — началом 2-го тысячелетия до н. э.

В XIX веке некоторые ученые в поисках «прародины» не только арьев, но и других индоевропейских народов направили свое внимание на Приполярье. Широкую известность обрела книга американского исследователя У. Уоррена [81]. Эта книга, как пишет Тилак, ускорила и его работу.

Никто из ученых еще не решил вопроса о разделении всего древнего массива арьев на две ветви, различающиеся по признаку двух сложившихся форм речи — индоязычную* и ираноязычную. Следует сразу напомнить, что оба названия были даны этим двум ветвям арьев по признаку их «будущей судьбы» — ведь они по прошествии многих веков стали жителями Индии и Ирана. Как именовали себя арийские племена в той глубокой древности — не известно никому. Тилак пишет, что уже в древности арьи разделились на две ветви, но названий

* Это название еще не привилось в нашей науке, но применяется здесь в силу рациональности его смыслового содержания.

этих ветвей не приводит, указывая лишь на то, что они стали поклоняться разным божествам.

Отечественные исследователи в большинстве своем признают, что предки индоязычных и ираноязычных народов «...жили в глубокой древности вместе, на одной общей территории, говорили на близкородственных друг другу арийских диалектах». Но о возможности этой совместной жизни на далеком Севере они мало пишут, склоняясь к традиционному убеждению, что эта общая территория находилась в Восточной Европе. Некоторые усматривают «колыбель индоиранского языкового единства» в области Среднего Поволжья [49], в междуречьях Днепра–Дона и Дона–Волги, соотнося складывание этого единства всего только с 3-го тысячелетия до н. э. В нашей науке утвердилось и общее название для древних арьев — индоиранцы. Этот термин мы тоже будем применять ниже.

Остановимся и на том, что в трудах разных ученых мы встречаем много названий для обозначения общих предков этих ветвей: арьи, арии, арийцы, индо-иранцы, арья-ираноязычные народы и др., вплоть до присвоения всем индоевропейцам наименования арийской расы*.

* На Западе давно ведется дискуссия об этой расе, здесь возникла тенденция применять определение «арийский» к германцам и скандинавам. Напомним еще раз, что Тилак заимствовал этот термин именно у западных ученых, в индийской науке он никогда не использовался. На Западе была детально разработана теория об «арийстве» и «неарийстве» тех или иных народов. Само слово «арья» стали ошибочно переводить как «благородный», хотя особых оснований для этого явно нет. Слово «арья» встречается в Ведах более 60 раз: оно происходит от санскритского корня *-ry/ri-* — передвигаться, идти, перекочевывать. Его основное значение — «хозяин, скотовод, член кочующего племени» — вошло в словари и разъясняется индийскими историками.

Археологические раскопки на Крайнем Севере ведутся у нас менее интенсивно, чем в других областях страны. Мы не знаем, когда там возникло скотоводство, но возможности для разведения скота, подходящие природные условия сложились там уже в период так называемого климатического оптимума голоцена, то есть во время быстрого потепления климата на Севере, — в древних частях Вед постоянно упоминается о принесении коров в жертву богам (видимо, под «коровами» здесь следует понимать быков). Часто указывается и на то, что воинственный бог Индра, борец с воцарением вечной ночи, очень любил пьянящий напиток под названием сома, но крайне неясно описывается способ его приготовления (о чем скажем ниже).

Не исключено, что группы племен, постепенно продвигавшиеся к югу, перегоняли и скот, а также переходили к временным занятиям земледелием. Это, вероятно, следует связывать с продвижением арьев по Восточной Европе. Предки славян начинали более активно вести земледельческое хозяйство, как, совершенно очевидно, и предки других индоевропейцев. Скотоводство продолжало играть важную роль в хозяйстве всех кочующих здесь племен — об этом говорят найденные при раскопках многочисленные костные останки крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей. По данным радиоуглеродного анализа, останки лошадей, найденные на этой территории, относятся к 5-му тысячелетию до н. э. Следует сказать, что развитие коневодства истории больше всего соотносят с культурой арьев, считая, что это способствовало — наряду с умением конструировать конные повозки и колесницы — сравнительно быстрому уходу арьев на восток и юго-восток. Датировать эти передвижения с абсолютной научной точностью не представляется возможным, но факт многих и длительных миграций зафиксирован в данных ведической литературы и в Авесте [3].

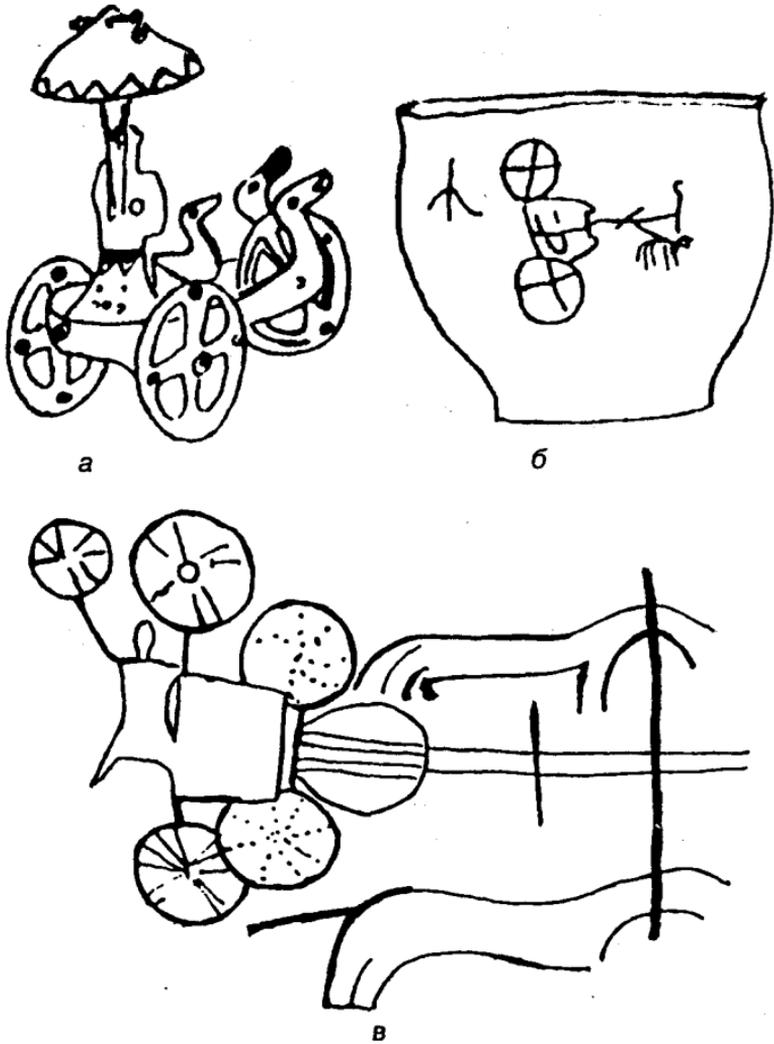

Рис. 3. Изображение колесниц: а — западные славяне, б — срубники, в — наскальный рисунок в Северной Индии

Веды создавались жрецами индоязычной ветви древних арьев, а Авеста — жрецами их ираноязычной ветви. Группы ираноязычных арьев продвигались к югу главным образом вдоль Восточного Приуралья и прилегаю-

а

б

Рис. 4. Скифы, по описаниям греков, были подобны славянам: а — всадник-скиф; б — изображение скифов на одном из скифских металлических кувшинов

щих к нему областей. Именно с этой ветвью ученые связывают возникновение во 2-м тысячелетии до н. э. андроновской культуры, хотя часть ее памятников обнаружена и к западу от Урала.

Явные свидетельства пребывания значительного числа ираноязычных арьев на южных территориях Восточной Европы обнаруживаются не только в языках, но и в самом расовом типе славян. Прежде всего вспомним скифов. Известный иранист В. И. Абаев выявил много словарных сходжений [2], а антропологи подтвердили это своими данными. Так, Абаев пишет, что «...по количеству и весу сепаратные скифо-славянские изоглоссы далеко превосходят сепаратные связи скифского с любым другим европейским языком или языковой группой», а антрополог Т. И. Алексеева указывает, что «формирование черт, присущих древним славянам, относится к глубокой древности» и что соотношение физических признаков разграничивает славян и германцев, так как «в ряду колебаний этих соотношений германцы и восточные славяне занимают диаметрально противоположные положения» [5]. Все указанное объясняется близостью именно предков славян и арьев, сложившейся в глубине тысячелетий.

Глава 2

ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ СБЛИЖЕНИЯ, СОСЕДСТВА И РОДСТВА

Из глубины веков

В течение длительного времени историю славян пытались описывать ученые и хронисты, не владеющие ни славянскими языками, ни славянской культурой. Это привело к тому, что даже Гегель назвал славян «неисторическим народом». Возмущение по этому поводу справедливо высказал русский историк С. Лесной в своей книге «Откуда ты, Русь?» [49]. Также доказано, что «контакт германцев со славянами был установлен очень поздно — может быть, не раньше начала нашего летоисчисления» [49]. Этот вывод отодвигает германцев и от предположения об их близких контактах с арьями — между предками германцев и арьев пролегал с глубочайшей древности пласт предков славян, ближайших соседей арьев вплоть до конца 2-го тысячелетия до н. э. Результатом этих многотысячелетних контактов и явилось упомянутое сходство славянских языков с санскритом (как и со многими словами индоарийских языков, сложившихся на основе санскрита), а также совпадение или близость ряда древних веропредставлений.

Давно следовало бы изъять из программ научных исследований дискуссии о том, что славяне как этничес-

кий массив возникли не то на рубеже нашей эры, не то даже в первых ее веках, что часто встречается и сейчас на страницах некоторых книг и статей. Поскольку лучше С. Лесного об этой проблеме не скажешь, позволю себе привести цитату из его уже упомянутой книги: «Исследуя корни славян, автор столкнулся с поразительным фактом, не объясненным и вовсе не оцененным историками (мы будем дальше говорить лишь о европейских историках, ибо лишь они и занимались историей Западной Европы): для славян, самого крупного и в прошлом, и в настоящем народа Европы, не находится места, когда речь заходит об их происхождении!.. Славяне в Европе автохтоны, то есть коренные жители... Три основные черты славян определяют их жизнестойкость: необыкновенное трудолюбие, доходящее иногда до самоистязания, любовь к родине, часто даже не осознанная умом, и талантливость... Нам долго не давали места под солнцем... Нас веками натравливали друг на друга. Даже в истории не дают надлежащего места. Но это время уже прошло. Славянские народы поднялись и сами напишут свою историю, в которой будут правда и должное место каждому. Как могло случиться, что этот многомиллионный народ появился на арене истории лишь в начале VI века?»* [49]

Надеемся, что прилагаемый сравнительно-сопоставительный анализ культур славян и арьев хотя бы частично даст ответ на этот вопрос.

Какими бы путями ни проникали арьи в Индию, нас интересует тот факт, что они начали свои далекие миграции с земель Восточной Европы, где жили в тесном соседстве или даже входили в близкородственные общ-

* Необходимо учитывать данные о древности происхождения славян, так как без них не будут понятны материалы приложений в конце этой книги.

ности с праславянскими племенами. Некоторые западные ученые тоже стали говорить о древности славянских племен. Так, венгерский исследователь Я. Харматта на проводившемся в 1977 году в СССР международном симпозиуме сообщил, что время отделения индоиранцев от протобалтов и протославян относится к первой половине 5-го тысячелетия до н. э., то есть он констатировал наличие сложившейся общности протославян в тот отдаленный период. Но это одно из крайне редких мнений в ряду распространенных на Западе.

Археологические раскопки, проводившиеся на территории Восточной Европы, дали ученым возможность проследить два исторически последовательных и генетически связанных этапа развития этнических групп, населявших эти территории в течение длительного периода своего развития. Главным признаком, определяющим такие исторические этапы, считается способ погребения покойных — как некремированных, так и останков после кремации. Если в 5–3-м тысячелетиях до н. э. их погребали в ямах, то во 2–1-м тысячелетиях до н. э. эти останки клали в закопанные (полностью или частично) бревенчатые срубы или в избушки, поставленные на столбы. Первый из этих этапов известен под названием ямной культуры, а второй — срубной. В создании и развитии обеих культур участвовали наряду со славянами и арьями и некоторые группы других индоевропейцев, а точнее — их предки. (Тут нелишне будет указать, что у ираноязычных арьев — андроновцев — сложился особый погребальный обряд: тела мертвых относили подальше от селений и оставляли на съедение птицам-стервятникам; этот обряд до сих пор распространен в среде зороастрийцев [4].)

Выяснение вопросов этнической или, точнее, этнолингвистической принадлежности всех этносов, составлявших огромные общности двух указанных куль-

тур и находившихся в тесном как временном, так и пространственном соприкосновении, пока не представляется возможным. Но археологи и лингвисты выявили главную, исторически важную черту их развития — *этногенетическую преемственность в области культуры между хронологически определяемыми, сменяющимися друг друга группами*. Археологи утверждают, что крупные племена сложились на этих землях уже в древнейшую эпоху; тут они проходили стадию развития патриархальных отношений и знали имущественную дифференциацию. Нам же крайне важно обратить внимание на то, что и тогда продолжалось и укреплялось заметное *культурное* сближение племен, а прямой результат этого — сохранение в индуизме ряда элементов европейского, и прежде всего славянского, язычества.

Позднее, до начала эпохи бронзы и даже в века ее расцвета во 2-м тысячелетии, контакты между древними славянскими и арийскими группами развивались в основном на территории более южных областей Восточной Европы. Здесь арьи продолжали вести свое кочевое и полукочевое хозяйство вплоть до ухода больших их групп (но возможно, не всех, ибо нет тому подтверждения или опровержения). По определению археологов, кочевое скотоводство играло положительную роль в процессе взаимного общения разных племен и в известной мере укрепляло их взаимные связи. Вероятно, именно в эпохи долгого пребывания в пределах обширных территорий ямной и срубной культур складывались предпосылки для выработки верований, близких арьям и славянам, и обширного запаса сходной лексики. Более того, ушедшие в Индию арьи унесли с собой также выработанные в процессе общения многие элементы народного искусства. Особое место занимали условные знаки, служащие для обозначения небесных светил и природных яв-

лений, календарные символы и т. п. (рис. 5). Эти знаки наносились на предметы быта — главным образом на одежду — и считались оберегами. Поэтому в индийских и славянских народных орнаментах сохраняются общие или крайне схожие изображения [34]. Интересен и тот факт, что их можно выявить на всем пути арьев из Восточной Европы в Индию.

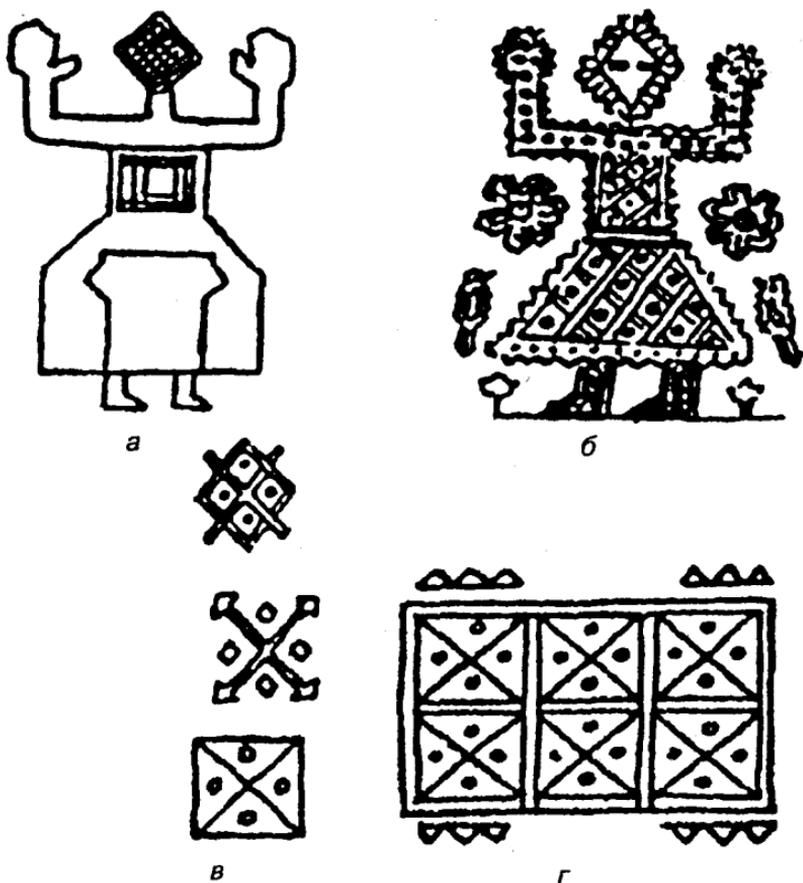

Рис. 5. Символические изображения женщин — покровительниц растений и знаки засеянного поля: а, б — древние славяне; в, г — Индия

Что же касается скифов (помните, у Александра Блока: «Да, скифы мы...»?), то следует указать, что по своим внешним данным они до полной идентичности были сходны со славянами, из-за чего их часто путали, принимая эти племена одно за другое. Так, Геродот в своей «Истории» называл приднепровских славян скифами-пахарями, хотя скифы были кочевниками, а не земледельцами.

Так прослеживается сходство славян с индо- и ираноязычными арьями.

Теперь настало время обратить внимание на полярную, или арктическую, теорию, так как без ознакомления с ней трудно понять все многообразие истоков индуизма. Нелишним будет вспомнить, что в древней легенде германцев и скандинавов говорится о некогда существовавшей неведомой стране Туле. Считалось, что находилась она «где-то на севере». Память о ней и до сих пор сохраняется как бы на уровне подсознания, где хранятся и другие давно забытые мифологические представления. (Кстати, укажем на то, что американцы дали название Туле одной из своих военных баз на побережье Гренландии.) Нам же интересно здесь только одно: глухие, полустертые следы воспоминаний о северной стране, с которой мифы связывают происхождение европейцев.

Внимание историков и лингвистов привлекло гораздо более конкретное содержание книги Б. Г. Тилака «Арктическая родина в Ведах». Тилак проделал огромную работу оригинальной научной направленности. Он исследовал и подробно прокомментировал Ригведу и другие памятники ведической литературы, внося ряд существенных изменений и исправлений в переводы и исследования западных ученых, которые иногда переводили гимны «на ощупь», не будучи одарены, подобно высокообразованным брахманам Индии, способностью «ощущать» их.

Тилак по рождению принадлежал к этому высшему (как издревле считается) сословию знатоков санскрита и преподавателей священных знаний. Следует помнить, что каждый из индийских знатоков своей древней литературы, как религиозной, так и научной, — а ее запас огромен и до сих пор еще не изучен на Западе — не просто знает язык и содержание памятников — он с самого раннего детства воспринимает в кругу и от жрецов традиции расшифровку и толкования их содержания, пропитывается отраженной в них атмосферой древности. Ведь Веды полны слов, имеющих два, три и более значений. Но индийские специалисты и знатоки тестов помнят и знают, как именно полагается трактовать эти значения и какое из них авторы Вед считали важным и нужным для выявления смысла контекста. Индийские специалисты знают и сохранившиеся издревле астрологические и грамматические комментарии, что не менее важно. Опираясь на широкий спектр своих знаний, Тилак раскрыл в своей книге смысл многих описаний и аллегорий в текстах Вед. Его труд посвящен в основном Ригведе, но он пояснил и ряд трудных мест текстов Авесты, которая во многом близка Ригведе. (Авесту датируют рубежом 2–1-го тысячелетий до н. э. и приписывают ее авторство Заратустре. Но установлено, что она создавалась в течение нескольких веков после прихода ираноязычных арьев в Иран.) Книга написана на английском языке, что сделало ее доступной и в кругах разнациональной общественности Индии, и в среде западных ученых.

Тилак дал нам ключ к выявлению фактов места и времени формирования древнейших племен арьев, а также, как он правильно указывает, и других «рас», близких арьям, то есть прапредков всех индоевропейцев. Где и когда были сложены древнейшие гимны Ригведы? Его

анализ гимнов настолько глубок и, главное, достоверен, что о полярной гипотезе следует говорить только как о теории, что мы здесь и делаем, тем более что под таким названием она вошла в науку.

Из книги «Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы» [15] следует, что «быстрое глобальное потепление климата началось примерно за 13 тысяч лет до н. э.». Субарктические леса «сместились примерно на 300 км севернее их нынешней полярной границы», а в 8-м тысячелетии до н. э. температура на Севере не опускалась в среднем ниже 0°C. В работах наших палеоклиматологов содержатся и другие интереснейшие свидетельства, касающиеся состояния северной природы в те времена и подтверждающие факт отступления ледника с земель Восточной Европы. Из этих книг мы можем узнать, что на указанный период приходится на Крайнем Севере «абсолютный максимум березы»*, что там были хвойные леса и росли широколиственные деревья в сочетании со злаково-разнотравным составом луговой растительности. Такие сведения содержатся, например, в сборнике «Новые данные по геохронологии четвертичного периода». Все эти открытия позволяют относиться к проблеме со все большим нарастанием интереса.

В условиях мягкого климата арктических районов в древности (тундра сменила леса лишь в 3-м тысячелетии до н. э., то есть после окончания теплого периода «климатического оптимума голоцена») существовали все условия для развития хозяйства и культуры живших там людей — формирующихся этносов индоевропейцев, включая арьев и славян. Как они очутились на северных землях в те эпохи? Тилак утверждает, что они

* Самое древнее слово санскрита, означавшее «дерево», буквально переводится как «береза».

там жили и в период последнего межледниковья, а затем ушли под давлением наступающего ледника и расселились на землях Северной Европы. Когда последний ледник сполз в Ледовитый океан, они группами стали возвращаться на некогда оставленные ими северные земли и снова заселили их. Ведь за уходящим ледником шли по обильно обводненным пастбищам многие копытные животные и мамонты — основные объекты охоты, за ними следовали и дикие животные, шкуры и мясо которых тоже были нужны людям. Льды ушли в океан, а люди стали век за веком скапливаться на его побережье.

Впоследствии они понемногу опять начали отходить к югу под воздействием двух главных факторов: а) наступления нового значительного, хотя и не ледникового, похолодания примерно в 7-м тысячелетии; б) разрастания населения на сравнительно малой территории, ограниченной с востока отрогами Урала, а с запада долго не тающим ледниковым щитом на Скандинавском полуострове.

Откочевывавшие на юг группы предков индоевропейцев уносили с собой черты сложившейся на Севере культуры и общественных отношений, равно как и установившиеся связи между племенами и общие или взаимно близкие элементы языка и религиозных представлений. Эти связи сложились и укрепились на Севере в процессе соседского, а может быть, и родственного общения между территориально близкими племенами и во многом поддерживались на долгом пути в более южные области. Следует напомнить, что, судя по сохранившейся близости лексики и веропредставлений славян и арьев, мы имеем основания предполагать, что связи именно между этими группами поддерживались дольше всего в результате длительной близости и на территории Восточной Европы.

При анализе гимнов Вед и некоторых описаний в «Махабхарате» вызывали недоумение явные указания на природные реалии Крайнего Севера. Особенно удивляли всех указания на неподвижное стояние Полярной звезды и на то, что все светила кружатся вокруг нее. Все долгое время сходились во мнении, что это возможно лишь в точке Северного полюса, а значит, слова Тилака — выдумка, ибо эти памятники могли отражать только южную природу. Долгое время его книгу окружала стена молчания, которая, заметим, не рухнула и в наши дни. Единственный русский ученый Е. Елачич, откликнувшийся на труд Тилака, в книге «Крайний Север как родина человечества» [32] высоко оценил все его разъяснения и указал, что над полюсом в 3–2-м тысячелетиях стояла другая звезда — альфа Дракона, и отметил неправомерность и ошибочность обвинений Тилака западными аналитиками. К его словам о звезде можно добавить, что найдена еще одна звезда, игравшая в далекой древности роль Полярной, — это Вега, альфа Лиры, так что, возможно, именно о ней идет речь в Ведах (известная нам Полярная звезда в созвездии Малой Медведицы появилась позднее как «точка упора» земной оси в небо при новом ее склонении). Не столь важно точно определить эту звезду в древности, сколь важно узнать, что люди и в те эпохи могли наблюдать небесные светила и прокладывать по ним свои пути, как это делают и сейчас моряки, летчики, путешественники.

Примеры умения наших далеких прапрапредков наблюдать и анализировать природные явления отражены в памятниках древнеиндийской литературы и в Ведах, которые и разбирает Тилак. Так, в религиозно-правовом трактате, известном у нас под названием «Законы Ману» [37], мы находим такие слова: «Солнце отделяет день и ночь, человеческие и божественные... У богов

день и ночь — человеческий год, опять разделенный надвое: день — период движения Солнца к северу, ночь — период движения к югу» (глава 1). Солнце, уходящее к югу на полгода, могло означать только одно — полярную ночь над полюсом, а уходящее к северу — незакатный день. Этот памятник датируется примерно рубежом нашей эры — значит, сведения в нем заимствованы из древних Вед. В одной из частей Авесты, в Вендидаде, тоже говорится, что для богов один день и одна ночь — это и есть год.

Арктическим явлениям соответствуют и описания в эпосе северных сияний. Эти красочные картины поясняются как борьба богов света с демонами мрака, видимая людям, во время которой всюду с неба льются потоки крови, падают золотые сетки украшений, многоцветно сверкает разнообразное оружие и небо покрывают стрелы с золотыми наконечниками. По окончании битвы все это великолепие скрывается до нового сражения.

Тилак пишет, что в гимнах Ригведы воспевается бог года, имеющий голову, одна сторона которой образована днями света, а другая — днями мрака. И другой феномен крайне интересен — наличие в древних частях Вед божеств солнца, число которых меняется поочередно: 6—7—8, что указывает на число месяцев, когда люди видели солнце. Интересно то, что восьмой бог носит имя Мартганд, то есть «умирающий, недоношенный», что Тилак разъясняет как указание на время создания гимна — в те дни, когда арьи еще не достигли областей, где солнце светит восемь месяцев в году. Все эти области соотносятся лишь с Заполярьем, так как дальше речь идет о числе божеств солнца от девяти до двенадцати. Последнее число совпадает с солнечным календарем средних и южных широт, который известен, наряду с лунным, всем индоевропейцам. Всеобщим символом солнца стала свастика (рис. 6).

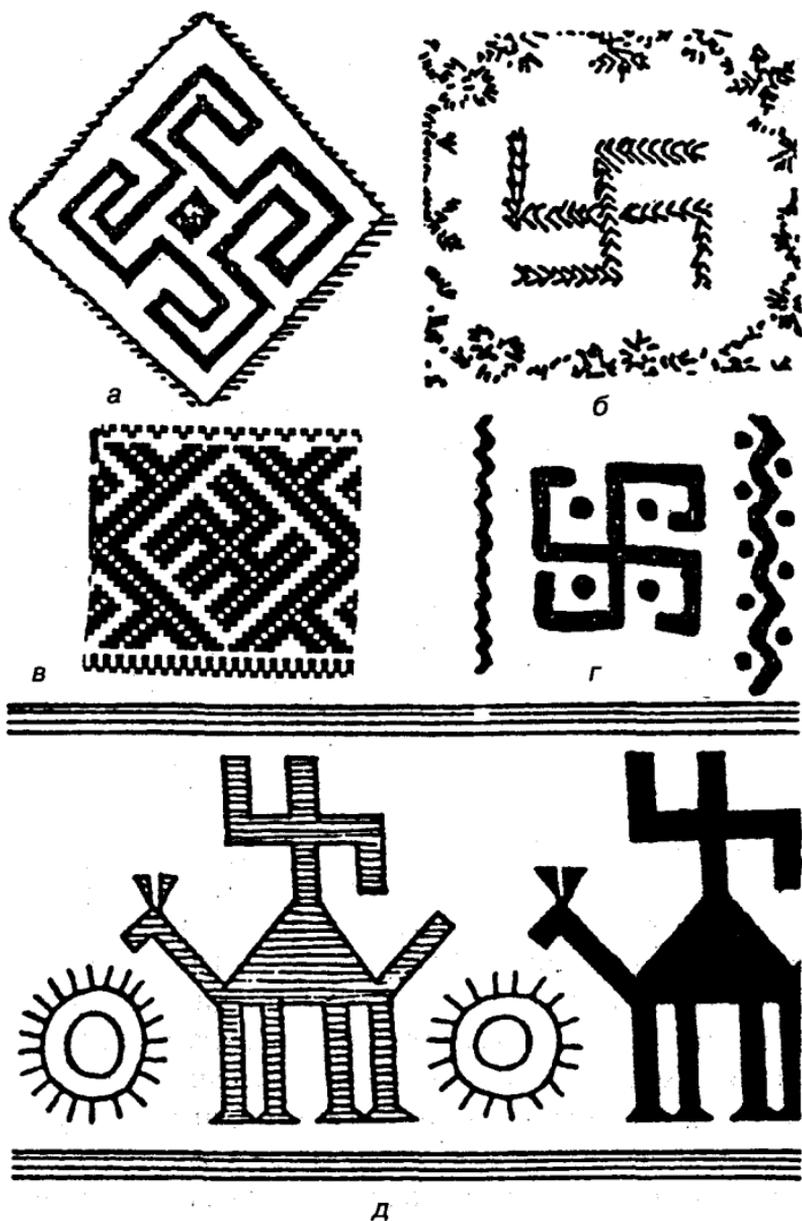

Рис. 6. Свастика в вышивке: а — русский Север; б — Белоруссия; в — Таджикистан; г, д — Индия

В ряде ведических гимнов воспеваётся заря, которая восходит дважды в год и длится по многу суток, иногда по тридцать, вплоть до появления края солнечного диска над горизонтом. Эти периоды именуются в Ведах рассветом и закатом дня богов. В самых прекрасных словах воспеваётся богиня зари Ушас, говорится, что тридцать зорь — это тридцать сестер, и последняя «пламенеет лучами Сурьи», то есть солнца, появление которого возвещает приход незакатного дня.

Эти описания охватывают обширные области Заполярья. Здесь можно привести интереснейшие данные о рассветах, закатах, днях и ночах, взятые из календарных подсчетов, проведенных гидрометцентром Мурманска. Эта «таблица солнца» относится к северной широте Мурманска — который расположен на два градуса севернее Полярного круга, то есть на 69° с. ш., — и к близлежащим областям. 11 января там начинают разгораться зори, предваряемые долгим рассветом, вызываемым дальним приближением солнца. После того как отгорят зори, длящиеся много дней, 10 января на двадцать минут появляется край солнца. Целиком солнце появляется над горизонтом 22 мая, после чего оно полностью «ходит» в небе до 22 июля, а затем начинает медленно погружаться за горизонт. Его уход снова сопровождается вечерней зарей и сумерками. За горизонтом оно пребывает до 11 января. Таким образом, 60 суток солнце стоит в небе, затем наступает около 133 суток заката, и 40 суток длится «вечная» ночь, освещаемая вначале вечерней зарей.

Вот на этих широтах арьи могли видеть и описать десять месяцев солнца, а это значит, что в Ведах отражены и гораздо более северные области. Где же они лежали, эти места, где можно было насчитать 6–7–8–9 месяцев солнца? Прежде всего, арьи могли подсчитать время

«вечного» дня и «вечной» ночи над Северным полюсом, условно обозначив его периодами полугода, а вот остальные месяцы они видели солнце сначала на землях, очень близких к полюсу, а затем все более и более отдаленных от него. Эти находки и указания Тилака предстоит разъяснить географам, геологам и геофизикам. Мы же можем только указать на удивительное его проникновение в суть ведических гимнов (см. далее в этой главе: «Арифметика — опора истории»).

К великому сожалению, в трудах отечественных и западных ученых не содержится подсчетов данных, выявленных в языческих преданиях индоевропейцев. И мы здесь также не можем привести указаний или хотя бы намеков, сохранившихся в славянском язычестве, то есть на землях, ближе всего расположенных к местам, указанным в Ведах.

Из индийских ученых, поддерживающих рассуждения Тилака, следует упомянуть двоих участников XXVI Международного конгресса востоковедов. Один из них, Р. К. Прабху, постарался привлечь внимание участников конгресса к выявлению древнейшей сути индусской традиции особого, уважительного отношения к числам, которые приравниваются к божественным: 16, 24, 40, 64 и 86. Прабху попытался соотнести их с количеством календарных дней в Арктике. Но из его расчетов трудно понять, к каким широтам это относится. Так, он предположил, что 16 — это число суток весеннего восхода и осеннего захода солнца в Арктике, а 24 — это количество «долгих» сумерек перед восходом и после захода. 40 — сумма этих дважды в год повторяющихся явлений. Итого — 80. Но об этом числе он не говорил. 64 — это количество суток долгой ночи, что должно бы указывать на более северные относительно Мурманска земли. 86 — число суток незакатного солнца. В сумме это дает 230 суток, но автор доклада не указал,

какие дни он не учел. Можно предположить, что он имел в виду отношение длительности дня к ночи, и тогда оно равняется $1,2 : 1$, то есть ночь по отношению к дню более долгая, чем в пределах Мурманска, где это отношение равно $3 : 2$, а значит, речь шла о более северных областях. Но опять же на широте Белого моря протяженность ночи равна 24 суткам — возможно, поэтому данное число стало священным?

Другой ученый, М. Раджа Рао, назвал свое сообщение «Арктический год ведических арьев». Он призвал обратить внимание на то, что в древних текстах, сопровождавших обряд принесения царем в жертву белого коня, упоминается 260 дней светлого времени года и стодневный период «завершающей» сплошной ночи. Известно, что лишь на Северном полюсе солнце не появляется 178 дней, так что непонятно, о какой именно ночи идет речь. Но с другой стороны, в 260 дней могли быть включены 76–78 дней неоднократно упоминающихся сумерек. И тогда год получается разделенным на две половины — темную (ночь богов) и светлую (день богов), каждая примерно по 182 дня. Автор указал и на то, что в «Махабхарате» великая завершающая битва длилась тоже 260 дней (это 20 прохождений солнца, по 13 дней каждое, через «дома» 12 созвездий) и что солнцеворот приходится в этом памятнике на конец 10-го дня, то есть на 130-й день светлого периода. Это, по словам докладчика, соотносится с целым рядом других памятников ведической литературы.

Подобные данные являются очередным призывом к ученым более точно и внимательно исследовать и анализировать древнеиндийскую литературу.

Очень верны в Ведах также описания круговых движений солнца и звезд и высокого стояния созвездия Большой Медведицы, которая в этой литературе именуется созвездием Семи Пророков. В южных странах

этого наблюдать невозможно, что подтверждает древность космогонических наблюдений прапредков арьев. Почитание Полярной звезды, именуемой в Индии Дхрува, и созвездия Семи Пророков («риши») до сих пор сохраняется в Индии, хотя все эти звезды можно видеть лишь над далеким-далеким северным горизонтом, да и то не всегда. Интересен обряд для новобрачных, по которому они должны перед сном почтить молитвами это созвездие, — традиционность в индуизме сильна и нерушима.

Прославленный своими трудами историк-хорезмиец Абурейхан Бируни (II в.), описавший культуру Индии [12], уделил особое внимание историческим и астрономическим представлениям индийских ученых. Его поражали их знания, касающиеся исчисления единиц времени, положения планет и созвездий в их соотношении с Землей в разные эпохи. Сообщаемые им данные в значительной части совпадают с арктической теорией и могут послужить ее подтверждением.

Ученые более позднего времени, то есть XIX–XX веков, считают, что в процессе вычисления двух основных общностей восточного индоевропейского ареала — протославянской и древнеарийской — у племен обеих групп, несмотря на наступившие изменения в их исторической судьбе, несомненно, сохранялся *слой исконных верований*, сложившихся сначала в необозримой глубине веков, а затем укреплявшихся во времена развития ямной и срубной культур. Между указанными группами стали постепенно намечаться все более заметные различия, но трудно предположить, чтобы резко изменялись их ритуальная практика и веропредставления, то есть те стороны духовной культуры, которые отличаются крайней консервативностью.

Остановимся на одном из примеров. В Ведах воспевается борьба бога Индры с демонами тьмы, надолго

захватывающими Солнце в плен. Индра, убив демона-змея дубиной (позднее ее стали описывать как обоюдоглавую булаву), «породил Солнце, небо и утреннюю зарю», освободив воды, которые «стояли скованными». Он нашел «спрятанный втайне клад неба... замурованный в скале... и похоронил черную кожу».

Здесь поневоле вспомнишь о том, что в славянских мифах с образом Индры близко сходится упоминаемый в «Голубиной книге» [21] зверь по имени Индрок (он же Индрок и Индра), который «всем зверям отец» и тоже «прочищает все ключи источные». Ведь и ведический Индра возвращает к жизни воды, превращенные демоном в «камень», то есть в лед. Древнейшим персонажем славянского язычества является также пастух, защитник людей и домашних животных (в Ведах к Индре обращаются именно с мольбами о такой защите), убивающий дубиной (вариант — посохом) змея, пожирающего скот. Этот древнейший персонаж стал прообразом героя света Егория, вошедшего затем и в христианство как Георгий Победоносец. Такого развитого культа героя нет у других индоевропейских народов; это явно был северный арья-славянский культ.

Тилак, не знавший славянских языков и фольклора, обратил тем не менее в своей книге внимание на образ Кощея, поглощающего свет и жизнь. Он указывает даже, что в Ведах есть сюжет, суть которого явно указывает на предание об «Иване — третьем сыне», правда, без указания имени.

Много внимания Тилак уделяет и анализу гимнов Авесты, где тоже есть, как и в Ведах, воспоминания об «арийском рае» как о светлой, прекрасной стране (об этом, кстати, писали и греки, ссылаясь на рассказы скифов). Но злые демоны наслали холод и снег, и тогда люди ушли отсюда навсегда. Да, ушли, но не все, а потомки оставшихся живут там, как мы полагаем, и в

наши дни. Мы можем так думать, если будем считать, что описанное в Авесте похолодание относится к упомянутому выше 7-му тысячелетию. Однако Тилак полагает, что речь в Авесте идет о конце межледниковья, что, возможно, и более верно.

Небезынтересно, говоря о полярной теории, вспомнить о том, что первые намеки и даже, пожалуй, прямые на нее указания можно усматривать в описаниях древнегреческого поэта-путешественника Арестея Проконесского (VI в. до н. э.). Он сообщал, судя по соответствующим ссылкам Геродота, что крайне северные племена жили в глубокой древности дальше скифов и постоянно вытесняли своих соседей к югу. Именно так, видимо, и были «вытеснены» далекие предки скифов в процессе передвижения всех предков индоевропейцев. (Об этом «вытеснении» упоминает Б. А. Рыбаков в своей насыщенной ценнейшими материалами книге [68].)

В науке принято считать, что первая по времени, четко выявленная археологическая культура, которая создавалась оседлыми славянами, известна под названием чернолесской: (X—VIII вв. до н. э. [67, с. 13]). С ней были *генетически* связаны последующие культуры языческой Древней Руси. Во 2-м тысячелетии до н. э. предки оседлых славян именно здесь сохраняли соседские отношения с постепенно перекочевывающими в сторону Индии арьями. Уходя, они уносили с собой многие элементы общей или близкой взаимно сложившейся культуры, «законсервированные» потом в индуизме и язычестве.

Поскольку обзор литературы по этим проблемам требует много места, мы здесь ограничимся ссылками на некоторые работы, а именно на основные выводы отечественных специалистов прошлого и текущего века. Эти выводы служат подтверждением попытки выявить древнейшие истоки духовной, бытовой и социальной близос-

ти славян и арьев. Для нас важны работы историков, лингвистов и археологов, посвятивших свои труды освещению эпохи миграционных движений древних предков индоевропейцев.

Так, В. Миллер ясно и доказательно проследил в своей книге «Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой...» родство некоторых древнеарийских божеств с культами славянского язычества (как и с божествами древнегреческого пантеона). А. С. Фаминцын емко и глубоко рассмотрел ряд вопросов, касающихся древнего славянского язычества, восстановив многие его черты по тщательно изученным летописным сводам [82]. Он сопоставил языческие верования восточных и западных славян, используя для подтверждения своего аналитического описания труды западных хронистов, таких, как Титмар Мерзебургский, Йордан и Гельмольд (последний труд, как и некоторые другие, переведен на русский язык). На эти работы ссылаются многие наши исследователи.

Надо сказать, что сведения об индийских языках и культуре стали поступать в той или иной степени в западные страны уже в XVIII веке от британских колониальных властей и от миссионеров, деятельных участников процесса колонизации. В XIX веке — эти сведения становятся все более и более достоянием и наших ученых. Предметом их интереса стали многочисленные совпадения в русском языке и санскрите, а также в чертах мифологии, чему способствовало расширение внимания к славянской древности. Советуем заинтересованному читателю обратиться к книгам, перечисленным ниже, в разделе «Использованная и рекомендуемая литература». (Укажем лишь, что в плане сопоставлений очень интересны работы Д. Н. Овсяннико-Куликовского, И. П. Минаева, А. Н. Афанасьева и Вс. Миллера.)

Что же касается XX века, то его начало отмечено упомянутой книгой Е. Елачича, а затем, начиная с 1960-х

годов, выходом одна за другой ряда работ. О сохранности древних арийских названий на землях Восточной Европы (топонимов и гидронимов) писали В. И. Мошинская [55], А. А. Зализняк [38]. Наиболее полное освещение данного вопроса дал академик О. Н. Трубачев, доказавший, что выявляется множество арийских названий мест и рек, как на срединных русских землях, так и в Крыму и Приазовье [80]. Велик вклад в этнографическую науку, сделанный Л. А. Зарубиным, посвятившим ряд своих исследований вопросам сходства в мифах и обычаях обеих групп [39, 40, 41]. Необходимо указать и на работы переводчика и исследователя Вед Т. Я. Елизаренковой [64–66], а также В. В. Иванова и В. Н. Топорова, проследивших ряд сближений в верованиях и языке [44].

Значительной познавательной ценностью отличаются и новые работы историка и искусствоведа С. В. Жарниковой. Она осветила не только возможность прослеживания сходства в славянских и арийских орнаментах (рис. 7) и — главное — в сохранившемся до наших дней значении знаковых систем, отраженных в этих орнаментах; помимо этого, она показала и чрезвычайную близость к санскриту корневых значений гидронимов русского Севера (см. Приложение III).

Некоторые ученые считали, что подобные схождения возможны как результат сходных путей исторического развития после разделения народов. Но те совпадения и та близость, на которые указывается в трудах упомянутых здесь и других ученых, как, например, автора данной книги [25], доказывают, что они явились результатом *древних и длительных контактов* между предками этих групп в период взаимного пребывания на общей территории.

Это пребывание относится не к миллионолетней древности, так что к нему вполне применимы слова русского историка И. Штриттера, приводимые О. Н. Трубачевым

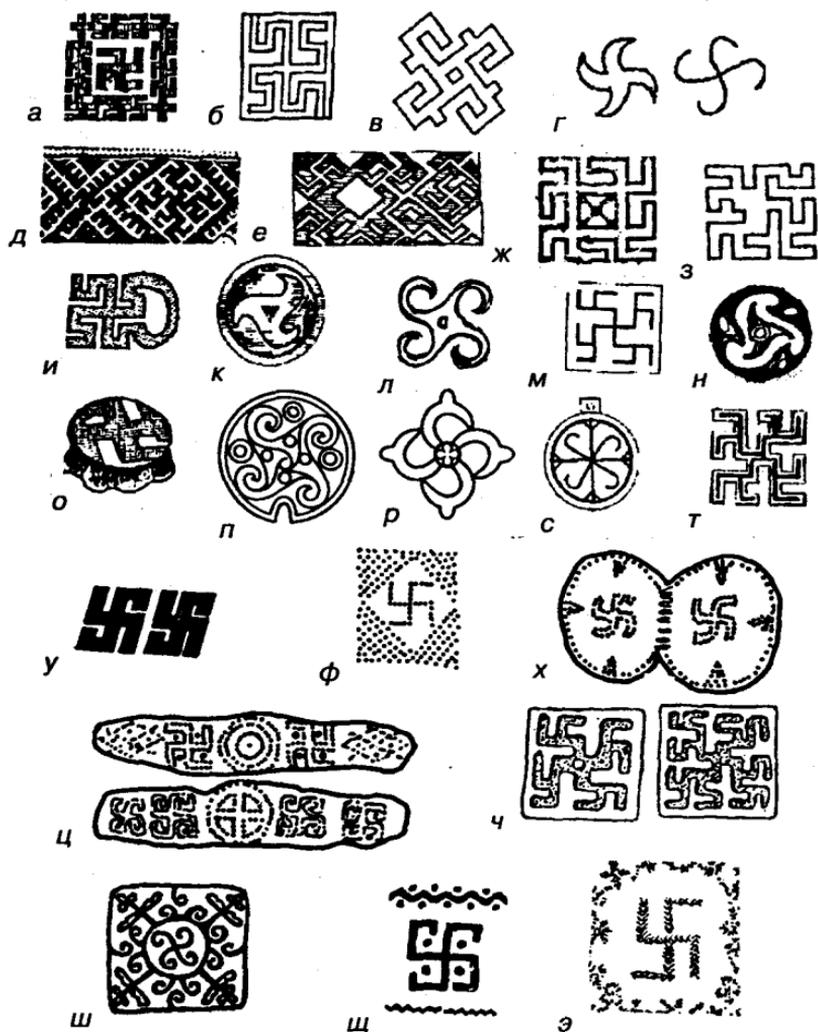

Рис. 7. Мотивы свастики: а-з — традиционные мотивы вышивки и кружев, Вологда, XIX—XX вв.; и — Новгород, XIII в.; к — Чернигов, XII—XIII вв.; л — Русь, XIII—XV вв.; м — Рязань; н-о — трипольская культура, энеолит; п-т — скифо-сарматские изделия, 1-е тыс. до н. э. — начало н. э.; у-ф — андроновская культура, эпоха бронзы; х-ц — Северный Кавказ, эпоха бронзы; ч — Западный Прикаспий, эпоха бронзы; ш — Индия, роспись; щ — Индия, узор на свадебном сосуде; э — мотив вышивки, Таджикистан. Подборка С. В. Жарниковой

в его указанной выше статье: «Небесполезно также и для любителей российской истории знать похождения того народа, который в древние времена имел жительство в соседстве или паче в пределах России, хотя бы после того и совсем в другую часть света он переселился» [80]. Как говорится, лучше не скажешь. Ведь именно в другую часть света переселились племена арьев, унеся с собой и многие близкие элементы верований, обычаев и языка.

Одним из широкоизвестных лексических индоирано-славянских сходжений является, например, корневой компонент гидронима *Дон* и многих сходных с ним: *днь-*, *дьн-*. К нему возводят не только название реки Дон, но и такие гидронимы, как *Днепр*, *Дунай*, *Днестр* и другие. В осетинском языке (сближающемся со скифским) словом «дон» определяется вода. В Ригведе «дану» обозначает реку вообще, что в индоарийских языках уже не встречается, а значит — это реликтовое слово. Возможно, в глубокой древности это общее слово означало «дно» как «русло», то есть какместилище для водного объема реки и озера.

О языке следует поговорить подробнее. В Приложении II этой книги приводится несколько сотен сходных и даже одинаковых слов из русского языка и санскрита. В этих сходжениях крайне важна одна деталь: *сходство не только корней, но и форм словообразования*. Так, например, приставки имеют и сходное звучание, и — главное — придают новому слову сходный смысл. То же характерно и для суффиксов. При слегка изменившемся звучании (и написании) приставки ее «взаимоотношения» с корнем сохраняются. В приводимых ниже примерах соотносимых слов необходимо учитывать, что в обоих языках могут не совпадать гласные звуки и взаимно чередоваться «с» и «ш», но на смысле это не отражается.

<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>
по- (приставка)	упа-
по-слушать	упа-шру
по-стоять	упа-стха
от- (приставка)	ут-, уд-
от-дать	уд-да
от-садить	ут-сад
про- (приставка)	пра-
про-тянуть	пра-тан
про-вертеть	пра-врит

Подобных образований в обоих языках насчитывается много. Но здесь мы остановимся вкратце лишь на примерах совпадения многих наиболее древних слов — таких, как термины родства и счета, — что иллюстрирует сходство многих исторических путей развития. Они приведены и в Приложении II, но здесь, будучи сгруппированными, выглядят более наглядно.

В числе широкого ряда слов из славянских языков и санскрита, не только близких, но и точно совпадающих как по смыслу, так и по звучанию, особую группу представляют наиболее древние, к которым относятся, например, термины родства, местоимения и числительные.

Остановимся на примерах сравнения слов из санскрита и из русского языка:

Термины родства		Местоимения	
<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>	<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>
мать	матри	тот	тат (тад)
прамать	праматри	этот, это	этат (этад)
тата, тятя	тата	та, эта	та
сын	суну	как, какой	ка
свояк	свака	то	то
сноха	снуша	тот самый	татсама
деверь	девар	сам	сама
брат	бхратар	который	катара
братство	бхратритва	свой	сва
		твой	тва

Числительные

<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>
первый (древний)	пурва
два, две, двое	два, дви, двая
три, третий, трое	три, трета, трая
тройка	трика
четыре, четверо	чатур, чатвар
четвертый	чатуртха
десять	даш
сто, сотый	шат, шата

Следует еще раз отметить словообразующую роль суффиксов и приставок, которые в славянских языках и санскрите придают одинаковый смысл новым словообразованиям. Эта черта особенно ярко выражена именно в славянских языках при их сопоставлении с санскритом, что заметно отличает их от других европейских языков, тоже относящихся к индоевропейской языковой семье. Приведем несколько примеров.

Суффиксы		Приставки	
<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>	<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>
чашка	чашака	полюбить	упалубх
носик	насика	ниспадать	нишпад
сушка	шушка	переплыть	параплу
раненый	вранин	отойти (от-	утчал
отдание	уддана	чалить)	

Все изложенное не означает, что только в славянских языках сохранился слой сходной лексики. Но дело в том, что именно в них выявляется наибольшее количество этих сходжений и прямых совпадений. Очень точно отметил О. Н. Трубачев, что в области изучения прошлого «свидетельства языка неоченимы», так как нау-

кой выявлено «замечательное свойство языка: изменяться, оставаться самим собой». Данные о языке и состав языка безотказно подтверждают многие выводы археологов и историков.

Многие отечественные исследователи упоминают о якобы существовавшем некогда праязыке, от которого произошли все языки мира. И ссылаются при этом обычно на Библию, не считаясь с давно известным и утвердившимся в науке фактом, что Библия не может признаваться научным историческим источником. Во-первых, она создавалась в течение многих веков. Во-вторых, Библия относится главным образом к истории иудейского народа, и эта история дополнена в ней рядом мифических и легендарных мотивов. Но даже точно процитированная ссылка на Библию неточна из-за своей неполноты. Так, цитируя Книгу Бытие (главу 2): «на всей земле был один язык и одно наречие», ученые останавливаются на этом «одном», не приводя дальнейших разъяснений, которые насущно необходимы. Ведь в Библии же говорится и о том, что от сыновей Ноя «населились острова народов в землях их» (Быт. 10:5). А значит, речь уже идет о других народах и землях; приводятся еще более точные пояснения: расселение потомков Ноя происходит по городам и землям Передней Азии, а именно по Ниневии, Ханаану, Содому, Гоморре, и уточняются также места расселения этих потомков «по племенам их, по языкам их, в землях их, в народах их» (Быт. 10:5–32).

Обратив ваше внимание на эти неточности и неверность изложения многими авторами, скажем еще, что останки перволюдей археологи находят в таких отдаленных друг от друга местах, что невозможно себе представить, как они могли бы вырабатывать этот «праязык». (Гораздо более точными исторически и вероятными являются указания на пребывание, например, об-

щих предков индоевропейцев на взаимно близких землях.)

На территории Южно-Азиатского субконтинента, куда пришли арьи, многие из свойственных им ранее культово-религиозных представлений постепенно утрачивались в результате их крепнущих контактов с местным доарийским населением, относящимся и к другим языковым семьям, и к другим расовым типам — к тем, которые в науке определяются как негроидный и австралоидный. Эти контакты и привнесенные ими изменения в культуру арьев мы проследим позднее на страницах этой книги.

Арифметика — опора истории

Высоко оценивая бесспорные заслуги Тилака в анализе гимнов Вед и других памятников ведической литературы, следует особо остановиться на следующем. Нарисовав нам точную картину складывания традиций мировосприятия древних арьев, их отношения к окружающей природной среде, их путей с севера к югу и создания ими соответствующих календарных циклов, Тилак подарил нам еще один чрезвычайно ценный ключ, поистине золотой, хотя сам он и не придал ему столь важного значения.

Хотя этот ключ лежит на поверхности, его не увидел ни один из переводчиков Вед. Поэтому попытаемся взять на себя смелость сделать напрашивающиеся выводы.

Суть в том, что в Ведах есть указание на *то место, где пребывали древние арьи, где обретали свою законченную форму ритуальные действия и сопровождавшие их мольбы к богу Индре о победе над полярной ночью.*

Это удалось выяснить при внимательном рассмотрении приводимых Тилаком описаний действий и слов

жрецов, совершавших жертвенные возлияния сомы ради победы Индры над силами мрака. Действия именуется в Ведах саттрами и имеют много разновидностей, именуемых по-разному. Они проводились в течение всего года, но Тилак выделяет те, которые были особенно важны в определенные календарные даты. Древние арии, населявшие приполярные области (как, видимо, и все другие предки индоевропейцев, расселившиеся в Приполярье), жили в страхе перед наступлением долгой ночи и уходом солнца с небес на многие дни, недели и даже месяцы. Индра боролся за спасение солнца, и поэтому большое значение придавалось саттрам, посвященным именно ему.

Важнейшим моментом является выявление в книге Тилака связи саттр со сроками длительности мрака: ведь солнце возвращалось, как только Индра после долгой битвы побеждал черного демона, чаще всего упоминаемого под именем Вритры.

Такой акт, как возлияние Индре сомы, и обращенные к нему молитвы длились разное время в разных географических поясах, сокращаясь по мере продвижения людей к югу. И поэтому нам показалось крайне важным уделить пристальное внимание попытке выявить связь между *длительностью определенной саттры и временной протяженностью «вечной» ночи.*

Нельзя определить исходные формы и время зарождения саттр, проводимых во имя возвращения солнца на северное небо, — возможно, они стали складываться уже в те века, которые Тилак относит к последнему межледниковому периоду, завершившемуся около 40 тысяч лет назад. Но он дал нам описание той саттры, которую в Ведах называют стонощной (точнее, стосуточной, ибо в понятие одной ночи здесь включается и день мрака). Она называется «шата-ратри» («шата» — сто, «ратри», или «ратра», — ночь). Судя по подробному описанию всех

моментов ее проведения, можно полагать, что этот ритуал разрабатывался многими годами — если не столетиями. Во всяком случае, к тому времени, когда авторы гимнов Ригведы внесли его в изустно передаваемую традицию, в которой уже нельзя было менять ни слова, ни слоги, он обрел твердую и законченную форму. Вот теперь из книги Тилака мы и можем почерпнуть данные о проведении «шата-ратри», или «ратри-саттры», или «шата-крату» (то есть стократной), и *подумать о том месте в Приполярье, где ночь длилась сто суток*, а жрецы в это время непрерывно подносили Индре сому и пели гимны для укрепления его сил и боевого духа в битве.

«Возникает вопрос, — пишет Тилак, — почему шата-ратра должна длиться сто дней, и не больше?» Он не нашел на это ответа в ведической литературе, которая описывает разные виды жертвоприношений. Часто повторяется, что надо было победить демонов, укрывшихся во мраке, «...и только один Индра мог по своей мощи справиться с такой задачей, поддерживаемый пением гимнов» [77, с. 229—230] (добавим: и обильно вспаиваемый сомой).

Активные молитвы и возлияния прекращались по завершении ста ночей и далее продолжались менее интенсивно.

Где же именно ночь длилась сто суток? Вот главный вопрос.

Попытаемся сделать арифметические расчеты на основе «Таблиц солнца для города Мурманска», издаваемых мурманским гидрометцентром. Судя по приводимым в них данным, «вечная» ночь в области Мурманска, то есть на 69° с. ш., длится со 2 декабря по 10 января — 40 суток. А где жрецы проводили саттры в течение ста суток? Явно не здесь, где саттры назывались сороканощными (были также десятинощные и другие).

Так где же?

Исходя из того, что нам известно широтное положение Мурманска — на 69-й параллели — и известно такое астрономическое число, как 176 суток «вечной» ночи в точке Северного полюса, мы можем попробовать подсчитать, как удлиняется день по мере продвижения от полюса к Мурманску: $176 - 40 = 136$. Эти 136 суток-ночей могут быть соотнесены с разницей в показателях северной широты между полюсом и Мурманском. Вычитаем снова: 100° (полюс) — 69° (Мурманск) = 31° .

Спрашивается: сколько суток сокращения ночи приходится на каждый из этих градусов? Делим полученные 136 суток разницы на 31° и получаем 4,4 суток.

В Мурманске 40 суток ночи, а саттра-ратра длилась 100 суток, то есть на 60 суток дольше. Поскольку каждый градус менял время на 4,4 суток, то, разделив на это число 60, мы увидим, что $13,6^\circ$ — это севернее Мурманска, между ним и местом, где проводились стосуточные саттры.

Можно ли узнать, где находилось это место?

Вновь обратимся к местоположению Мурманска, прибавим к его географической широте (69°) эти полученные путем вычислений $13,6^\circ$ и обнаружим, что искомые земли проведения стосуточных саттр лежали на $82,6^\circ$ с. ш., откуда до полюса остается $17,4^\circ$.

Что же это были за земли? По мысли Тилака, сюда выходили крайне северные части континентов, затопленные впоследствии океанскими водами. Но он не нашел ответа на вопрос о времени такого затопления, зато утверждал, что над поверхностью вод остались высокие части суши, относя к ним, в частности, Шпицберген, Новую Землю и другие островные территории, подчеркивая, что «глубина Арктического океана к северу от Сибири невелика и... этот участок земли, ныне лежащий под водой, мог раньше возвышаться над ней» [77, с. 69].

В наше время широту 82,6° пересекают Земля Франца Иосифа, архипелаги Северная Земля и Шпицберген, а также множество мелководных шельфов.

Хочется надеяться, что этот впервые произведенный расчет убедит читателей в правильности постановки великими учеными XIX века Тилаком и Уорреном вопроса о приполярных областях как об исходной земле всех предков индоевропейцев (если не всего человечества).

Продвигаясь шаг за шагом, ученые находят все больше фактов, свидетельствующих о наличии среди индоевропейцев сходства, а нередко даже общности в веро-представлениях и жизненных традициях, несмотря на широкое расселение по земному шару. Это особенно заметно при сравнении культуры славянских народов и арьев.

Глава 3

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА — СВИДЕТЕЛЬНИЦА ЗАРОЖДЕНИЯ ПЕРВОЧЕЛОВЕКА

Теперь уделим внимание работе упомянутого выше ученого У. Уоррена, искавшего и нашедшего множество доказательств северного происхождения не только индоевропейцев, но и всего человечества.

Люди всегда пытались обнаружить, по словам русского поэта Н. Стефановича, «земли предел и край, к небу самый близкий». Уоррен выявил пути и результаты таких поисков и широко осветил их в своей увлекательной книге «Найденный рай. Колыбель человечества на Северном полюсе» [81]. Если у Тилака главным источником доказательств была ведическая литература, то Уоррен в своих исследованиях использовал сохранившиеся в памяти всех без исключения народов отблески самого отдаленного прошлого и самых первых попыток осмысления этого прошлого. Он изучал общечеловеческую традицию, которая была пронесена сквозь многие тысячелетия. *Центральный стержень этой традиции — память о рае.*

«Предел и край земли» люди неустанно ищут на протяжении всех бесконечно сменяющихся эпох своего существования. Пусть читатель не удивляется, что

в данной работе мы оперируем такими временными отрезками, как тысячи и десятки тысяч лет, — таковы сроки возникновения и развития истории человечества. И главной целью поисков являлось и является желание не столько заглянуть за этот край, сколько выяснить, не с этого ли края появилось и расселилось на Земле все человечество. Когда это произошло и, главное — где? Вот темы и сюжеты, вошедшие в самые первые, мифические представления, в первые же истоки зарождавшихся традиций. Постепенно, в процессе формирования традиций, эти темы прошли через этапы кодирования в устной передаче, затем — фиксации в знаковых системах и, наконец, в письменности.

На этих завершающих этапах выявилось, что все традиционные образы и представления, сберегавшиеся ранее лишь в памяти и передававшиеся у разных народов только изустно, *обнаруживают два главных признака: взаимное расхождение и, наряду с этим, поразительное взаимное сходство.*

«Чем это можно объяснить?» — ставит вопрос Уоррен. И действительно, так ли уж далеко разошлась древняя общая традиция, чтобы ее трудно было возвести к общему истоку? Оказалось, что у разных народов можно выявить следы древнейших попыток осознать факт своего появления на земле. И вот эти-то попытки, какими бы беспомощными они ни выглядели и как бы далеко ни стояли от возможности какой бы то ни было датировки, следует без колебаний признать стартом исторической науки.

И первыми носителями новорожденного направления мысли были жрецы, мудрецы, пророки, астрологи. А вся категория таких лиц сложилась из глав наидревнейших семейных и семейно-родовых групп, то есть была связана с первообразованием человеческих кол-

лективов. Результаты размышлений и выводов этих мыслителей стали постепенно превращаться в такое же наследие человечества, как и неотделимые от них традиции народов.

Не могло сразу сложиться единого представления всех людей о месте и времени своего происхождения. Многие века прошли, прежде чем сблизились поиски и выводы древних мыслителей, становясь достоянием складывающейся науки истории. Эти древнейшие носители исторических традиций, жившие в большом отдалении друг от друга, порой разделенные просторами океанов, чутко улавливали общее течение и развитие поисковой мысли. И никакого чуда здесь не было. Человечество сохранило и пронесло через века общую память о своем происхождении.

От Китая и Индии, от Ассирии, Иудеи и Египта расходились волны первых попыток ответить на извечные вопросы, эти поиски вовлекли в свою орбиту мыслителей Эллады и Рима, а затем и всю Европу.

Обзору этих процессов, сбору доказательств истинности древних выводов и посвятил свою удивительную книгу У. Уоррен, американский ученый, живший в тысячах километров от индийского исследователя Б. Г. Тилака. Но он почти в одно время с ним собрал сходные доказательства, а именно — доказательства сохранности в памяти людей не просто веры, а знания о зарождении человечества в области Северного полюса.

Казалось бы, ничто не могло привести столь удаленных друг от друга представителей науки к сходному ответу на этот коренной вопрос. Но оба они четко и ответственно показали и доказали, что родиной человечества были области Приполярья, и об этом в глубинах общего человеческого сознания сохраняется устойчивая память.

Уоррен, энциклопедически образованный ученый, собрал для своей книги обширный материал (коснувшись в том числе и Ригведы) о традиционно-религиозных представлениях самых разных народов, сопоставив их чисто внешнее несходство с общим сходством их сути, с совпадением в главном ответе на главный вопрос. Крайне интересными и плодотворными стали выявленные им общие черты в представлениях разных народов. Это неоспоримо подтверждает его точку зрения, что *все представления о рае есть отраженные в благодарной памяти человека знания о том, что жизнь его началась в райском цветении древнейшего приполярного континента*. Он привел множество тому доказательств, изложив их кратко, емко и в такой увлекательной форме, что книга без преувеличения читается как роман.

Главное, к чему он привлекает внимание читателя, в том, что при анализе самых разных традиций народов, удаленных друг от друга во времени и пространстве, стрелка исторического компаса *неизменно поворачивает на север*.

Кем бы ни была дарована жизнь человеку — Богом, несколькими богами, множеством богов или неким непознанным пока космическим сознанием, — выясняется только одно: она была дарована в верхней части северной полусферы земного шара.

А вот откуда взялась память об этом? Как это мог выяснить первый, надревнейший слой жителей Земли? Ответ довольно прост: из общего хаоса окружающих природных явлений единственно постоянной, неизменной и стойко соблюдавшей свою неподвижную позицию на небе была Полярная звезда. Не сразу, но все же люди заметили и твердо запомнили, что эта звезда находится точно в зените над человеком, если сам он стоит на строго определенной точке земной поверхности, которая ста-

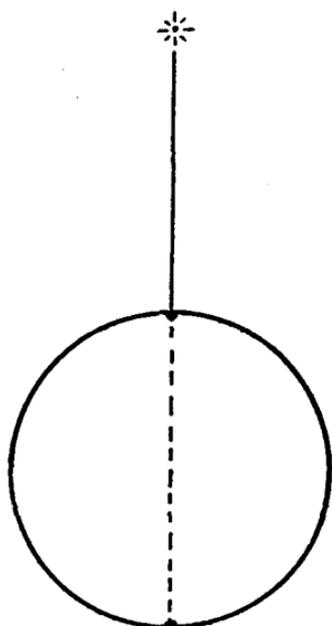

Рис. 8. Примерно так могла сложиться мысль о связи Полярной звезды с Северным полюсом и земной осью

ла называться Северным полюсом (рис. 8). Мы не знаем, как и тем более когда воображение человека соединило его с этой неподвижной звездой, сияющей на небосклоне. Мы не знаем, как и когда прорисовалась в пространстве эта воображаемая линия. Но знаем, что в дальнейшем человек мысленно продлил ее в глубь Земли, что и стало основной идеей о существовании земной оси.

Там, на далеком Севере, человек увидел, что все звезды неизменно вращаются вокруг Полярной звезды, а стало быть, вокруг верхнего конца линии, которая соединяла полюс с этой звездой. Так зародились первоосновы астрономии, постепенно выделялись и получали имена созвездия.

В необозримую бездну времен уводит Уоррен нашу мысль, приводя данные исторической геологии и геофизики о процессе остывания нашей некогда раскаленной планеты. Он приводит научные данные, указывающие на то, что именно на Севере раньше всего сложились пригодные для жизни температурные условия. *Вот здесь она и зародилась, вот сюда и помещает традиция существование рая, как земного, так и небесного.*

Там ли, на вершине этой великой линии Земля—звезда, или здесь, на земной поверхности, был создан человек? Был ли он спущен с неба или сформировался внизу — вот один из древнейших вопросов всех религий.

И не помещается ли Бог (боги) и Его (их) обитель именно в этой области неба, где так неизменно ходят вокруг Полярной звезды все светила? Так зародилось первое представление о связи небесных сил с земной жизнью. Зародилось в необозримой бездне времен и сохраняется до наших дней, отражаясь в разных формах традиции у разных народов.

Остановимся для примера на нескольких из множества данных, которые Уоррен почерпнул из верований, известных во взаимно отдаленных областях Земли. И добавим, что эти примеры ценны еще и тем, что прием прямых взаимных их сопоставлений был впервые привнесен исследователем в историческую науку, где они и теперь продолжают занимать ведущее место в трудах многих ученых.

Фантазия людей, расселившихся по планете из полярных областей, придала самые разные формы живущему в их памяти представлению о линии в образе небесно-земной связи. Так, индусы создали миф о горе Меру, вершиной своей упирающейся в небеса у Полярной звезды. Вокруг этой вершины кружатся все небесные тела, а на ней в немеркнушем сиянии обитают божества. Там рай богов, там их сверкающие города, туда поднимаются души праведников. В этом мифе очень важно указание на то, что Юг назван страной мрака и царством смерти (и это лишь один пример поворота к северу «стрелки аналитического компаса»).

Также на Севере помещали самую высокую и священную гору древние египтяне, считавшие, что вся земля постепенно поднимается к северу вплоть до слияния с небом. (Вот он — «край, к небу самый близкий».) А на Юге, в прямо противоположной стороне, они помещали другую гору — населенную демонами. И здесь, как и в мифологии индусов, четко просматривается противопо-

ставление светлого райского Севера и демонского inferнального Юга.

В Библии, в Книге пророка Исаии (14:13), отражен взгляд, свойственный древним иудеям. Пророк обращает свой гнев на свергнутого с неба, который говорил: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю Севера». Опять тот же мотив — гора богов находится на Севере.

Древние иранцы тоже верили, что существует само-явленная божественная гора Хара-Березайте, «вокруг которой вращаются солнце, луна и звезды», о чем говорится в Авесте. Снова линии полюс–звезда придан образ горы.

Китайские источники тоже сообщают, что рай — это место прибежища богов, и он является горой, расположенной на Северном полюсе. А линия земля–небо описывается как великая колонна, поддерживающая небесный свод.

И эта северная гора, и неоднократно упоминаемые колонны и столбы, встречающиеся в мифах китайцев, римлян, греков и ассирийцев, — всюду эти образы выражают символически ту созданную человеческой мыслью и запомнившуюся с начала веков линию связи полюса с Полярной звездой. Видно, не одно столетие жизни в приполярной области потребовалось человеку на то, чтобы создать, освоить и запомнить этот образ, вошедший в разных вариантах во все мифологические представления.

И образ земной оси, пронзающей земной шар насквозь от Северного полюса до Южного, тоже вошел во многие мифо-религиозные сюжеты, родившиеся в более поздние времена. В мифах явно вырисовался и зафиксировался образ светлого райского Севера, *верхнего места*, восплаемого как противоположность темного, *нижнего* Юга, куда на зиму скрывается солнце, или, по

представлениям, куда его скрывают похищающие его демоны. Юг называют не только нижним, но и подземным местом, прибежищем душ грешников и царством смерти.

Уоррен в своей книге подчеркивает все эти моменты. Повторяем, он собрал их, исследуя множество верований, легенд и преданий. Кроме доказательств о северной земле как о райском саде, где зародился человек, он приводит в своей увлекательной книге и множество данных о возникновении и распространении по Земле животных и растений, связывая время появления того или иного вида с процессами неравномерного остывания земной коры. Рассказы о расселении с севера человека и представителей фауны и флоры сопровождаются обширным фактическим материалом. Они вызвали большое количество самых положительных отзывов ученых.

Остановим ваше внимание на конкретных описаниях рая, содержащихся в разных письменных памятниках, в которых его издревле принято именовать Эдемом. Приходя к выводу из ряда описаний и своих рассуждений о месте Эдема на циркумполярной области, Уоррен как бы сводит эти описания со своим выводом и рассказывает о том, что собой представляла эта райская земля, скрывшаяся впоследствии под океаном. В центре Эдема, то есть той территории, которую географы, историки и другие исследователи называют по-разному — то Арктидой, то Гипербореей и т. п., был порождающий все воды источник, из него в противоположных направлениях растекались четыре великие реки, разделяя всю райскую землю на четыре части. Эти реки встречаются под разными названиями в мифологической и теологической литературе. Почти во всех крупных реках мира усматривали или их повторение, или их воплощение. В эту сложную систему меняющихся и не всегда точно определяемых названий входят и библейские реки, та-

кие, как Фисон и Гихон, и индийская Ганга, и иранская Ардвиг Сура, и переднеазиатские Тигр и Евфрат, и египетский Нил. Но представление о четырех реках Эдема, омывавших Древо Жизни в райском саду, а затем, стекая с горы, одаривавших водой всю землю, было стойким и сохранилось у всех народов.

Люди пытались воспроизвести картину Эдема не только в своем устном, а затем и письменном творчестве, но и в рисунках; его наносили даже на географические карты.

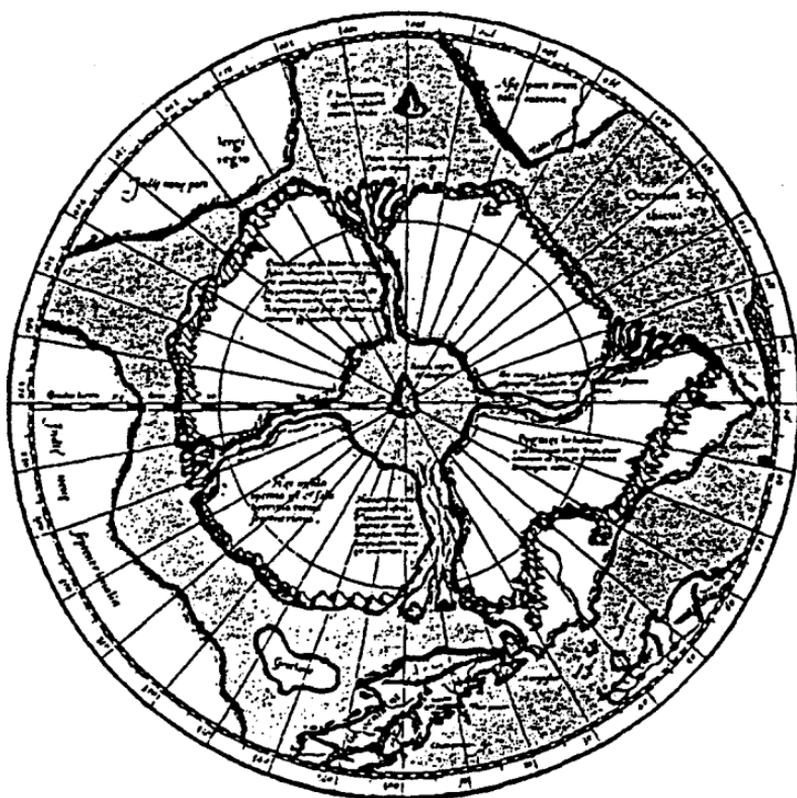

Рис. 9. Арктический континент на карте Герарда Меркатора

В числе последних наибольшей известностью пользуется карта Герарда Меркатора (рис. 9). О нем в Энциклопедическом справочнике сообщается следующее: «Меркатор (латинизированное имя ван Кремера) Герард (1512—1594), фламандский картограф. Предложил несколько картографических проекций, в том числе названных его именем... Основной труд — сборник карт и описаний европейских стран, названный “Атласом” (изд. 1595 г.)».

Эта карта вызывает наибольший интерес у всех исследователей Арктики, они чаще всего воспроизводят ее в своих книгах и статьях. Была издана и карта мира, составленная его сыном.

В центре обеих карт изображено то, что принято считать всемирно признаваемым местом Эдема. Источники этих карт представляют большой интерес и привлекают внимание ученых. На дне Ледовитого океана уже обнаружены, как указывалось выше, и шельфы, бывшие, возможно, сушей, и горы, и следы русл древних рек.

Дальнейшие исследования позволят раскрыть тайны древних мифов и преданий.

Глава 4

РАССЕЛЕНИЕ И РАССТАВАНИЕ

Прослеживание путей

Принято считать, что арьи пришли в Индию во 2-м тысячелетии до н. э., хотя есть мнение, что они стали появляться там и в 3-м тысячелетии. Судя по утверждениям ряда индийских исследователей, арьи участвовали в великой войне, описанной в «Махабхарате» (эта война датируется некоторыми исследователями 3102 годом до н. э.). Несмотря на разброс мнений по этому вопросу, ясно одно: это не было внезапным нашествием, процесс переселения в Индию длился многие века.

Никто пока не установил ни места, ни времени размежевания индоиранского единства на две основные группы племен — индоязычную и ираноязычную. Поселения комплекса Синташты на восточной стороне Урала (в число которых входит Аркаим, долго привлекавший к себе любознательных посетителей, и в том числе многих сектантов) четко датируются первой половиной 2-го тысячелетия до н. э. [18].

При выраженном наличии сходства в именах и функциях ряда богов обеих групп, что отражено в Ригведе и Авесте, в иных памятниках отражаются и взаимная борьба, и полное взаимное отчуждение. Эти указания до конца еще не проанализированы, однако наводят на

мысль о давнем их расхождении на путях к югу (на этот путь четко указывает Авеста, где роза ветров как бы повернута на 180 градусов: Бог велел идти на юг, имея *по левую руку восток, а по правую запад*). Вероятно, основной путь ираноязычных групп проходил по Зауралью, а расхождение обеих групп нарастало постепенно. Как считает Тилак, это связано с древнейшими эпохами.

Следует упомянуть и о том, что, по мнению некоторых ученых, в индоевропейских языках, и в первую очередь в славянских, элементы арийской лексики (как индоязычной, так и ираноязычной групп) могли появиться путем их заимствования из финно-угорских языков, носители которых были давними соседями славян. Но это мнение не согласуется с историей: языки финно-угорских народов вместе с самодийскими входят в уральскую семью языков, не сходную с индоевропейской. Если бы это было так, то прежде всего обнаружались бы многие заимствования из самих финно-угорских языков, а не воспринятая через них лексика арьев. Да и сами эти языки отделились от своего предка, прасамодийского языка в Зауралье, на рубеже 3–2-го тысячелетий до н. э. И лишь некоторые из этих групп продвинулись к западу, где постепенно заняли земли, границы которых научно определены (в основном вдоль Западного Приуралья). Их прапредки не могли иметь столь долгих и тесных контактов со славянами, вернее, с их прапрапредками, как прапрапредки арьев.

Возвращаясь к арьям, вспомним о том, что в Древней Индии укоренилась соблюдаемая частично и в наше время традиция письма на бересте. Некоторые брахманские группы, имеющие предков-арьев, соблюдают обычай написания на бересте брачных договоров или благословляют молодых веточкой березы. На путях арьев в Индию — в Средней и Центральной Азии — обнаруже-

ны сотни рукописей на бересте, относящихся к 1-му тысячелетию до н. э. Их содержание связано с традициями не только буддизма, который распространялся здесь, но и индуизма, в той его части, которую привнесли в Индию арьи. Как известно, в среде славян береста широко использовалась для письма, и археологи обнаружили много берестяных грамот, возраст которых датируется средневековьем.

Все пути арьев в сторону Индии еще точно не прослежены, но большинство ученых сходится во мнении, что их продвижение по Восточной Европе активизировалось в 4-м тысячелетии в результате развития в их среде коневодства и возникновения ремесла по изготовлению колесниц [23]. Именно эти два фактора способствовали тому, что арийские воины появились и в державе хеттов, проникнув туда по прибрежным районам Каспийского моря. Они пришли как завоеватели и приобрели настолько сильное влияние, что многие цари и представители знати приняли арийские имена, а боги арьев вошли в местный пантеон. Этим процессам способствовало и то, что брахманы-законоучители, повсюду сопровождавшие воинственных вождей, своим влиянием оказывали воздействие на местные формы культуры и традиции.

Ниже мы увидим, что то же происходило и в Индии после прихода туда групп арийских племен.

Картину их переселения можно представить как поэтапное продвижение основной массы в виде групп, перегонявших стада рогатого скота и останавливавшихся для их выпаса, а также для двух-трехгодичного возделывания зерновых. Путь им прокладывали отряды воинов на колесницах, то есть авангардные группы каждого племени. Именно о воинах-арьях говорится во многих памятниках древнеиндийской литературы. И прежде всего в «Махабхарате», создававшейся на

протяжении многих столетий, — ведь не случайно ее автором считают весь индийский народ и не случайно в ней отражено много исторических процессов, начиная с воспоминаний об Арктике.

Отметим также, что и в Ригведе, и в «Махабхарате», как и в ряде других произведений древнеиндийской литературы, упоминаются сначала три, а затем четыре сословия — «варны»: брахманы — жрецы и вероучители, кшатрии — воины (правители были из этой группы), вайшьи — земледельцы, скотоводы, ремесленники (поначалу они в случае необходимости становились воинами, а выделение профессиональных кшатриев произошло в более поздние эпохи), четвертой варной стали считаться слуги общины и рабы — шудры.

Нелишне будет еще раз напомнить о том, что вполне реальна возможность сближения и сопоставления старорусского *вс* — *весь* («грады и веси») с санскритским *вис*, или *виш*, имеющим значение «все», то есть «народ, племя, поселение». В Ригведе слово *виш* встречается именно в указанном смысле. От него и образовалось слово *вайшья*, то есть, по сути дела, «весь народ, все вообще», и в этом смысле оно сходится с санскритским местоимением *вишва*, что значит «весь».

Забегая вперед, скажем, что и древнее имя бога Вишну, видимо, произошло от этого же корня — в Ригведе Вишну был солнечным богом, к которому обращалось с молитвами все племя, и это отношение сохраняется в индуизме вплоть до наших дней. Каждый верующий в Индии может обращаться без помощи жреца непосредственно к Вишну, ибо он считается «богом для всех», в новой литературе его часто определяют как «самого демократичного бога».

Следует с сожалением отметить, что в среде некоторых наших «исследователей» русского язычества

имя бога Вишну почему-то соотносится с именем практически неизвестного в русском язычестве некоего бога Вышеня, что совершенно недопустимо. Нельзя полагаться на кажущееся звуковое сближение: эти имена происходят от разных корней, а оба указанных бога не имеют ни общих функций, ни общего смысла в именах.

На фактах не только вероятного, но и *доказуемого* (по материалам языка и по реликтам сохранившихся издревле славянских верований) сходства и прямого соответствия как религиозных представлений, так и исторической роли славянских и арийских жрецов мы остановимся в последующих главах. Здесь же нам необходимо еще раз на примерах показать те удивительные соответствия в славянских языках и в самом древнем представителе группы индоарийских языков — санскрите, на которые русские ученые стали обращать внимание еще в те давние годы, когда французские и английские колонизаторы Индии донесли до Европы материалы по языкам и культуре этой страны. Одной из самых ранних русских книг (1786 г.), посвященных этим проблемам, была книга Михаила Чулкова «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.». По ней можно проследить ряд интересных для современного читателя элементов славяно-арийского сходства в культуре.

Затем последовал ряд публикаций по вопросам языка, в их числе одной из самых ранних была работа А. Х. Востокова «Рассуждения о славянском языке» (Труды Общества российской словесности. Вып. XVIII. М., 1820). С каждым новым научным трудом, посвященным выявлению славяно-арийских языковых соответствий (к сожалению, таких трудов было очень немного), росло количество данных, подтверждающих эти

соответствия. Приводимая в конце этой книги (Приложение II) таблица сходных слов является, по сути, первой попыткой создания свода таких данных.

Дхармы и нехармы в Индии

Индуизм, который постепенно складывался в новых условиях жизни индийского населения, непрерывно фиксировал в своих законопорядках все возникающие разновидности складывавшихся отношений в среде разных слоев населения. В этих законопорядках ведущее место заняли отношения между кастами и предписания, касающиеся жизнедеятельности каст и их места на лестнице социальной иерархии. Именно к этому свелась та сфера индуизма, которая определяла общественную жизнь.

Религия санкционировала запрет межкастовых браков, совместной еды, совместных молений членов высоких и низких каст (только к Вишну — «богу для всех» — обычно возносят общие молитвы). В правила дхармы вошли предписания наследования профессии внутри каждой касты и правила поведения члена каждой касты — от семейной жизни до деловых отношений с членами других каст. Указания, приведенные в этом наикратчайшем своде, стали религиозными канонами, то есть канонами дхармы, и приобрели огромную силу. Их почитание столь велико, что даже сейчас индусы, в том числе и получающие современное образование (даже обучающиеся в странах Запада), очень редко берут на себя смелость полностью отвергнуть их. Дхарма — это свод правил, обязательный для каждого индуса, регулирующий весь его образ жизни в самом широком аспекте и отличающий его от приверженцев любой другой религии, которая традиционно опреде-

ляется в среде индусов словом «адхарма», то есть «недхарма». В этой же среде есть люди, не признающие богопочитания, безусловного превосходства брахманов, обязательности посещения храмов или совершения паломничеств. Но ни один индус не пренебрегает основными предписаниями дхармы своей касты, касающимися поведенческих норм и семейных отношений, и не игнорирует полностью основные ритуально-обрядовые предписания дхармы.

Это результат системы семейного воспитания, а семья в Индии — основная, глубоко почитаемая ячейка общества. Женщина играет главную роль в деле привития подрастающему поколению правил дхармического поведения, и она же передает изустно весь основной запас культурных традиций, многие из которых восходят к глубочайшей древности. Дети с первых дней жизни включаются в круг ритуально-обрядовых действий, наиболее строго соблюдаемых именно женской половиной семьи, и от них же воспринимают знания о героях эпических поэм, о легендах и мифах, о богах и богинях. С детства индус знакомится с настенными изображениями этих сюжетов, видит их на иконах, в скульптурах бесчисленных храмов, внимает рассказам разных сказителей и присутствует на театральных представлениях. Вот эта «пропитанность» традиционными предписаниями и знаниями остается на всю жизнь характернейшей чертой каждого индуса и действительно подтверждает часто повторяемые слова, что *в индуизм нельзя обратиться, индусом можно только родиться*.

Ни обилие прослушанных проповедей, ни обширная начитанность не заменят всего комплексного восприятия множества сюжетов и регуляций индуизма, которые впитывает рожденный в индусской семье человек с первых же дней своего появления на свет. Немалое место в

этом комплексе занимают разъяснения, касающиеся реакции члена данной общины и на лиц, пребывающих вне этого круга, то есть на членов других каст, на приверженцев других религий и т. п. А это, поверьте, очень важно для жизни.

В житийных преданиях, частично сведенных воедино в древних книгах — «пуранах», в разных сюжетах эпоса иногда хранятся такие следы миновавших эпох, которые нельзя обнаружить в научной литературе, и в этом состоит большая ценность устной передачи фольклорных тем. *Именно в глубине народной памяти сохраняются не только сюжеты и воспоминания, но и оценочное к ним отношение*, что немаловажно. «Махабхарата», пересказываемая на все лады, считается «пятой Ведой», или «Ведой для шудр и женщин», поскольку в общей массе безграмотного населения эти слои были самыми безграмотными. Тем не менее они хранили богатейшие запасы традиционных знаний в своей памяти и донесли их до наших дней.

Следует указать еще раз, что, несмотря на отсутствие в индуизме единой церковной организации, а также на то, что разные конгрегации жрецов проповедуют свои формы индуизма, эта религиозная система никогда не страдала от серьезных расколов. Ее основой на протяжении последних трех тысячелетий служило приятие и сохранение древнейших форм веропредставлений, сложившихся как в среде арьев, так и в среде доарийского населения.

Одной из труднейших задач, встающих перед каждым исследователем индуизма, является расчленение его характеристик и черт на те, что связаны с арьями, и те, что вошли в эту религиозно-социальную систему из верований и установлений, свойственных населению Индии до прихода туда арьев. Тем более что и в конце 1-го тысячелетия до н. э., и в первые века нашей

эры сюда продолжали приходить значительные группы среднеазиатских скифов (саков), которых признают потомками проходивших по этим землям и частично оставшихся на них арьев.

Подчеркнем с самого начала, чтобы потом уже к этому не возвращаться, то обстоятельство, что брахманы, как и все священнослужители у всех народов, строго следили за сохранностью приверженности религиозно-правовым нормам всех членов племени, и в первую очередь, естественно, правителей и воинов. Об этом выразительно говорят установки, сохранившиеся в таком памятнике, как «Законы Ману». Там мы читаем: «Из живых существ наилучшими считаются одушевленные, между одушевленными — разумные, между разумными — люди, между людьми — брахманы...», «Все, что существует в мире, — это собственность брахмана; вследствие превосходства рождения именно брахман имеет право на все это...», «Десятилетнего брахмана и столетнего царя следует считать отцом и сыном, но из них двоих отец — брахман» [37].

На земле Индии брахманы занялись распространением установлений дхармы, то есть вероучений, сводов религиозно-правовых предписаний.

В числе упомянутых каст, точнее, подкаст, сложившихся и в брахманской варне, особым почтением пользуются брахманы, называемые Чатурведи, то есть «знающие все четыре Веды», следующая их группа носит название Триведи, а за ними идут группы Двиведи и Веди. В наше время эти названия воспринимаются как фамилии, так как в Индии часто название касты служит фамилией. Кроме них, есть и много других групп, в число которых вошли еще в древности и те жрецы местных народов, которые (добровольно или под давлением обстоятельств) приняли брахманскую дхарму. Из среды доарийских народов в процессе взаимного смеше-

ния и уподобления образовалось и множество других каст и подкаст.

Остановимся на кратком обзоре доарийского населения. Кого встретили арьи на новых землях? С чьей культурой столкнулись и какова была эта культура? Хотя по этим вопросам написано много, осталось и немало загадок.

Судя по тому, что брахманы, сопровождавшие авангардные воинские группы, всегда настойчиво требовали от своих соплеменников сохранения уважения к вероучителям и блюстителям законов, можно полагать, что послушание им воинов оказалось в Индии под угрозой вследствие воздействия нового этнического окружения, тем более что эти новые для них народы стояли на разных уровнях цивилизованности, от лесных полудиких племен до городских жителей. Таким образом, возникла необходимость вырабатывать новые постановления и запреты для ограничения контактов арьев с местным населением. Одной из немалых «опасностей» явилось тяготение воинов к необычным для них представительницам прекрасного пола, мимо которых они, естественно, пройти не могли. А это грозило расовым смешением. И хотя расовой теории в современном смысле слова брахманы не разработали, но все же понимание явной разницы во внешних чертах арьев и местных жителей заставило их проявить строгость: появились запреты на смешанные браки.

Мы видим, что в памятниках древнеиндийской литературы доарийские народы оцениваются как «адхарма» — не имеющие законов, и «аяджна» — не проводящие жертвоприношений богам. Кроме того, их описывают как черных, косматых и безносых. Что это были за люди и как они жили до появления на их земле первых арьев?

Первоприходящие арьи осваивали сначала области северо-запада. В XX веке н. э. выяснилось, что здесь, да

и дальше по субконтиненту, существовала древняя и развитая культура. Сохранившиеся ее фрагменты были обнаружены случайно. Ученые обратили внимание, что местные крестьяне пользуются для строительства своих домов очень крупным обожженным кирпичом. Стали выяснять, откуда они его берут, — и нашли города, засыпанные песком. Именно города, а не круглые, обведенные земляными валами поселения, в которых временно останавливались индоиранцы на пути с севера на юг (наиболее совершенным из таких поселений был приуральский Аркаим). Когда английские археологи принялись за регулярные раскопки, миру явилась так называемая цивилизация долины Инда, или цивилизация Хараппы (по названию одного из местных городов). Всеобщее удивление и восхищение росло в процессе расширения археологических работ. Как, далеко от реки Инд? Как, и на западном побережье, и на Ганге, и в Центральной Индии? Не может быть! Нет, может. Новые очаги этой цивилизации постоянно находят в этих областях и сейчас.

Открыты города с прекрасно распланированными улицами, с двух- и трехэтажными кирпичными домами. Открыта развитая сеть ирригационных каналов. Открыты арочные водоводы под улицами и множество предметов ремесла и искусства. Среди них фигурка так называемого «жреца» в накидке с трехлепестковым узором (рис. 10), фигурка танцующего мужчины (положение торса и характерно напряженные мышцы, реалистично и чрезвычайно эстетично выполненные, указывают на танцевальную позу), фигурка обнаженной девушки, тоже танцующей. И в огромном количестве найдены глиняные, каменные и бронзовые таблички и печати. Вот печатей было больше всего, их продолжают находить и в наше время.

Больше всего найдено печатей, на которых изображены быки — быки-единороги (рис. 11), быки-зебу и

Рис. 10. Фрагмент фигурки жреца. Харалпа

буйволы. Немало печатей и с изображением других животных, причем не только домашних, но и диких — слонов, тигров, вепрей, крокодилов, змей. Печатей с изображением людей не найдено. Объяснить это пока не могут. Есть, правда, фигурка человека, сидящего в позе йогической медитации, но лицо его выполнено так нечетко, что существует предположение, не представляет ли он собой трехликого бога. Некоторые фигурки изображены

Рис. 11. Бык-единорог на печати из Харappy

стоя или сидя на ветвях дерева, в них усматривают изображения духов растений; лица рассмотреть невозможно.

При раскопках найдены ювелирные украшения, осколки керамических изделий, изображения кораблей и многое другое. И поиски продолжаются.

Великой неразгаданной тайной остаются удивительные надписи на всех печатях. Такой шрифт до сих пор неизвестен науке. Несмотря на множество попыток, прочесть их пока не удается. Как известно, египетские иероглифы удалось расшифровать благодаря тому, что была найдена билингва, то есть доскональная копия-перевод. И здесь, видимо, придется надеяться на такое же чудо: а вдруг первопришельцы-арьи, увидев эти вещи, узнали значение надписей и где-то, в пока не найденном древнем тексте, отразили его? Но пока этого чуда не произошло.

Теперь зададим вопрос: кем же были создатели этой погребенной в песках и в глубине веков цивилизации? Как они выглядели и почему изображены безносыми и косматыми? Оказывается, перед нами предстает древ-

Рис. 12. Бог Шива как Пашупати, то есть «Владыка зверей». Печать из Мохеджо-Даро

нейший расовый конфликт. Ведь арьи имели черты европеоидного, или северного, расового типа: светлый кожный покров, русые, иногда даже светлые волосы и светлые глаза. (Надо заметить, что современные индийцы — потомки арьев тоже отличаются от основной массы населения этой страны частичным проявлением подобных черт, за исключением светлых волос.) Дарийские же народы восходили к древнейшим человеческим расам Юга, определяемым как австралоидная и негроидная; антропологи выделяют еще и дравидоидный расовый тип, к которому относят жителей Южной Индии.

Некоторые ученые связывают происхождение первой из этих рас с древнейшими жителями южных островов, которые некогда, в необозримой глубине десятков тысячелетий, выжили после мощных геологических изменений, в ходе которых были затоплены огромные материки. На сохранившихся над водой горных вершинах, ставших теперь островами, постепенно расселились люди, они, естественно, вступали в контакты с соседями, используя доступные плавательные средства. Постепенно сложилась раса, именуемая австралоидной, представители которой уже в глубокой древности заселили земли Австралии (их потомками являются австралийские аборигены), а также океанских островов на пути к полуостровной Индии; отсюда они проникли в эту страну, где их потомки живут и сейчас. Вот для этих людей характерны описанные первыми арьями черты: крупноволнистые волосы, широкие, приплюснутые носы, черные глаза с так называемым «бриллиантовым блеском», довольно темная кожа и заметно выступающие вперед зубы (прогнатизм).

Негроидная же раса сложилась на Африканском континенте, который некогда соединялся с территорией Западной Индии цепью гор, тоже ушедших под воду. Представители этой расы в целом отличаются очень темной кожей, курчавыми волосами, большими глазами с черной радужной оболочкой и полными губами. По поводу их появления на землях Южно-Азиатского субконтинента ряд ученых полагают, что они проникли и по упомянутой горной цепи, и (одновременно или последовательно) по более северным землям — по территории Передней Азии: так они проходили из Африки на северо-запад субконтинента. Надо сказать, что одним из подтверждений именно этой точки зрения служит факт нахождения африканских пигмеев на Андаманских островах в Бенгальском заливе, а также линия круглых

хижин африканского типа, пересекающая земли Центральной Индии с запада на восток, то есть по предполагаемому пути пигмеев.

О дравидоидном же расовом типе нет точных сведений. Одни полагают, что он сложился под воздействием самых ранних арьев: среди южноиндийских народов — носителей дравидийских языков встречаются люди с элементами европеоидных черт. Другие же считают это явление случайным или труднообъяснимым.

Но как бы там ни было, выяснилось, что создателями цивилизации Хараппы были именно эти разнорасовые люди, издревле населявшие Индию; к такому заключению пришли антропологи, исследовавшие их останки, найденные в указанных областях распространения этой цивилизации. К тому же и сохранившиеся статуэтки подтверждают такое заключение.

Эта цивилизация существовала с 4–3-го тысячелетий (некоторые датируют ее началом 5-го тысячелетия) до 2-го тысячелетия до н. э., и эту дату многие связывают с приходом основных масс арийских племен, которые, как предполагают, и способствовали ее гибели.

Нельзя не согласиться с тем, что арьи были воинственным народом и продвигались с боями, но вряд ли все же они могли бы разрушить развитую цивилизацию городов-государств. Те, кто ищет другую причину ее гибели, думают, что это произошло в результате резкого изменения климатических условий, вызванного тем, что главная водная артерия, река Инд, изменила свое русло, а это, по данным палеогеографии, ей было свойственно не раз.

Нам трудно присоединиться к какому-либо из мнений, но известно, что, вытесненные то ли арьями, то ли давлением природных условий, создатели этой цивилизации большей частью ушли в области Южной Индии. А с теми, кто остался, арьи вступали во взаимодей-

ствие на военной или хозяйственной основе, перенимали опыт жизни в новых природных условиях.

Вот так появлялось потомство смешанных расовых типов. Надо сказать, что этот процесс шел непрерывно, и в результате сейчас антропологам трудно точно определить, к какому типу следует отнести того или иного жителя страны. В Индии распространен лозунг, отражающий многие стороны жизни населения, в том числе и многообразие внешних расовых черт: «Множество в единстве» или, иначе, «Единство во множестве». И то и другое совершенно точно отражает истинное положение вещей. Но борьба брахманов со смешанными браками в древние времена привела к появлению

Рис. 13. «Боги создали жен для того, чтобы мужа знали, кому дарить украшения» (индийская поговорка)

многих указов и предписаний, которые нашли свое отражение и в «Законах Ману». В этом памятнике можно видеть ряд детализированных указаний: как следует относиться к тем или иным потомкам от смешанных браков или связей, какие права на наследование они сохраняют, к каким кастам их следует причислять и каким карам подвергать за разные нарушения правил. Так, мы читаем:

«Узнайте [изложенные] вкратце следующие восемь [форм] бракосочетания для четырех варн... Вручение дочери... [жениху] ученому и доброго поведения, [которого отец] сам приглашает, называется дхармой брахма.

Вручение наряженной дочери жрецу, надлежаше занятому в жертвоприношении, когда он исполняет обряд, они называют дхармой дайва.

[Когда отец], получив от жениха в соответствии с дхармой быка и корову или две пары, выдает дочь по правилам, такая дхарма называется арша.

Вручение дочери [ее отцом после] произнесения слов: “исполняйте оба вместе дхарму” и оказания почестей [жениху] называется обрядом праджапатъя.

Выдача дочери, [когда жених] даст добра родственникам и невесте столько, сколько может и добровольно, называется дхармой асура.

Добровольный союз девушки и жениха, любово-страстный, происходящий от желания, называется гандхарва.

Похищение из дома кричащей и плачущей девушки силой, сопровождаемое убийствами, ранениями и разрушениями, называется обрядом ра́кшаса.

Когда [кто-либо] тайком овладевает спящей, опьяненной или безумной, это наихудший из видов брака, восьмой, известный [как] пайшача...

В [семьях, возникших от] четырех форм брака начинающая с первого — брахма и т. д., — рождаются сыновья, сияющие знанием Веды, одобряемые учеными людьми...

В [семьях] других оставшихся дурных форм брака рождаются сыновья жестокие, говорящие неправду, ненавидящие Веду и дхарму» [37].

А перед этим сказано, что «первые шесть соответствуют дхарме брахмана, последние четыре — кшатриев, для вайшьев и шудр — те же [четыре], кроме формы ракшаса».

Сразу следует оговориться, что ракшасами называли демонов, образ которых был построен по внешнему виду неарьев, а пишачами (пайшача) — злобных, вредоносных чертей, низость которых сравнивалась с повадками мелких местных племен, практиковавших брак путем насилия.

Мы видим, что если брахманы в основном все же соблюдали ряд запретов, то кшатриям разрешалось все. Выше упоминалось о том, что удержать оторвавшихся от своих семей воинов, продвигавшихся в авангарде, от контактов с женщинами было, конечно, невозможно, и пришлось им это разрешить.

Более того — сами брахманы, судя по многим упоминаниям в памятниках ведической и эпической литературы, тоже вступали в такие браки (возможно, не заботясь об их легализации или же ссылаясь на «веления богов») и рождали смешанное потомство, множество свидетельств этого сохранила древнеиндийская литература. Продвижение арьев в сторону Южно-Азиатского субконтинента, равно как и их расселение по его территории, должно было носить неоднозначный характер в оценке их половозрастного и социального состава. Гимны Ригведы описывают и кшатриев, и брахманов. Брахманская прослойка была в этом древнем обществе арьев идеологически обслуживающей и по возможности направляющей группой. Воинство же, бывшее авангардным слоем, должно было состоять из молодых и зрелых мужчин, численностью которых

определялись скорость и успех их инфильтрации в новые земли, а значит, и в среду местных народов, представители которых сами постепенно стали входить в состав их варн.

Джавахарлал Неру так определил процесс взаимной адаптации в воинской среде кшатриев: «Принадлежность к группе кшатриев зависела скорее от положения и рода занятий, чем от происхождения, и это облегчало иноземцам присоединение к ней» [57, с. 123].

Трудно, конечно, представить, что все воины соблюдали воздержание в ожидании следующих передвигавшихся за ними групп арьев со стадами скота, обозами, перевозящими и предметы быта, и, главное, людей — женщин, детей, стариков, ремесленников, земледельцев, слуг и т. д.

В памятниках древней литературы и в устной традиции сохранились имена брахманов-риши, мудрецов и духовных (добавим: политических) руководителей отдельных племенных и семейно-родовых групп, но имена крупных военачальников и царей доходят до исследователей только от времен первых государственных образований. О подобных личностях более ранних веков ничего не известно — сохранились воспоминания о воинах как о некой воинственной массе, о доблести воинов, о завоеваниях и о приносимых ими при посредстве брахманов бесчисленных жертвах, как во имя побед и захватов добычи, так и во имя обретения многочисленного потомства. Вот последнее стремление широко описывается в великой «Махабхарате», что помогает нам глубже вникнуть в вопрос, который можно условно сформулировать так: «Кто от кого родился и как в результате выглядел?»

Поскольку в этой книге содержится глава, посвященная богам индуизма, появляется необходимость дать некоторые предварительные краткие разъяснения, касаю-

щиеся отражения в этом эпосе проблемы смешанных браков. Ведь упомянутые «Законы Ману» выработывались веками и были зафиксированы лишь к концу 1-го тысячелетия до н. э. В них содержится много указаний, касающихся фактов частых арийско-неарийских браков. Эти браки имели место на разных социальных уровнях общества *между представителями разных этнических групп*. Не уделив внимания этому вопросу, нельзя разобраться в том, «кто был кто» в «Махабхарате».

Во многих древних памятниках местные доарийские народы упоминаются под название «вратья» — неправедные. В числе вратьев встречается ряд очень важных для историков этнонимов, то есть названий народов, которые известны на всем протяжении истории Индии, вплоть до современности, как, например, дравидоязычных народов, определявшихся в древности словом «дравида».

Среди таких «вратьев» встречается не просто название «дравида», но конкретный этноним «андхра». Ныне дравидоязычный многочисленный народ андхра населяет юго-восточный штат Андхра-Прадеш, а в те глубокие времена он явно был близок к ареалу цивилизации Хараппы и, будучи вытесняем из северо-западных областей, долгие века удерживал за собой область гор Виндхья и нижнего (да и среднего) течения реки Джаммы. *Именно в среде этого темнокожего народа, от правителя одной из его ветвей — народа, известного в истории как «ядавы», родился царевич Кришна («Черный»), который позднее был введен брахманами в состав пантеона индуизма как одно из воплощений арийского бога Вишну.* Но об этом ниже.

Одной из исторических черт смешанной арийско-неарийской (или доарийской) культуры является загадка генеалогических подсчетов династий правителей Древней Индии. Эти династии делятся на две линии, имену-

емые Лунной и Солнечной, которые, возможно, отражают последовательность проникновения арьев на земли субконтинента. (Данный вопрос требует глубокого изучения, здесь же мы можем остановиться на нем лишь весьма кратко.)

Где, в какой древности следует искать истоки этих линий? Это тем более интересно, что почитание Луны и лунный календарь были известны и древним славянам. У них существовал культ Луны, культ ее бога по имени Троян. Этот культ был широко распространен, особенно у южных славян. Мы хорошо знаем, что и масляная неделя, и дни Великого поста, и Пасха — все это вычисляется по лунному календарю. По мнению историка Ю. М. Золотова, именно об этом боге идет речь в «Слове о полку Игореве» [43]. Поэтому можно попытаться высчитать время существования обеих династических линий, помня о том, что почитание Луны (под именем бога Сомы), принесенное в Индию арьями, слилось там с местным культом Луны, и в списки Лунной династии попали цари смешанного происхождения — в частности, вышеупомянутые ядавы, народ Кришны.

Итак, из числа ядавов было 50 царей (вождей, правителей), как указано в «Вишну пуране». Если мы отведем, как это принято, на одно поколение 25 лет, то получим общую продолжительность в 1250 лет. Условно ведя отсчет от рубежа нашей эры, видим, что эта линия восходит ко времени завершения Ригведы, которое датируется последней четвертью (или третью) 2-го тысячелетия до н. э., — а значит, ее начало можно соотносить с основной волной арьев. Эти арьи вели с ядавами бои и знали их правителей, как и их культы. К этой линии надо прибавить и 15 дальних предков, тогда мы получим более древнюю дату, то есть 1575 год до н. э., что опять же соотносится с массовым приходом арьев.

Взглянем на другую ветвь этой же Лунной династии — на родственных ядавам пауравов. Их правители восходят к 1750 году (перечисляется 70 правителей). Значит, снова списки царей, близких этим арьям по одному из их главнейших культов — культу Луны, составляли брахманы арьев.

Та же «Вишну пурана» приводит и списки царей Солнечной династии, правивших на севере и, вероятно, соотносимых с продвижением по Гангу первой волны арьев. Здесь отражен, по всей видимости, не признанный арьями местный, хотя, повторяем, и близкий им культ Солнца. В этом списке насчитывается 91 правитель страны, располагавшейся на северном притоке Ганга, реке Сараю. Общее время их правления равняется 2275 годам, из чего напрашивается вывод, что первопришельцы-арьи утвердились здесь в начале 3-го тысячелетия до н. э. (Все отсчеты мы ведем от рубежа нашей эры, от ранней даты создания пуран, и в частности «Вишну пураны».)

Культ Луны издревле был связан с культом доарийского бога Шивы, которого изображают всегда с полумесяцем на голове. Арьи же на протяжении всей своей истории тоже поклонялись Луне, что легко объяснить: ведь если они создавали свои мифы в приполярных областях, как доказывает Тилак, то Луна была единственным очагом небесного света во время долгой арктической ночи, и не случайно именно богу Соме — Луне — единственному из всех богов посвящена отдельная книга Ригведы, ее мандала, числящаяся как 9-я.

Арийские и доарийские этнические группы, подчиняясь сложившимся историческим условиям, вынуждены были расширять физическое и социальное смешение, развивая общие или сходные формы культуры, религии, правовых институтов, а равно и норм языка, — ведь даже в дравидийских языках насчитывается значительное число заимствований из санскрита.

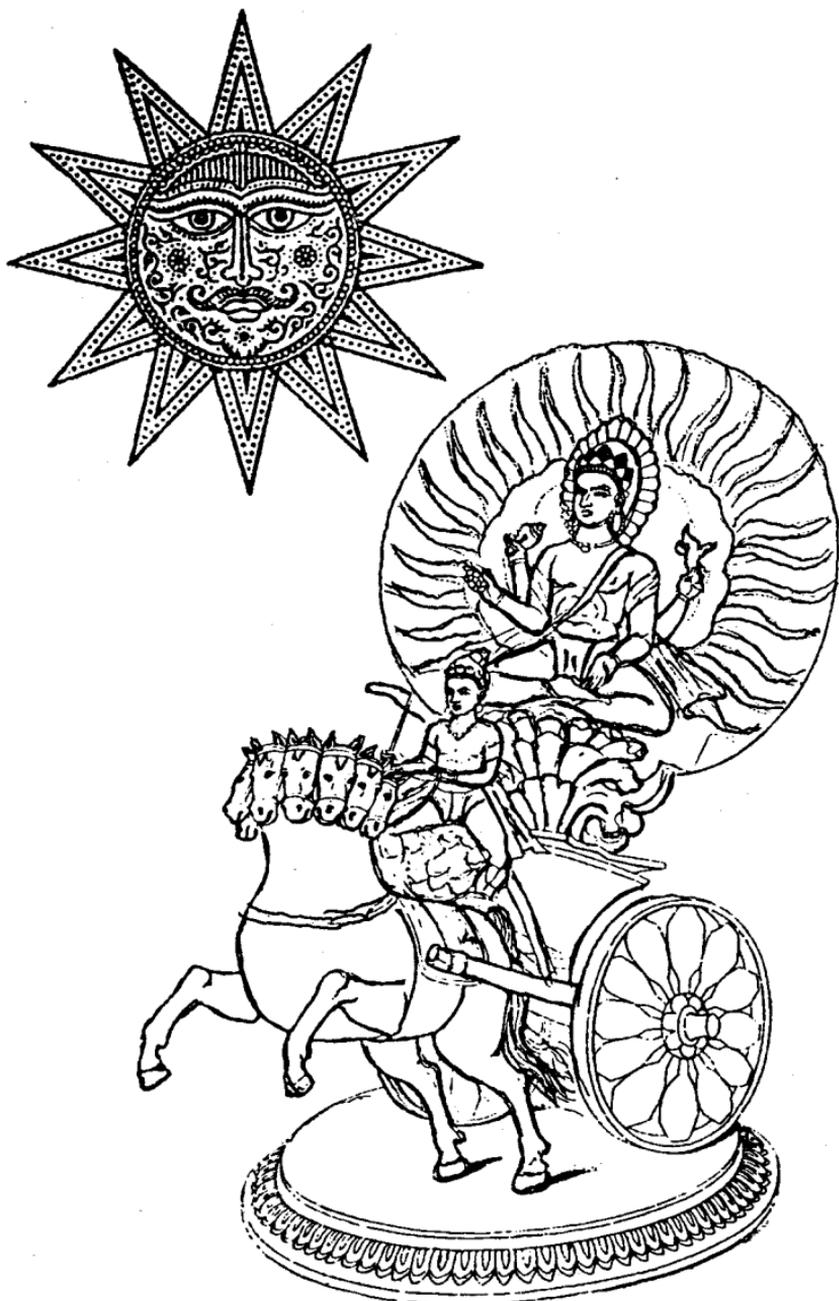

Рис. 14. Традиционные изображения солнца. Северная Индия

Вот здесь нам следует остановиться на интереснейшем вопросе о происхождении героев великого эпоса «Махабхарата». Этот вопрос непосредственно связан с указанными процессами этнической адаптации и взаимного смешения обоих массивов населения — пришлых и местных. В «Махабхарате» с графической четкостью прорисована картина неизбежных процессов смешения этих массивов и, более того, необходимого, неизбежного принятия его всеми слоями общества, а главное — кшатриями (это воинский эпос). Подчиняясь обстоятельствам, к этим процессам стали приспосабливаться и брахманы, вводя их в рамки законности.

Что же говорится обо всем этом в поэме? Какие выводы можно сделать, точно руководствуясь приводимыми в ней сведениями?

«Махабхарата» содержит много материала, который помогает ориентироваться в вопросах расово-этнических отношений ее героев. Начнем с главного вопроса: кем был Вьяса, которому приписывают *авторство этой поэмы?* Само слово «Вьяса» не является именем, оно означает «составитель». Его имя звучит так: Кришна Двайпаяна Вьяса, дословно это переводится как «Черный с острова составитель» («Двайпаяна» — это производное от слова «двипа», то есть «остров»). Он был якобы сыном простой рыбацки из среды местного народа и отличался ярко выраженными чертами вышеупомянутой австралоидной расы, не исключено, что с примесью негроидных черт.

По прошествии времени в среде царей Лунной династии родился великий воин Кúру, ставший предком известного рода Каúравов. И случилось так, что две царицы из этого рода не могли иметь сыновей от своих мужей. Тогда к ним на ложе был призван Вьяса (это совершенно очевидно отражает обычай заключения дипломатических межнациональных браков).

Далее легенда сообщает, что одна из цариц, увидев «черного и косматого» Вьясу, закрыла от ужаса глаза, и поэтому у нее родился слепой сын. А другая, охваченная ужасом, побелела от страха и родила «бледного» сына. Этот сын в эпосе носит имя Пáнду, что значит «бледный».

Поскольку нет никаких доказательств того, что все потомки Куру были по крови чистыми арьями, приходится предполагать, что это был не первый случай таких браков. Но само имя Панду говорит о том, что светлая его кожа (или просветленная) привлекала к нему внимание окружающих. Можно думать, что его мать была из арийской среды.

В дальнейшем слепой царь женился на царевне арийского происхождения, родив, по легенде, сто сыновей, унаследовавших, таким образом, лишь четвертую часть неарийской крови, а бледный Панду женился на царевне из среды *местного народа ядавов*. Ее звали *Кришна*, что значит «черная». Она дала жизнь трем сыновьям, зачав их таинственным путем «от богов», потому что Панду был поражен бессилием. Кем в действительности были эти «боги», неизвестно. Зато известно крайне интересное указание о ней: *она была родной теткой того самого царевича Кришны*, который позднее был обожествлен под этим именем (Черный). Вот эти ее сыновья, двоюродные братья Кришны, явно могли унаследовать лишь четвертую часть арийской крови, да и то при условии, что их бабка, мать бледного Панду, была арийской царевной, что по тексту эпоса не устанавливается. Кроме прозвания Черная, она имела и имя — Кунт́и. У Панду была и другая жена, этническую принадлежность которой установить с точностью невозможно. Она родила (от кого?) двух близнецов, которые считали своей матерью царицу Кунти. Все пять братьев известны как Пáндавы, по имени своего, так сказать, официального отца — Панду.

*Рис. 15. Изображение восьмого дня луны.
Копия рисунка на стекле*

Сюжет эпоса сводится к описанию раздора между сыновьями слепого царя и сыновьями Панду. Этот раздор прекратился с наступлением дней великой 18-дневной битвы, в которой победили Пандавы — с помощью царевича Кришны, — обретя верховную власть в стране.

Почти все исследователи этих проблем пишут, что Пандавы были арьями, а их враги — представителями других этнических групп. Но это явно не соответствует данным эпоса. И как раз в высшей степени показательны те формы межэтнических династических браков, которые в нем описаны, как показателен и тот факт, что

царица Кунти («Черная мать» Пандавов) повелела сыновьям вступить в полиандрический брак, обретя одну общую для них жену. Такая форма брака была абсолютно не свойственна арьям, у которых еще до появления в Индии сложились институты, связанные с патриархальной формой семейных устоев, в отличие от местной матриархальной.

Весь род Куру, как и Кришны, относился к Лунной династической линии, и почитание Луны до сих пор сохраняется в Индии, а лунный календарь играет в жизни народа столь заметную роль, что ведется точный учет лунных фаз, и каждый день месяца имеет свое особое название, связанное с этим светилом. И с фазами Луны, и с этими днями соотносятся многие моменты ритуальной жизни, не говоря уже о том, что астрологи связывают с ней гороскопы, пророчества и многие бытовые предписания, включая рекомендации о днях вступления в брак, днях зачатия и т. п.

Лунная династия правителей носит в Индии древнее название Чáндра-вámша, то есть «Род, порожденный Луной» (санскритское слово «чандра» переводится как «луна»). Правители же Солнечного рода, именуемые Сúrья-вамша, то есть «Род, рожденный Солнцем», описаны в другом эпосе — «Рамаяна», главный герой которого, по имени Рама, обожествлен и почитается как одно из воплощений бога Вишну на земле. Эта поэма создана позднее «Махабхараты», но ее основной сюжет вкратце включен в этот огромный по объему эпос. Кришна, как и Рама, тоже обожествлен и тоже признан одним из воплощений Вишну — таково было выраженное в индуизме протекание процесса взаимной арийско-доарийской ассимиляции.

Вспомнив о древних формах матрилинейных браков, скажем и о том, что именно из верований доарийских народов вошло в индуизм почитание богинь, тогда как

Рис. 16. Традиция неполного прикрытия тела одеждой сохраняется у женщин некоторых каст в Южной Индии

арьи поклонялись в основном богам-мужчинам. Свобода женщин сохраняется и сейчас у ряда дравидийских каст и групп. Так, на крайнем юго-западе, в штате Керала, женщины некоторых каст сами выбирают мужей и могут вступать в брак с несколькими мужчинами одновременно. Там же еще можно видеть женщин, не прикрывающих грудь одеждой, — это признак чистоты и гордой независимости, то есть явный пережиток устоев матриархата.

Поскольку в Ригведе и других памятниках описываются или упоминаются боевые столкновения арьев с врагами, ученые раньше думали, что этими врагами были неарийские народы, населявшие Южно-Азиатский субконтинент. Но затем это мнение заметно менялось, и большинство исследователей стали приходить к убеждению, что арьи враждовали и между собой, то есть разные их племена воевали друг с другом, захватывая земельные угодья, скот, да, вероятно, и рабов — ведь уже в Ригведе упоминаются дása, или

дасью, что переводится как «рабы». Особенно широко это название стало применяться к жителям доарийской Индии. Надо сказать, что в Авесте тоже отражены битвы между группами арьев: специалисты отмечают, что арьи второй волны воевали в Индии с первопришельцами, разрушали их поселения и тоже захватывали пленных.

В процессе расселения по Индии арья-брахманы, как уже упоминалось, уделяли все более строгое внимание сохранению древних, сложившихся в их обществе варн, то есть сословий. И если, как полагают исследователи, сначала это общество разделилось лишь на два сословия — жрецы (брахманы) и вайшьи, то есть «все, весь народ», то позднее все четче стали вырисовываться рамки сословия воинов-кшатриев, причем граница между жрецами и воинами пролегла не сразу — известны и имена воинов-брахманов. (Эта традиция была также известна славянским племенам и долго сохранялась в их среде. Напомним хотя бы о том, что в 1380 году н. э. воины-иноки Ослябя и Пересвет помогли Дмитрию Донскому в битве с врагами русского народа.) Ученые считают, что последней определившейся варной были шудры, о которых упоминается уже и в Ригведе. До этого вайшьи — трудовые члены племени, выступавшие сначала и как воины, а затем только как скотоводы, земледельцы и ремесленники, — выполняли и «нечистую» работу, но постепенно определилась прослойка слуг общины — шудр. Их нельзя назвать рабами общины, так как они были арьями, а в таком памятнике, как «Артхашастра» («Наука политики (букв.: пользы)»), который датируется III веком до н. э., говорится, что шудру, превращенного врагами в раба, члены племени должны выкупить, ибо он — арья, а значит, рабом быть не должен [8].

Сложение варн в эти годы определяется в этом своде законов следующими словами: «Закон для брахмана —

учение, обучение, жертвоприношения для себя и для других, раздача даров и их получение. Закон для кшатриев — учение, жертвоприношение, раздача даров, добывание средств к жизни военным делом и охрана живых существ. Закон для вайшьи — учение, жертвоприношение, раздача даров, земледелие, скотоводство и торговля. Закон для шудры — послушание и ведение хозяйства в повиновении у дважды рожденных» (такowymi считаются члены трех первых варн, прошедшие обряд посвящения; мальчики брахманов проходят через этот обряд в возрасте 7–8 лет, кшатриев — в возрасте от 10 до 14, а вайшьев — до 22 лет).

После проведения этого обряда они могут изучать и слушать Веды и считаются полноправными членами индусской общины. Нам неизвестен обряд посвящения, который был свойствен ведическим арьям. О нем нет упоминаний в Ведах, но не исключено, что он должен был проводиться довольно строго, так как на той ступени развития необходимо было воспитывать в юношах мужество и умение жестко бороться за благополучие племени. Во всяком случае, славяне в древности посвящали мальчиков в прохождение следующей ступени жизни, и эти обряды сопровождались множеством суровых испытаний. И так действовали не только славяне, но и другие группы индоевропейцев. Трудно сказать, почему эти обычаи смягчились в условиях Индии. Быть может, арьи восприняли распространявшиеся там в среде смешанного населения предписания религиозных общин джайнов и буддистов (VIII—VI вв. до н. э.), сводившиеся к доктрине «ахинсы», то есть «ненасилия, неповреждения»? На этот вопрос пока ответа не найдено. Но именно обряд этого «мягкого» посвящения проложил четкую границу между «высокими» и «низкими», точнее, между «более высокими» и «более низкими».

Интересно указать и на то, что в среде самих арьев появились такие наименования, как «светлые» и «темные» арьи. Именно арьи, а не люди из местных племен (их потомков в современной Индии определяют словом «адиваси»). Первую группу именовали «рожденными от богов», а вторую — «рожденными от людей». Последних описывали как явных представителей австралоидной расы, но именовали арьями, однако указывали, что они злые, в отличие от первых, добрых. Такие данные могут послужить свидетельством того, что сам термин «арьи» стал носить на новой территории расселения не столько этнический, сколько социальный характер, превратившись в определение нового общества, формировавшегося из двух основных пластов — арьев (которых здесь уже следовало бы именовать индоарьями) и доарийских народов.

(Небезынтересно вспомнить о том, что древнеиндийский грамматист Патанджали указывал, что отличительной чертой брахманов служат светлые волосы.)

Интенсивный процесс смешения культур привел в конце концов к тому, что древнеарийские верования и обычаи, содержавшие значительное количество общих со славянами черт, были во многом восприняты и другими народами Индии и превратились в общеиндусские, всеми признанные характеристики, проявлявшиеся сравнительно сходно почти по всей стране, о чем скажем ниже.

Глава 5

ПАМЯТЬ И МИФЫ

Познакомившись в общих чертах с путями продвижения далеких предков индоевропейцев с севера в более южные области Земли, вернемся в глубины тысячелетий, к истокам веропредставлений этих народов, к их взглядам на природные явления. Отблески этих взглядов сохранились до Нового времени в их мифах и преданиях, в их коллективной памяти.

Известный русский ученый А. Н. Афанасьев, исследователь вер и суеверий индоевропейских народов, очень точно определил истоки образов и объектов этих верований, сказав о необходимости принять в внимание, «что фантазия младенческих народов любила свои представления облекать в живые, пластические образы... что сами времена года казались уму древнего человека не отвлеченными понятиями, а действительными божествами... как существа живые, человекоподобные, и в этом нельзя не признать отголоска глубочайшей древности» [10].

Вот эта так ласково названная Афанасьевым «фантазия младенческих народов» и составляет глубоко скрытую под более поздними напластованиями основу всех религиозных воззрений. И если в Ведах и индуизме она сохранилась во многом без изменений, то в среде других индоевропейцев религиозное мировоззре-

ние, которое принято называть язычеством, было основательно подавлено христианством, и исследователям приходится выискивать в самих церковных обрядах те (и, надо сказать, довольно многочисленные) элементы язычества, которые Церковь вынуждена была вобрать в свои формы богослужения. Церковный обряд на протяжении многих веков сочетался с древнейшими традиционными явлениями самобытной культуры, и разделить их теперь бывает трудно. Ниже мы обратимся к этим моментам, как это делали многие ученые с начала XIX века.

Преследование волхвов церковниками и даже физическое истребление многих из них в заметной степени разорвало «связь времен», и из веропредставлений индоевропейцев в целом, и русских в частности, ушло многое, что могло бы служить жизненной иллюстрацией к отдаленному прошлому. Но в бытовой повседневности и в ряде церковных ритуальных действий все же выявляются следы этого прошлого, причем следует подчеркнуть, что некоторые из них возрождаются и укрепляются. Это говорит о бессмертии народной памяти, о ее как бы генетической сути.

Жрецы, мудрые собиратели мельчайших крох народной памяти, бережно проносили их сквозь тысячи лет. Культ огня, например, в своих разных формах повсеместно дожил и до наших дней. На вопрос о времени его зарождения ответа пока нет, однако можно предположить, что это один из древнейших культов.

Вероятно, первым, что отпечаталось в памяти человека, был страх перед этой стихией. И этот страх мог породиться не только убийственной силой грозových молний или вызываемыми ими лесными пожарами, но и более могучими и гораздо более неукротимыми извержениями вулканов — ведь как тысячи лет назад, так и в наши дни от них гибнут тысячи людей.

А теперь поговорим о том, откуда такой страх мог зародиться в душах далеких предков индоевропейцев. Если мы признаем, что прав Тилак и даже в эпоху последнего межледникового периода в Приполярье и Заполярье жили люди кроманьонского типа, то могли ли они видеть извержения или хотя бы знать о них? Оказывается, могли. В Ледовитом океане не было вулканических островов, под его водами не обнаружены и затонувшие вулканы. Но рядом с Полярным кругом, почти прикасаясь к нему своим северным краем, была Исландия, издревле действующие вулканы которой хорошо изучены. И расположены они к тому же на ее северных землях. Поскольку Уральские горы, хорошо знакомые прапредкам индоевропейцев, никогда не отличались вулканической деятельностью, следует, видимо, думать, что след представлений об огненных реках и связанных с вечным огнем ужасах, особенно об ужасном подземном огне, должен привести нас ко времени древнейших извержений исландских вулканов. Вышеупомянутые крохи памяти, бережно хранимые жрецами, перетекая от одного поколения к другому, дошли до нас в форме мифов, суеверий и поучений.

Но поскольку Исландия была все же слишком далеко от севера Восточной Европы, то можно предположить, что здесь «огненными реками» могли считать и пламя горящего метана, газа, выделяемого гниющими остатками органических веществ. Скопившись в толще земной коры, метан, вырываясь из ее трещин, мог загораться, например, от молнии, что и вызывало представление о подземном огне.

Неукоснительная вера в существование всепожирающего, беспощадного подземного огня вошла во все ранние и поздние религии как вечная угроза всем грешным и неправедным людям. Адское пламя, ожидавшее их, служило железной уздой, удерживающей многих на гра-

ни тяжкого греха. А откуда, если не из образа вырывающегося из-под земли огня, могла возникнуть мысль о его присутствии под землей? И страх перед ним, страх перед адом и муками сожжения прочно укоренился в сознании людей на тысячи и тысячи лет.

Писатель XII века Кирилл Туровский оповещал верующих, что «огонь неугасимый потечет... поядая горы, и камения, и древа... твердь же яко береста свертитя... и просветятся телеса их (людей. — *Н. Г.*) яко солнце, по добродетели их: праведным дает свет, а грешным опаление и омрачение» [68]. Да, христианство во всех своих толках и течениях широко восприняло идею кары вечным огнем. В стихе о Страшном суде сказано, что огненная река пожрет камни, леса, птиц и зверей: очевидно, древняя вера народа в такие реки стала исходным пластом широкого восприятия страшной идеи огненной мести за грешные дела. Преисподняя — это пекло, где души кипят в смоле и пожираются пламенем, и все это под землей.

Обратившись к другой ветви индоевропейцев — к арьям, видим в индуизме тот же страх и те же угрозы, не имеющие никакого отношения к христианству, но совпадающие с ним до деталей, а значит, восходящие к общему источнику, к представлениям глубочайшей древности.

Индусы считают, что подземный мир состоит из многих кругов и первым из них является царство повелителя смерти по имени Яма. Сюда к нему его слуги приводят души умерших людей, и здесь он вершит суд над ними, приговаривая их к каре в соответствии со степенью их греховности или же отпуская праведников в царство предков. Самый нижний круг ада представляет собой как раз пекло, место огненных мук, где не иссякает жаркое пламя, освещая вечно царящий там мрак, и где демоны терзают виновных в нарушении законов

добра и правды. Их жгут там до конца калпы — многотысячелетнего периода времени, а затем они исчезают навеки, погружаясь под огненное царство, на самое дно ада, именуемое Ниррити, то есть полный распад, окончательная смерть. Из этого огня выхода нет.

Рис. 17. Бог Яма возвращает прощенному им человеку душу. Традиционный рисунок

Поклонение огню имеет и форму почитания его доброго начала, что, по всей очевидности, должно было сложиться в более поздние времена по сравнению с ужасом перед огненными реками вулканической лавы. Огонь был освоен человеком прежде всего как защитник от нападения хищников, затем как источник тепла для обогрева жилья (любого вида — от пещеры до землянки), для обжаривания мяса и проваривания зерен злаков, а впоследствии и для выжигания лесов под посевы. Судя по «Махабхарате», к такому выжиганию прибегали и для истребления враждебных лесных племен. Так, в главах 216–217 Книги первой мы читаем, что бог огня Агни стал сжигать лес, «чтобы насытиться», и в нем «живые существа подняли ужасный рев... У многих из них была сожжена какая-нибудь одна часть тела, другие были совсем обожжены, а у иных полопались глаза... и казалось, что повсюду там гибли твари».

Агни является в индуизме одним из самых почитаемых богов, и если некоторые боги меняли свои имена и функции, то Агни может считаться богом уникальной судьбы: ему всегда приписывались одни и те же чудодейственные свойства, начиная с глубочайшей древности. Так, Ригведа насыщена восхвалениями достоинств Агни и даже начинается с гимна ему. Он — «осветитель тьмы», небесный огонь, равный солнцу, отвратитель зла, огонь домашнего очага, а также пламя жертвенного погребального костра. Сжигая тела покойных, он возносит их души в должное им царство, а испепеляя жертвы, он доносит их до богов. Он — Кравьяд («поедающий кровавую плоть»), он же соединяет жениха с невестой и дарует потомство. И нет ни одного ритуального действия, при котором не возжигали бы светильника или костра. Он — первый среди жрецов, непосредственно связывающий мир людей с миром богов.

В конце осеннего праздника Дасеры наступает день Дивáли (или Дипавáли — «праздник светильников»), в который зажигают все лампы в домах, иллюминируют правительственные здания, ставят горящие светильники на глиняные заборы и на крыши и поджигают множество шутих и фейерверков. Так провожают солнце, идущее на убыль.

У всех индоевропейцев сохранился культ огня. Начнем с того, что славянское слово «огонь», или «огнь», совпадает с «Агни». В литовском языке это слово звучит как «угнис», в латышском — как «игнис» (выше уже указывалось на давнюю связь славянских языков с балтийскими).

Сохраняется и множество обычаев и ритуальных действий, сопряженных с культом огня. В древние времена, когда был распространен обычай кремации тел покойных, огню погребального костра предки славян молились так же, как в Индии. Домашний огонь почитался как главный хранитель семьи и дома. И если в Ригведе говорится, что Агни «породила священная древесина для трения» и, «если они добывают его трением руками, он ярко зажигается среди кусков дерева», то в среде славян «огонь называли богом» и «святым огнем», при вздувании огня читали молитвы. Огонь переносили из старого жилища в новое, «в определенных случаях зажигают путем трения новый “живой” огонь» [68, с. 33]. Б. А. Рыбаков в своей насыщенной интереснейшими и ценными материалами книге «Язычество древних славян» приводит много данных о культе огня у славян и цитирует белорусского этнографа А. Сержпутовского: «В торжественных случаях требуется добыть древний священный огонь... и торжественно перенести его из старого очага в новый». Тут же говорится, что до недавних пор соблюдался обычай почитания огня Сварожича (сына бога Сварога) «под овином», где разводили осо-

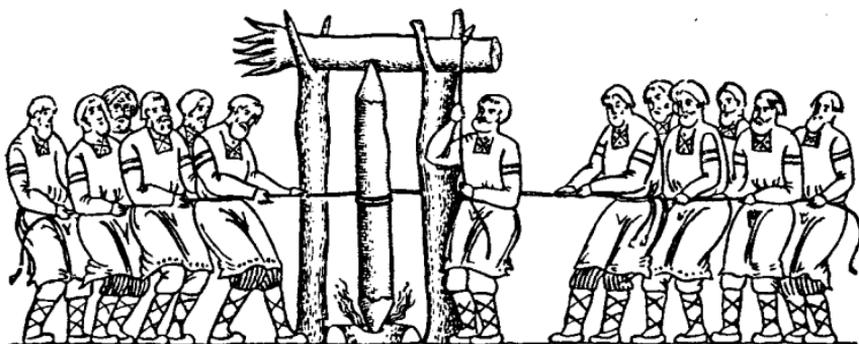

Рис. 18. Добывание священного «живого» огня в славянской деревне. Рисованная реконструкция по Б. А. Рыбакову

бые костры и в жертву огню бросали в них сноп ржи [68, с. 34]. Известно, что в Югославии в селах сохраняется обычай проведения праздника «живого огня», который добывают мужчины ночью трением одного куска дерева о другой; от этого огня зажигают потом костры и прогоняют меж ними скотину для охраны ее от всякой напасти. И там же весной приветствуют нарастание солнечного света, пуская по рекам плотики из щепок с зажженными светильниками или свечами. У всех славян сохраняется запрет на осквернение огня.

Культ огня широко заимствован христианством, подобно целому ряду других языческих религиозных представлений и обрядов. Мы знаем, что ни одна молитва в храме не обходится без возжигания свечей, со свечами же провожают умерших и со свечами проводят поминки. Свечи и лампы зажигают перед иконами, на кладбищах, со свечами венчают в церквях. В Европе принят обычай, перешедший частично и в Россию, в день рождения зажигать свечи на праздничном пироге или торте — по количеству прожитых дней и т. д. и т. п.

Итак, огонь начиная с необозримых временных глубин воспринимается как сила и карающая, и благостная, и в таких своих качествах его образ широко отражен в фольклоре и знаковой системе орнамента — условные изображения огня вводятся в вышивки, в тканые вещи и украшения, используемые как обереги.

Не умирают и другие древнейшие культы, в том числе культ воды. Начнем опять же из глубины эпох.

Как должно понимать потоп?

Библия указывает: Бог наслал на людей сорокадневный ливень в наказание за их грехи, и вся суша скрылась под водой.

По более раннему ассирийскому (халдейскому) мифу, дождь шел не более семи дней, и вода скрыла холм. А что понималось тогда под словом «холм»? И кто сейчас уточнит его высоту? Одно ясно: в Библию миф попал из более древнего источника, и объем водной массы был преувеличен почти в семь раз.

Индийский эпос создавался в течение столь долгого времени, что до сих пор не представляется возможным датировать многие описываемые или пересказываемые в нем события. И почти все они гиперболизированы, но каждое содержит зерно истины.

По варианту «Махабхараты», во время потопа была залита вся земля, погибло все живое, и только один мудрец, по имени Ману, спасся на челне и стал затем прародителем человечества. Подобно библейскому Ною, он, по одной версии, взял на челн (ковчег) и людей, а по другой — родил дочь и от нее обрел потомство — предков человечества.

Великий исследователь Вед и ведической литературы Б. Г. Тилак в своей книге «Арктическая родина в Ведах» пишет, что во многих памятниках древнеиндийской литературы — включая и древнейшие, первые комментарии к Ведам, именуемые Брахманами, — содержится

миф о потопе. Он сопоставляет его с мифом Авесты о начале оледенения счастливой страны арьев — Айрья-нам Ваэджо, полагая, что под определением «лед» можно усматривать слово «вода»: «Геологи информируют нас, что каждое оледенение в конце характеризуется интенсивным разлитием вод, вызываемым притоком тающих ледниковых льдов в русла больших рек. Слова “Шатапатха Брахманы” могут поэтому восприниматься как указание на такой сносящий все на своем пути разлив ледниковых потоков... Ученые указывали, что сама идея о потопе могла войти в индийскую литературу из семитских источников. Но это сомнение было довольно скоро развеяно, поскольку история, говорящая о потопе, излагается в таком источнике, как “Шатапатха Брахмана”, которая была создана, как сейчас установлено, не позднее 2,5 тыс. лет до н. э. (что связывается с фактом содержащегося в ней указания на восточное стояние созвездия Плеяд) <...> вся история потопа является арийской по своему происхождению» [77, гл. XI].

Уже в XIX веке ряд ученых предполагали, что миф о потопе возник в связи с бурным таянием ледникового покрова, который в Восточной Европе доходил до Валдайской возвышенности. Современные исследователи этой проблемы не пришли пока к единому мнению. К примеру, литовский специалист А. Сейбутис пишет, что расположение и названия рек, упоминаемых в Ригведе, можно возвести к гидрографической карте русского Севера и что «Веды были составлены далеко на Севере» [70]; эти потоки, изливавшиеся из кромки уходящего в океан ледника, именуемые комплексом Синдху (современные реки Индига, Индус, Инта, Кубена), были очень полноводны. Расселяющиеся в это время по северу Русской равнины племена индоевропейцев, как считает этот ученый, не могли не знать об этом. Признавая ве-

ликую заслугу Тилака в анализе исторической ситуации в Ригведе, Сейбутис добавляет, что «стройная гипотеза Тилака нуждается лишь в небольшом уточнении: в арктической ойкумене предки индоевропейцев обитали не в межледниковье, а в период деградации последнего оледенения» [70].

В этом высказывании А. Сейбутиса нам важно отметить его безусловное согласие с тем фактом, что *первопредки индоевропейцев изначально расселялись из Приполярья*. Вопрос об уточнении времени этого расселения все еще продолжает оставаться в научной среде дискуссионным. Возможно, точка зрения Тилака, изложенная в

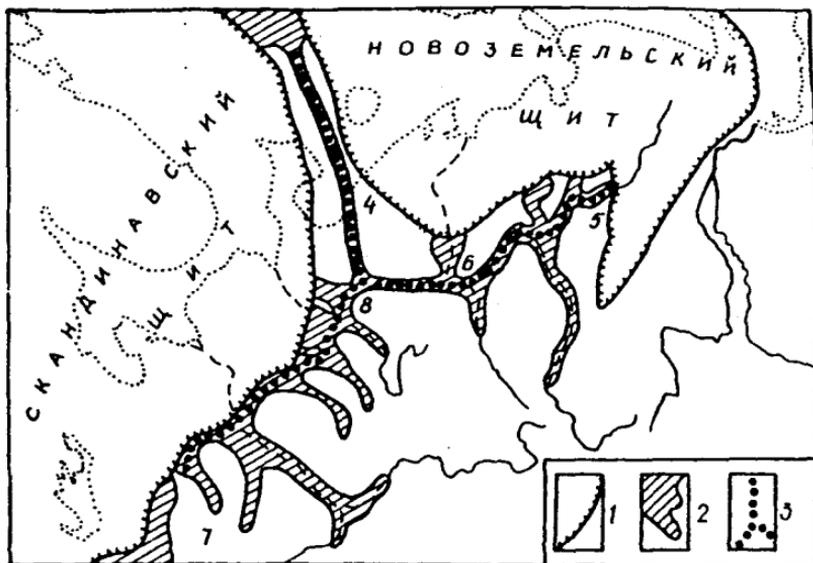

Рис. 19. Карта приледниковых рек по А. Сейбутису. Предполагаемая локализация ригведского гидрографического комплекса Синдху: 1 — ледниковые покровы померанской (вепсовской) стадии; 2 — приледниковые водоемы (по Д. Д. Квасову); 3 — предполагаемый поток Синдху. Местоположение современных топонимов: 4 — Индига; 5 — Инта; 6 — Индус; 7 — Кубена; 8 — Кыма

указанной его книге и ясно наводящая на мысль о том, что приарктические области были вторично заселены людьми, пришедшими туда вслед за последним уходящим в океан ледником, вскоре найдет свое подтверждение в мировой науке.

Вспомнив о периодах оледенения, остановимся вкратце на «всемирном потопе».

Каким он был? Всемирным? Великим? А может быть, скорее обширным? И если в первом случае локализовать его невозможно, во втором — затруднительно, то в третьем прорисовывается возможность локализации. Память о потопе хранится во многих мифах и преданиях, причем эти произведения устного народного творчества складывались на самых разных территориях. В научной и научно-популярной литературе встречаются различные толкования потопа. Библия связывает память о нем с землями Передней Азии. Многие полагают, что вся указанная суша была залита океаном в результате сдвига пластов земной коры. Не углубляясь в эту геологическую проблему, подумаем: могло ли все человечество возродиться (после такой абсолютной гибели) за энное количество лет в качестве потомков то ли одного Ноя, то ли, по другому варианту, пары людей, взятых им в ковчег? Нет, не могло. Значит, следует предположить вероятность локального наводнения. Ежегодный весенний разлив Тигра и Евфрата, покрывающий ограниченную территорию, мог превратиться в неопределенно давние времена в мощные потоки, покрывшие всю низменную сушу и действительно погубившие тысячи людей. Причиной такого мощного разлива на данных землях могло послужить единовременное и быстрое таяние ледников в горах, у истоков обеих рек, возможно, сопровождаемое длительными ливнями.

Современные газеты, радио и телевидение широко информируют нас о сокрушительных весенних павод-

ках. Например, в апреле 2000 года в Венгрии в результате разлива рек было затоплено 4000 деревень. Кто может поручиться, что подобному или еще более обширному наводнению не было придано значение «всемирного потопа»? Миф — это всегда гипербола, это всегда невероятно преувеличенное изложение давних событий.

В среде давних предков индоевропейцев тоже сложились мифы о потопе, но более древние, чем библейские, и с Библией никак не связанные. Для того чтобы объяснить их происхождение, нам следует обратиться к таким источникам, как Веды и Авеста, а равно и «Махабхарата».

В ведической литературе и в эпосе речь идет именно о покрытии мира водой. В «Махабхарате» описывается, как по велению бога Вишну пророк по имени Ману построил корабль, спасся сам и возродил человечество.

А вот в Авесте говорится о гибели от разрушительного напора невероятных масс льда и снега. Тилак считает, что слова «лед» и «снег» в том контексте аналогичны по смыслу слову «вода», и он прав, ибо быстрое таяние огромных масс ледового покрова, укрытого напластованиями снега, как раз и породило указанные явления. Обвалы масс фирнового снега тоже подобны потопу.

Выше мы уже упоминали о значимости того факта, что культ воды сохраняется и поныне у всех индоевропейцев. С водой же связаны и многие до сих пор живущие в народе суеверия. Все без исключения язычники неукоснительно верили в то, что в водных источниках живут водные девы, в разных языках именуемые по-разному — нимфами, наядами, русалками и т. п. Описания облика этих существ тоже различны. Так, А. Н. Афанасьев сообщает, что украинские поселенцы в Саратовс-

кой губернии воображали русалок безобразными старухами, брюхатыми, горбатыми и с телом, покрытым шерстью [10, т. 1, с. 143]. Это редкий взгляд. Гораздо чаще они предстают как юные девы с прозрачными или полупрозрачными, соблазнительно прекрасными телами, обнаженными или в белых покровах, часто с драгоценным шитьем. Постоянным их атрибутом является гребень, которым они расчесывают длинные золотистые волосы. Песнями они увлекают людей, ласкают и щекочут их, а затем топят. Иногда их именуют облачными девами, сравнивая дождь с водой, текущей из-под их гребней. Эти девы особенно активно пляшут в мае и июне, вызывая плодородные дожди. У прибалтийских народов есть легенды о том, что водные девы, расчесывая волосы, воспроизводят музыку, слыша которую невозможно удержаться от танца, заканчивающегося смертью.

На Руси народ широко отмечал Зеленые, или Русальные, святки. Летние русалии приходились на конец седьмой недели после Пасхи (Седмицкой недели) и первые дни Троицкой недели. Дома и дворы украшали зеленью, пускали по воде венки и плясали в прибрежных рощах. Завершалось все «проводами русалки»: соломенную куклу терзали и бросали в воду. Исследователи осмысливают это как символическую мольбу о прекращении затяжных дождей, губительных для урожая. Но это осмысление относится к позднему периоду, к становлению и развитию земледельческой культуры, и в нем важно видеть следы гораздо более глубокой древности. Следует вспомнить и о том, что все эти суеверия, несмотря на активнейшую с ними борьбу, не смогла искоренить христианская Церковь.

О древности верований в существование русалок говорит и арийская мифология, изначально складывавшаяся в тех же приполярных областях, где жили и

а

б

Рис. 20. Водная дева: а — славяне, б — Индия

прапредки всех других индоевропейцев, в том числе славян.

До наших дней в индуизме сохраняется вера в апсар — небесных и водных дев, прекрасных, соблазнительных и губительных для тех, кто предался чрезмерной святости. Приведем описание их черт, содержащееся в книге «Мифы Древней Индии» (М.: Белые альвы, 1999): «В те времена, когда и Времени еще не было, в глубинах вечных вод зародились апсары, девы струй. Легкие, почти прозрачные, играли они с волнами, разбрасывая по ним свои волосы, и прятались друг от друга в водных тенях... всплыли они на поверхность и, пленившись прозрачностью небесных струй, перенеслись во влагу облаков и стали жительницами неба». Ясна одинаковость их с русалками. Слово «апсара» значит «движущаяся в воде».

Теперь остановимся на изложении в нескольких словах той мысли, которая невольно приходит в голову, когда встречаешься со словом «русалка» или с другими производными от древней формы слова «вода, влага». Что такое «роса»? В. Даль дает ряд толкований этого слова; помимо таких значений, как «туман, испарение, капли влаги на растениях» и т. п., он также приводит и более расширительное понятие «морось, моросит» как обозначение дождя; и далее: «оросить, орошать» значит «поливать, омачивать», а «росодатель орошает землю». Обратившись к санскриту, мы увидим, что в Ригведе слово «раса» обозначало «жидкость, сок, главную сущность», в «Махабхарате» же «расой» определяется «вода, питье, нектар, молоко». И это еще не все значения. М. Забылин в своей книге [36] приводит слова профессора Снегирева, который писал, что «многие священные реки у литовцев и славяноруссов назывались русами и Росами... Так, например, рукав Немана донныне называется Русой... река, впадающая в Нарву, называется Росс... река Русо в Старорусском и др.»

Не к этому ли слову, явно общему для всех рассматриваемых здесь народов, восходит, возможно, сложившееся в глубочайшей древности название реки вообще, то есть реки как потока влаги, как источника питьевой воды, орошения земли, а также и главной сути всех соков растений, «главной сущности» каждого живого тела?

У славян само слово «источник» носило (и носит) часто такие названия, как раса, руса, русь, русеча, расина, расинича, русиловка и т. п. [29, IV].

Если уже доказано, что на основе двух знаков — «дн» — произошло слово «дно» какместилище воды, как некая емкость для нее и, соответственно, возникли названия рек Дон, Днепр, Днестр, Дунай и других, то не следует ли согласиться с мыслью, что словом «роса»

(«раса») некогда определяли реку? Просто реку, речку как известное всем без исключения природное явление.

А исходя из такой возможности, нельзя ли предположить и более расширенную возможность — напрашивающуюся связь между реками, называемыми «росами, русами, расами или руссами», и возникновением этнонима «рус»? (Так предполагал В. Чивилихин.)

Историками давно доказано, что славяне, расселившись по земле, строили свои самые изначальные поселения — как продолжают строить их и теперь — только вдоль рек. А поэтому и условное название «люди рек (или при реках)», возможно, могло сыграть свою роль в сложном и неоднозначном процессе зарождения изначального этнонима, названия одного из славянских племен.

Как бы дерзка ни была эта мысль, хочется думать, что историки не пройдут мимо нее. Вспомним лишь слова Б. А. Рыбакова, что крайне важен исторически такой фактор, как «двухтысячелетняя устойчивость основной области расселения праславян».

Вспомним теперь и о другом — о стране Лебедии, о русском Севере как извечном месте гнездования и размножения водоплавающих птиц, к которым всегда любовно относились все индоевропейцы, насыщая их светлыми образами свои сказки и предания. Первейший из древних богов, бог-первотворец в арийской мифологии, творец мира Брахма изображается восседающим на лебедь или гусе. Лебедь же несет на себе и арийскую древнюю богиню реки Сарасвати («Богатую водами»), почитаемую как супруга Брахмы. На многих миниатюрах изображаются гуси и утки как покровители любовных отношений и верности, их же можно видеть и на фризах храмов, и у ног скульптурных фигур божеств. Эти птицы прилетают в Индию лишь на зимовку, а размножаются и подрастают на своей север-

ной родине. К этому общему истоку восходит любованье ими и воспевание их, которое столь характерно для всех индоевропейцев.

Эти птицы тоже соотносятся с культом воды и в изобразительном искусстве являются как бы символическим ее выражением или напоминанием о воде. О широком распространении веры в то, что образ водоплавающей птицы как бы говорит о возможности изменить при помощи воды свой облик, свидетельствуют многие легенды, сказки и мифы. Превращение в прекрасного лебедя, например, всем известно из детских сказок. Эта вера нашла свое выражение в предписываемых обрядах ритуальных омовений. В христианстве эта вера вошла из язычества в форме обряда крещения, почитания святой воды и зимних крещенских купаний — все эти ритуальные действия воспринимаются верующими как смывание прежнего облика и состояния, как своеобразная перемена, очищение от грехов и обретение права на Божью милость. Глубоко укоренилось убеждение, что умерший некрещеный ребенок превращается в нечистого духа, оно сохраняется до сих пор у всех индоевропейцев — подсознательно, но сохраняется, о чем говорит вновь распространившийся в русской среде интерес к обряду крещения детей и взрослых.

В индуизме почитание воды и вера в ее исцеляющую и очищающую силу распространены чрезвычайно широко. Ни один обряд не проходит без проявления этого почитания, без молитв, обращенных к богиням рек, и без предварительного омовения. Множество храмов стоят на берегах рек, озер и прудов, а возле больших храмов строят обширные священные бассейны с проточной водой. Ради омовения в священных реках верующие совершают многодневные паломничества, стремясь освободиться от грехов и обрести новый, чистый облик во имя сближения с небожителями. Богини рек

Рис. 21. Каменное изваяние богини реки Ганги. Северная Индия

представлены во многих храмовых скульптурах. Самой святой из рек считается Ганг (Ганга), воду из которого уносят в металлических сосудах, используя ее затем для ритуального очищения и для исцеления от недугов. Индусы, выезжающие в другие страны, часто берут эту святую воду с собой и хранят ее на мольном домашнем алтаре. В этой стране словом «раса» определяется даже тип музыкальной мелодии, ее гармонический строй, то есть ее «сок».

Наряду с почитанием огня и воды предки индоевропейцев поклонялись камням, растениям и животным, а также духам, которые то вредят людям, то покровительствуют им.

И по сей день сохраняется вера в магическую силу камней — у нас широко известны «моленные камни», равно как и предания о «растущих камнях»: церковники сбрасывали их в воду, а они снова возникали над ее поверхностью. На таких камнях археологи находят древнейшие насечки, иногда воспроизводящие то руны, то «черты и резы» древнеславянского алфавита, то изображения людей и животных. Иногда сами эти камни формой своей напоминают образ некоего суще-

ства (вроде северного камня-медведя). В Москве, в парке Коломенское, на берегу ручья, впадающего в Москву-реку, лежит большая бугорчатая каменная плита, которую почитают как окаменелые внутренности коня Георгия Победоносца (возможно, как уже упоминалось, имеющего много общих черт с арийским богом Индрой). К этому камню, как и к другому, лежащему тут же, рядом, приходят и в наши дни женщины, молящиеся о зачатии или просящие о помощи в родах и о здоровье детей, приходят и больные, и старики, чтобы омыться в водах этого ручья, которую считают священной и исцеляющей.

Рис. 22. Стела со «следами стоп» бога Вишну

В Индии повсеместно распространено такое же поклонение камням — им молятся, их украшают цветами, приносят им жертвы (осыпают красным порошком — символом кровавой жертвы). И все знают, какой камень служит изображением того или иного божества. На камнях часто высекают следы божеств — обычно бога Вишну и его супруги Лакшми. Это бывают стелы, укрепляемые на постаментах, иногда стоящие в открытых часовнях. Сюда приходят молиться, принося цветы, плоды и ароматические вещества. Иногда на отпечатках стоп изображают условные магические знаки, обозначающие просьбы к богам о рождении сыновей, о здоровье или об исполнении желаний. И такие стелы, и высеченные из мрамора и богато отделанные орнаментом камни со следами стоп можно видеть при больших храмах и при дворцах.

Почти во всех деревнях есть и простые моленные камни, они встречаются иногда и на улицах больших городов. Все неуклонно верят, что от камня исходит особая сила. Возможно, специалисты и проверяют своими приборами эту «силу», но нам это неизвестно. Известно лишь то, что испытания проводились над драгоценными и полудрагоценными камнями, и было доказано действующее в той или иной степени на живой организм энергетическое излучение. Это уже значит, что вопрос о поклонении камням не так уж и прост.

Почитание растений тоже уводит нас в те древние времена, когда люди век за веком накапливали опыт наблюдения за воздействием на их организм различных растений. Не говоря здесь о лечебных травах, напомним о том, что, например, календари друидов указывают на связь человека с тем или иным деревом, к которому следует обращаться за исцеляющим и поддерживающим воздействием. О нашей же любви к березе не скажешь лучше писательницы Тэффи: «У нас каждая баба знает:

если горе большое и надо попричитать — иди в лес, обними березоньку... и слезами изойди вся вместе с нею, с белою, со своею, с русской березонькой» (*Тэффи Н. А. Житье-бытье*. М., 1991. С. 205). Биологи рекомендуют разводить домашние растения и говорят об их благотворном влиянии на физическое и душевное состояние человека. Все это означает, что культ растений — итог многотысячелетнего опыта.

В Индии в период расцвета цивилизации Хараппы растения тоже почитались: на таблицах сохранились изображения окруженных защитными оградами деревьев, тех самых, что глубоко почитали и арии, придя в Индию. Они заимствовали этот опыт у местных жителей (забыв о северных лесах, но сохранив молитвенное отношение к магической силе дерева).

У многих народов, как и у нас, сохраняется страх перед лесными духами. Русский человек не любит оставаться на ночь в лесу. Считается, что многие деревья ночью бывают враждебны к людям, особенно в период солнцеворота и смены лунных фаз. Зеленые святки отмечаются проявлениями внимания и любви к деревьям: завиванием ветвей березок, украшением их лентами и т. п.; эти обряды заменили древние жертвоприношения деревьям и дары лешим, хотя последнее еще не изжито в сельской среде.

У индийцев также до сих пор широко распространен обычай почитания деревьев, но там придерживаются и обрядов принесения жертв лесным духам. Так, в некоторых областях (например, в Бенгалии) человек, направляясь в лес за хворостом или ягодами, кладет у опушки глиняную фигурку лошади, прося не наносить ему вреда. А это совершенно очевидно говорит о том, что такой обычай был привнесен ариями. До их прихода местные жители лошадей не разводили — ни на одной таблице Хараппы нет изображения этого животного. Зато в

Рис. 23. Глиняная фигурка лошади — жертва лесным духам. Бенгалия

среде предков славян и арьев был распространен обычай принесения лошадей в жертву богам. Конь вообще вошел во многие мифы и сказки в роли посредника в общении с богами: до сих пор на деревенских избах укрепляют на углу крыши резного коня, да и само несущее бревно крыши зовется коньком. Не так уж давно черепа лошадей можно было видеть на кольях забора — этим черепам приписывалась роль оберегов от всякого зла.

А теперь поговорим о почитании еще одного животного — коровы (и быка). Если в среде славян доньше можно видеть проявления особого отношения к корове и обычай предписывает проявление к ней внимания (что, к сожалению, было почти изжито в процессе обожествления коров), то в среде арьев корова издревле именовалась матерью человечества. Тучи в Ведах воспевались как коровы, набухшие молоком дождя, а бык олицетворял собой великую мощь оплодотворения, рождения новой жизни. Не случайно он признан «ездовым животным» бога Шивы, величайшего из носителей семени, животворного семени — создателя жизни. Он же и первый зодиакальный знак — Телец.

В старину у европейских народов еще сохранялся обычай принесения коров в жертву на огне для отвращения больших бед. Арьи же, судя по Ведам, широко

жертвовали богам представителей коровьего царства во имя снискания помощи небес. Полностью это было изжито в Индии после соприкосновения ариев с местной цивилизацией, где, как мы уже видели выше, бык играл, судя по печатям, весьма значительную роль в хозяйстве и, видимо, в религии. Возможно, связано с климатическими условиями то обстоятельство, что уже в VIII веке до н. э. возникла религия джайнизм, одной из основополагающих черт которой является строжайший запрет на нанесение повреждений и покушение на жизнь. Существовал также запрет на употребление в пищу мяса. После джайнизма, в VI веке до н. э., возник буддизм, тоже основанный на доктрине ахимсы, то есть неубийства. Так или иначе, но в Индии прекратился убой коров, и до сих пор это животное считается священным.

Рис. 24. Изображение коровы-матери, дарящей молоко бесчисленному потомству людей

Здесь широко распространен запрет на употребление в пищу говядины (хотя далеко не все индусы вегетарианцы, многие едят и баранину, и козлятину, и даже мясо буйволов, не считающихся священными животными). Поговорка «Даже пыль из-под коровьих копыт очищает от грехов» лучше всего говорит о почитании этого животного. Бык же считается атрибутом бога Шивы и всегда изображается возле его ног и у его храмов, но об этом боге более подробно скажем ниже. Упомянем здесь лишь о том, что жертвоприношение Шиве за то, что этот бог исполнил мольбу смертного, приносится в форме отпускания со двора бычка, который затем бродит где придется, в том числе по улицам городов, и никто не смеет его подвергнуть выхолащиванию или впрячь в работу. Все знают, что Шиву это прогневит, а гнев этого бога ужаснее всего на свете. Надо сказать, что запрет на вкушение говядины столь прочно усвоен индусами, что они соблюдают его, даже выезжая в другие страны.

Почитание коней почти отмерло вместе с самими конями, которых в Индии имеют лишь богачи или городские извозчики. В сельской же местности лошадей в качестве тягловой силы практически не используют. Жара приводит к отсутствию кормов. Это обстоятельство явно сыграло свою роль в отмирании культа коня. Городские священные коровы питаются на улицах чем попало. В праздничные дни люди их угощают, зазывая во дворы, и украшают цветами и бусами, а затем прогоняют.

Глава 6

ДВОЙНЫЕ КОРНИ ИНДУИЗМА

Истинны ли сведения о том, что в индуизме насчитывается 33 тысячи богов? Да, истинны. Впрочем, говорят и о 3 миллионах богов, и даже о 33 миллионах. Но тут следует сказать, что и в русском язычестве их немало, и количество их разнится у разных исследователей. Отличие от индуизма состоит в том, что к богам часто причисляют так называемых грама-девата, это те божества, которым, по давно установившейся традиции, молятся жители той или иной деревни; почти в каждой деревне свое почитаемое божество. Вот словом «девата» как раз и определяются такие божества, не входящие в основной пантеон индуизма. В Индии говорят: «У нас богов столько, сколько деревень». И это справедливо. К подобным божествам причисляются и те священные камни, о которых упоминалось выше, и некоторые животные, некогда почитавшиеся как тотемы — покровители рода.

Главные же, известные всей Индии боги далеко не столь многочисленны, и прежний арийский пантеон пополнился в Индии главным образом за счет введения в него многих богинь-матерей, которых теоретики индуизма считают единой во многих лицах богиней.

В Ведах упоминаются лишь три-четыре богини, главное же место занимают боги-мужчины.

Сопоставления со славянскими богами будут приводиться по мере описания богов индуизма, так как именно в этой религии можно отыскать следы продолжающего отмирать у нас славянского язычества.

Результатом длительного периода сосуществования на арктических землях предков всех индоевропейцев явилось сложение, как уже упоминалось, сходных мифологических сюжетов и веропредставлений, что прослеживается в греческой, римской, славянской и других мифологиях и преданиях. Почти полную сводку таких схождений приводит французский исследователь Ж. Дюмезиль в своей широкоизвестной книге «Верховные боги индоевропейцев» [31].

Ниже мы предлагаем читателю ознакомиться с кратким описанием культов индуизма, которое сопровождается указаниями на схождения или совпадения верований и культовой практики в индуизме и славянском язычестве. В этих главах основное внимание мы уделили описаниям индуизма, стремясь познакомить читателя с этой практически неизвестной нам религией, а точнее — религиозно-социальной системой.

(Слово «божества» может, конечно, закономерно применяться и при описании богов и богинь, но в ряде книг на английском языке его, как указано, предпочтительно применяют для определения полубогов или менее значительных по своей роли объектов почитания.)

Общий очерк

На санскрите бог как персонификация божественной надмирной силы обозначается словом «дэва», а богиня — «дэви». Эти слова образуются от ведического «див» — светить, к которому восходят и санскритские «див, дива, диво» — небеса, сияние, день.

Санскритское и ведическое «бхата» (милостивый бог, покровитель, добрая судьба) сопоставляется, как отмечалось, со славянским «бог». На индийской почве оно стало употребляться с суффиксом обладания *-vat* (*-vad*) и приобрело форму «бхагаван(-вад)», что тоже обозначает бога вообще, но применяется к милостивым богам, главным образом к богу Вишну.

Место обитания богов — покров, простирающийся над землей и оплодотворяющий ее дождями, пространство, несущее на себе солнце и облака, — определяется в санскрите словом *nabha* (*nabho*, *nabhas*, *nabhasa*). Это определение тоже неоднократно сопоставлялось исследователями с целым рядом аналогов в индоевропейских языках: латинским *небула*, германским *нёбель* (туман), англосаксонским *нифол* (темный) и славянским *небо* — *небеса*, наиболее близким к санскритской форме этого слова.

В Ведах содержится обращение к 33 божествам мужского рода. Индийская традиция часто подразделяет их условно на три класса: *васу*, *адитья* и *рудра*.

Васу трактуют обычно как персонификацию стихий и природных явлений.

К *адитьям* относятся божества небесного света, небесной сферы.

Под названием «рудры» упоминаются десять видов «ожизненно важных дыханий» (или пульсаций) и ум (или дух). Их имена мало кому известны в точном произнесении и написании, так как во всех комментариях и памятниках ведической литературы они разные. С рудрами связываются представления о разрушительных силах, а их имена часто выступают эпитетами бога Шивы-Рудры, который созидал и разрушал мир. Рудр называют также одиннадцатью *марутами*, то есть ветрами, бурями.

Ко всем этим божествам причисляют и Брахму — извечное начало, и Праджáпати — всесозидателя, и

Вишвакармана — вседелателя, «бога ремесел». Владыка царства мертвых Яма тоже занял прочное место в более позднее время в культовых представлениях индусов.

В индийский период жизни арьев большинство ведических божеств уже не играло заметной роли в их культовой практике. Наряду с теми божествами, которых почитали доарийские народы Индии и которые тоже заняли в пантеоне индуизма ведущие позиции, выделилась и группа ведических богов, возглавившая пантеон и нашедшая широкое освещение во всех памятниках ведической и более поздней индусской литературы. Из пантеона арьев в пантеон раннего индуизма («брахманизма») вошли главным образом божества мужского пола: Брахма, Рудра (позже слившийся с образом Шивы), Вишну, Агни, Мáруты, Сурья, Вишвакарман, Яма, Индра, Дáкша.

Древнеарийская богиня Адити, занимавшая ведущее место в ведическом пантеоне, утратила вскоре свою популярность.

Синкретический пантеон индуизма, сложившийся в середине 1-го тысячелетия до н. э., то есть в так называемую эпоху брахманизма, во многом сохранился до нашего времени. Наиболее полное свое отражение он нашел в «пятой Веде» — «Махабхарате» и в Пуранах. Но ряд вошедших в него в ту эпоху ведических божеств сохранился только в реминисцентной форме (как, например, Брахма, Индра, Дакша).

Ввиду невозможности перечисления на страницах данной работы всех богов индусского пантеона остановимся на кратких характеристиках лишь тех из них, которые играли наиболее выдающуюся роль в эпоху сложения индуизма или занимают ведущие позиции в индусском пантеоне, известном вплоть до нашего времени (именно в такой последовательности они здесь и описываются).

А́дити (букв.: свободная, несвязанная, земля, земля и небо). Предстает в Ведах как разлитое во вселенной женское начало, мать богов и всего сущего, как «матри-тама́» — наивысшее воплощение материнства. Многие исследователи считали Адити абстрактным началом, но в Ведах часты обращения к ней, содержащие совершенно конкретные просьбы, как к любому другому боже-ству, имеющему определенные характеристики. В мо-литвах, обращенных к ней, называют имя любого бога, потому что она — «это все боги, вместе взятые, и каж-дое божество в отдельности».

Один из мудрецов-риши, которому приписывается авторство некоторых гимнов Ригведы, Го́тама, опреде-лял ее сущность следующим образом: «Адити — это мать, и отец, и сын... Адити — это все, что рождено, и все, что будет рождено».

В ней воплощена идея материнства, непрерывного продолжения жизни. Конкретных ее описаний и образов нет, но в народном искусстве Индии издревле известно условное, стилизованное изображение рожавшей жен-щины, принявшее постепенно форму всем понятного орнаментального знака. Этот знак именуют «шриват-са», где «шри» служит уважительной частицей, а «ватса» значит «дитя, потомство, сын, теленок», а также произ-водное от него, как «ватсакама» означает «жажду ребен-ка (теленка), жажду материнства». С понятием «ватса» связано также произрастание растений, общее представ-ление о плодородии.

Это древнейшее восприятие идеи вечного продолже-ния жизни прямо соотносится в мифологии славянского язычества с представлениями о роженицах и их функци-ях. В славянских орнаментах сохранились условные, схе-матизированные изображения рожениц, дающих жизнь то ребенку, то растениям. Эти изображения, подобно «ватса», передают ту же идею всематеринства.

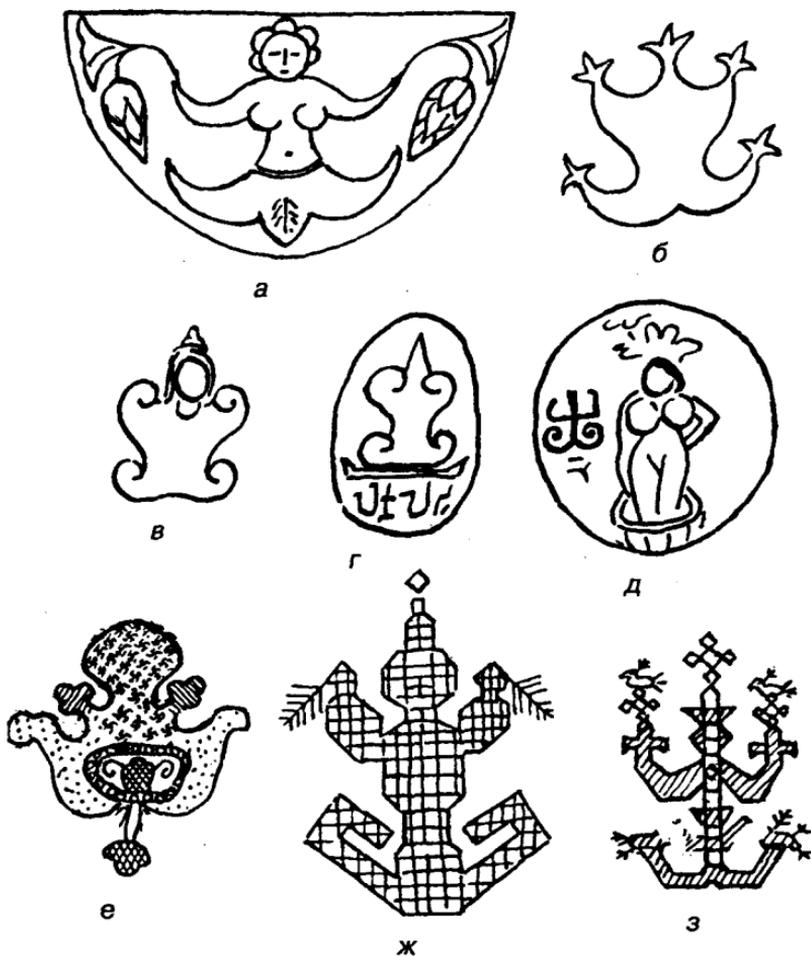

Рис. 25. Традиционные символические изображения рожающих женщин: а-д — Индия; е-з — русский Север (вышивка)

Это арийское божество и все боги, которые связаны с Адити в гимнах Вед, носят санскритские имена, и их этногенетические корни могут быть прослежены только в связи с историей арьев.

Варуна. Один из древнейших богов арьев, обладатель очень широких функций и великого могущества. Его называют царем богов и людей, царем вселенной. Ему приписывают сотворение земли и небес, называют царем и опорой земли и неба, всеохватным небом. Он восславляется в качестве владыки ночи, обладателя силы порождать волшебные иллюзии — «майя». Его считают владыкой дождей, а иногда и повелителем океанов и рек. В последнем качестве он именуется Синдху — речной. Он считается и братом бога Агни, и самим Агни.

В более позднюю эпоху ему отвели главным образом место повелителя вод океана, и под этим определением понимается также океан космоса, в который погружена Земля. Но в Ведах одной из существенных его функций является наблюдение за сохранением мирового порядка — риты*, за праведностью смертных. Эту его функцию соотносят с доиндийским периодом жизни арьев. Он описывается и изображается с петлей в руке, предназначенной для вылавливания грешников. Самым страшным из прегрешений против Варуны считались клятвопреступление, ложь. За них Варуна карал без пощады, насылая на грешников тяжкие болезни, но он же и излечивал раскаявшихся.

Богу Варуне приписывается еще одна функция — охрана западных областей Земли. Это наводит на мысль, что в сознании ведических арьев он ассоциировался с областями, которые расположены к западу от Индии, откуда они пришли в эту страну. Санскритское слово «варуни» означает «запад».

Возможно, не следует полностью игнорировать и совпадение теонима-эпитета Варуны — *Синдху* с гидро-

* *Rita* (буквальная транскрипция: рѣта) сопоставимо со славянскими словами *ряд, порядок, уряд* и другими, передающими ту же идею.

нимом *Синд-Инд* и с этнонимом *синды*, то есть с названием народа, который говорил на одном из индоиранских языков и жил на богато обводненном Таманском полуострове, изрезанном в ту эпоху дельтой реки Кубани. Это тоже можно гипотетически принять за одно из указаний на западную ориентацию представлений, связанных с культом Варуны.

Значение теонима *варуна* объясняется в словарях как «всеохватывающее небо, царь богов и людей, океан, солнце, брат огня». Вариант этого слова — «варана» (но и «варуни») — особое магическое заклятие, произносимое над оружием. Все эти характеристики в известной мере сопоставляются именно с функциями Перуна — верховного бога языческого русского пантеона, бога гроз (то есть неба, атмосферной воды и огня), бога, именем которого воины клялись над оружием и верили, что за нарушение этой клятвы он их покарает (Варуна тоже карает за ложь). Множественность функций характерна для наиболее древних богов.

Проклятие, призываемое русским князем Святославом на голову предателя («пусть станет желтым, как золото»), возможно, связано с неким славянским эквивалентом Варуны.

(При сопоставлении теонимов *Варуна-Перун* правомерно вспомнить и о сопоставимости славянских слов «вар» и «пар», и о том, что в Ригведе слово «вар» значит «вода», что неотделимо от слова «пар».)

Брахма и Праджáпати. Брахма в позднем индусском пантеоне лишь номинально занимает ведущее место. Это древнее арийское божество, почитавшееся в качестве антропоморфного выражения абстрактного созидательного начала, «свободно передвигающегося между небесными и земными сферами и не привязанного ни к одной». Его происхождение объясняется традицией в разных вариантах. Он считается: 1) породившим самого

себя; 2) сыном изначального отца человечества, носившего имя Питамая; 3) богом, появившимся из лотоса, который вырос из пупа Вишну, плававшего на водах изначального океана; 4) родившимся из золотого яйца, которое развивалось из зародыша, помещенного в океан Великой Первопричины, не имеющей ни облика, ни имени.

Брахме приписывается образ вепря, выходящего из воды в процессе сотворения мира, а также формы рыбы и черепахи. Связь образа Брахмы с вепрем, помещаемым в водную среду, позволяет относить его к эпохе индоевропейской древности. Следы аналогичных представлений сохранились в верованиях прибалтийских славян.

С Брахмой связан, по традиции, процесс нравственного совершенствования человека на всем протяжении его жизненного пути. В дхарма-сутрах («учебниках» религии) перечисляются поступки и качества человека, которые необходимы для достижения конечной цели жизни — слияния с Брахмой, достижения его обители, то есть освобождения души от плотских пут. В это перечисление входят 40 ритуальных церемоний и обрядовых действий, включая свадебный обряд, первое кормление и пострижение ребенка, наречение именем, совершение пяти ежедневных жертвоприношений (богам, предкам, людям, духам и Брахме), семь жертвоприношений приготовленной пищи и т. д., а также такие качества, как всепрощение, доброта, правдивость и т. п.

В процессе исторической эволюции индуизма Брахма занял место одного из членов ведущей триады богов, наряду с Шивой и Вишну.

Иконографически он часто изображается между двумя этими божествами как некое надмирное, изначальное всесоиздательное начало. Тем не менее в культовой практике Брахме отводится очень мало места. В Индии

нет даже его храмов. Его имя встречается лишь в молитвах и мантрах, восходящих к эпохе Вед. Сарасвати же (его супруга) широко почитается и сейчас как богиня — покровительница наук и искусств.

В священном слоге «ом» [аум], которому приписывается самодовлеющая творческая сила, звук [а] считается воплощением Вишну, [у] — Шивы, а [м] — Брахмы. Этот слог является «молитвой в себе», именуемой удгитха.

В мифологической литературе Брахма описывается (и изображается на иконах и в скульптурах) как фигура красного цвета с четырьмя руками и четырьмя головами (говорится, что раньше он имел пять голов, но одна была сожжена огнем из глаза Шивы — в этом следует видеть отражение борьбы между культурами). Он носит имя-эпитет Чатурмукуха (Четвероликий) и сидит на гусе или лебедя, атрибутируемом ему в качестве его ваханы.

Мир и все живое, сотворенное Брахмой, существует циклично, и каждый цикл равен по времени одному дню жизни Брахмы, что составляет 2 160 000 000 лет. После этого срока все гибнет в огне, а затем Брахма вновь создает мир. Этот процесс должен длиться, по индусской космогонической традиции, сто лет жизни Брахмы, после чего вся Вселенная возвратится в исходное состояние изначальной материи.

Праджáпати (Владыка порождений) — первоначально божество, связанное с деторождением, конкретно — с зачатием. Начиная с сутр отождествляется с Брахмой, а затем, в эпосе и других индуистских памятниках, становится эпитетом или одним из имен этого бога.

Агни. Это бог огня, он может считаться богом уникальной судьбы: на протяжении всего исторического периода, в течение которого индийцы его почитали, то есть начиная с конца 2-го тысячелетия до н. э. и вплоть до наших дней, всегда имело место религиозное преклонение перед ним и всегда ему приписывались одни и те

же чудодейственные свойства. Его ставили в один ряд с самыми влиятельными и могущественными богами. Функциональные нагрузки большинства богов исторически менялись и частично утрачивались, тогда как богу Агни верующие индусы в современной Индии продолжают приписывать те же качества и функции, которые ему приписывались ведическими и, совершенно очевидно, доведическими арьями: уже говорилось, что гимном Агни начинается Ригведа. В образе Агни сконцентрировались все представления людей об огне как о природном явлении, как об огненной стихии, манифестирующей себя на небе, в атмосфере и на земле*.

Рис. 26. Бог Агни. Деревянная скульптура. Южная Индия

Неисчислимое множество гимнов Вед посвящено Агни и его ипостаси — играющей в жизни людей самую существенную роль — в форме огня, горящего на земле, то есть огня очага, огня, выжигающего леса, огня жертвенного и погребального костров.

* Во многих ведических памятниках Агни идентичен Варуне и многим другим богам Вед: часто Агни уподобляют и Яме — владыке царства мертвых.

В качестве огня очага и жертвенного костра он носит множество имен: Гархапатъя (Огонь господина дома), Ахавáния (Жертвенный), Дáкшина (Дарственный, или Правый, или Южный), Кравья́д (Поедающий кровь — кровавую плоть жертвы), Абхимáни (Требующий все для себя) и т. п.

Все жертвенные ритуалы начиная с ведических времен проводятся перед огнем, в который помещают то, что предназначено для жертвы: в древности сжигали скот, в послеведическую эпоху, когда кровавые жертвоприношения на огне были заменены «вегетарианскими», огонь стали «питать» маслом, рисом, ароматическими веществами, считая, что он непосредственно доставляет жертву богам.

С этой же идеей связан и обычай трупосожжения, существовавший у древних арьев еще на их прародине (в эпоху срубной культуры он выявляется четко во всем ареале ее распространения) и распространившийся по всем их путям до Южно-Азиатского субконтинента. Этот обряд издревле существовал и среди славян, долго сохраняясь в пережиточной форме возжигания примогильных костров.

Считается, что огонь домашнего алтаря несет разные функции: при родах он придает силу, при обряде первого кормления ребенка твердой пищей он очищает, при проведении обряда посвящения способствует подготовке ума посвящаемого к восприятию знаний, при свадьбе он соединяет мужа и жену. «Ведический свадебный обряд» — тот, при котором почитается огонь. Свадебный обряд у всех индусов, за исключением некоторых народов, живущих главным образом на Юге, завершается тем, что жених и невеста обходят вокруг священного огня. Огонь поддерживается в домашнем очаге как охранитель семьи: бога Агни молят о даровании богатства, потомства и т. п.

Индра. Судя по количеству гимнов, адресованных этому богу в Ведах, а также по обилию мифов, связанных с ним, он являлся в ведический период одним из наиболее прославленных богов. Одному лишь Агни посвящено примерно столько же гимнов. В облике Индры принято видеть отражение облика воина-арья. Воспеваются огромный рост и невероятная сила Индры, его умение пить сому — опьяняющий напиток — и становиться от этого только сильнее и безудержней, его умение в совершенстве владеть оружием — тяжелой булавой (трактуемой как символ грома), его неутомимость в битвах с врагами и неизменная готовность прийти на помощь сражающимся воинам. Его эпитеты Шатакрату (Стосильный), Магхаван (Щедрый), Сварадж (Своевластный), Сушипра (Красноликий) и другие хранят в себе следы преклонения и любования, с которым к нему относились арии эпохи ведической и эпической литературы.

Особо подчеркивается его роль как победителя дасов, или дасу, или дасья, с которыми арии сражались на земле Индии (и, очевидно, по пути в Индию), а также то, что именно он помог сделать дасов «низшей варной».

С Индрой в Ведах связываются и представления о грозах и дождях — он повелевает громами и ветрами (одно из его имен — Марутван — Владыка ветров), ему подчиняются тучи, он поддерживает небо. Кроме того, он выступает и как хранитель и повелитель рек, открывающий их воды и освобождающий от дракона, запирающего их в земле и горах. В этой роли он носит имя-эпитет Вритрахан, то есть убийца Вритры (дракон именуется то Вритрой, то змеем Ахи, то демоном Намучи).

В роли змееборца, дарующего людям реки и порождаемое ими изобилие, Индра выступает как культурный герой, а не как бог, не как персонифицированное явление природы. Он известен в иранской мифологии под именем «Сокрушитель отпора, Победитель сопротивления».

Ваю, или **Вáта (Вáтри)** — бог ветра. В Ведах его часто сближают с Индрой и указывают, что они носятся по небу в одной колеснице (иногда они выступают как единое божество). Комментаторы Вед поясняют, что особенно близки друг другу три бога: Агни, Ваю, или Индра, и Сурья. В Ригведе говорится, что Ваю произошел из дыхания жертвенного первочеловека Пуруши.

Ваю — это древнее божество, связанное, совершенно очевидно, с доиндийскими областями расселения арьев: в Ведах он считается богом — охранителем северо-западных областей Земли, то есть исходных областей предков арьев; к тому же в Индии ветер не бывает таким сильным, чтобы влиять на жизнь и хозяйственную деятельность человека (видимо, поэтому в мифологии местных народов бога ветра не существует). Само имя Ваю означает «веющий, дующий».

В Индии в процессе взаимной диффузии фольклорно-мифологических мотивов, бытующих у разных групп народов, образ Ваю стал постепенно сливаться с образом доарийского бога Шивы. Сначала — еще в среде арьев — Ваю стал вытесняться Рудрой, «ревущим» богом неба. В дальнейшем сам Рудра слился в новых культовых представлениях с Шивой (об этом более подробно будет сказано ниже). В древнеиндийской литературе видное место занимает «Ваю-Пурана», во многом посвященная прославлению именно Шивы, а не Ваю.

В эпосе Ваю предстает и как воплощение Шивы, и как символ силы. В «Махабхарате» он — отец Бхимы, сильнейшего из пяти братьев Пандавов (напомним, что в результате заклатья мать Пандавов, Кунти, не должна была сближаться со своим супругом, царем Панду, и все ее сыновья были зачаты от богов). Ваю признается также отцом обезьяньего полководца Ханумана, воплощения силы, помогавшего, по «Рамаяне», светлому герою Раме победить войско демонов.

Сурья. Бог солнца, одно из величайших божеств в Ведах, где он именуется еще Савитаром (Породителем), Вивасатом (Сияющим) и носит ряд других имен.

В Ригведе ему посвящено десять гимнов.

Бог Сурья воспевается не только в памятниках ведической литературы, но и в эпосе. Так, в «Рамаяне» его именуют сыном самого бога Брахмы, а в «Махабхарате» он, вызванный особой магической формулой, предстал перед царевной Кунти и сделался отцом ее добрачного сына, непобедимого воина Карны, который родился с приросшими к его телу золотыми доспехами. В преданиях говорится, что Вишвакарман взял часть раскаленного вещества Сурьи и изготовил оружие богов для Вишну — диск-чакру с острыми краями, для Шивы — трезубец, для его сына Карртикея, или Сканды, бога войны, — копье и т. п. Все эти предметы атрибутируются богам и сопутствуют их изображениям.

Дакша. Ведический бог. Его имя переводится как «сильный, умелый, исполненный энергией огня, возлюбленный». Это имя традиционно связывается с глаголом *daksh* — удовлетворять, быть сильным, возрастая, быть быстрым, двигаться. Но и сам этот глагольный корень лексикографы считают производным от более древнего корня *дах-*, что означает «сжигать» или «истреблять огнем». Вариантом этого корня является форма *дакш-*.

Еще в XIX веке русские исследователи делали попытки сблизить с корнем *дах-* и имя славянского Дажьбога, что дает возможность сопоставить с Дажьбогом и ведического Дакшу. К предположению М. Соколова о том, что первый компонент, «дажь», является церковнославянским императивом «даждь», присоединились позже некоторые исследователи, считающие, что и в имени Стрибога первый компонент — тоже императив «стри». Но мы позволим себе выразить сомнение в том, что имена Дажьбог и Стрибог включают в себя такой ком-

понент. По нашему предположению, первые компоненты обоих сложных слов являются видоизмененными на славянской языковой почве формами индоевропейских корней, сохранившихся в санскрите: *дах-* и *стри-* — со значениями «жечь» и «простирать». Форма Дажьбог нам кажется поздним переосмыслением имени бога, который был в индоевропейской древности одним из богов неба, небесного света, солнца (в Ипатьевской летописи он — «сын Сварогов», то есть «сын Неба» — небесного огня).

Очевидно, возведение к корню *дах-* и германо-скандинавского *Таг-даг* — «день (свет)», более правомерно.

Тогда имя Дажьбог — *Дах-бог*, то есть «сияющий бог», семантически полностью совпадает с летописным «Солнце-царь, сын Сварогов еже есть Дажьбог». Всюду и неизменно Дакша характеризуется как бог плодородия — видимо, один из древнейших богов этого культа, восходящего к почитанию энергии небесного света, зарождающей жизнь, и это согласуется с функцией Дажьбога (Дажбога).

Наиболее часто пересказывается почти без изменения самый стойкий сюжет о Дакше, связанный с историей его великого жертвоприношения. Одна из дочерей Дакши (Ума, или Сати) была женой Рудры-Шивы. Решив принести великую жертву, Дакша, поссорившись с Шивой, не пригласил его участвовать в этом обряде (по другому варианту — не оделил его жертвенной пищей). Есть и такое объяснение: ведические боги не считали Шиву достойным приглашения и не хотели вместе с ним участвовать в жертвоприношении, так как он был ритуально нечист (то есть культ Шивы, бога доарийских народов, был чужд для арьев в период их появления в Индии). Шива в гневе явился незванным, разметал алтарь и жертву и избил богов — участников обряда, заставив их, в том числе и Дакшу, признать не только

свои права на участие в ведических обрядах, но и свое превосходство над Дакшей и другими богами Вед. Этот миф является одной из наиболее наглядных иллюстраций исторических процессов взаимных столкновений, а затем — ассимиляции арьев и неарьев в Индии.

Рудра. В Ведах этот бог имел много функций. Он был богом бурь, устрашающим и «ревушим», отцом ветров — марутов — и вместе с тем богом — покровителем людей и скота, иногда — богом огня.

Он мог исцелять от болезней и насылать их в виде кары. В Ведах он описывается как бог властный и гневливый, милостивый и карающий. Он тоже был одним из верховных божеств ведического пантеона и, вероятно, верховным божеством у какого-нибудь одного или нескольких арийских племен. В более поздней ведической литературе Рудра предстает как бог, соперничавший с богом Дакшей за главенство над богами и людьми.

Исследователи ведической литературы описывают его как милостивого бога, соединяющего в себе богов огня и бурь, как бога-демона лесов и гор, как солярное божество, которому и у других народов атрибутируются бык и орел.

По нашему мнению, с этим древнеарийским божеством может быть сопоставлен бог Род из пантеона славянского язычества. Образы обоих этих богов сохранили много черт, говорящих об их возможной идентичности в эпоху, предшествовавшую уходу арьев в Индию. Некоторые исследователи полагают, что культ Рода возник в эпоху появления земледелия, сменив собой первобытный анимизм. «В представлении земледельца это был грозный и капризный бог неба, владевший тучами, дождем, молнией, бог, от которого зависела вся жизнь на земле», — писал Б. А. Рыбаков, исследовав «Поучения», составленные в XI—XII веках для борьбы с язычеством. Он пришел к выводу, что «русские язычники считали Рода

божеством неба, распоряжающимся дождями, и творцом мира, вдувающим жизнь во все живое...».

Эта характеристика полностью совпадает с той, которую дают Веды и книги-Брахманы богу Рудре. Значение имени Рудры по санскритским словарям буквально воспроизводит вышеприведенные слова Б. А. Рыбакова: «грозный, могучий, рычащий, бог гроз, благостный, достойный прославления». Имена Рода и Рудры разъясняются и как «красный, сияющий, сверкающий». Значение «красный» возводится в санскрите к древнему корню *рудх-*, который означал «быть красным, бурым». С этим древнейшим значением можно сопоставить слова «родрый», «рудый», «рдяный», обозначающие красный цвет, и древнерусское слово «руда» — кровь. Сопоставляется, очевидно, и происходящий от того же корня *руд-* (*род-*) семантический круг древней лексики, охватывающий большое количество самых разных понятий, связанных с представлениями о кровно-родственных отношениях (в силу чего и культ рожениц, или роданиц, стал со временем считаться неотделимым от культа Рода). (Делалась попытка сопоставить имя Рудры с латинским «радикс» — корень, что тоже сближает его с Родом.) На санскрите слово «рудхира» означает «кроваво-красный».

Значения «сияющий», «сверкающий», приводимые санскритским словарем, заставляют вспомнить о том, что и Род, и Рудра считались богами гроз, молний, огня, что еще раз подтверждает вероятную их идентичность в эпоху протославяно-протоарийской близости. Но образ Рудры не может быть сведен только к образу бога небесных стихий, штормов и дождей, как его принято было трактовать.

Дуалистичность характера Рудры и приписывание ему функции бога-оплодотворителя наряду с функциями карающего бога, насылающего смертельные болезни

и истребляющего жизнь, подготовили почву к тому, чтобы этот бог арьев слился в пантеоне брахманизма с богом Шивой, носителем тех же функций и крайне сходных характеристик. И Рудре в Ригведе, и Шиве во многих древних памятниках присваивается эпитет «капардин» — обладающий закрученными в жгуты волосами; обоих богов называют красными и бурыми. Шиву и в Яджурведе тоже определяют как «рохита», «тамра», «аруна», то есть «красноватый, красно-бурый».

Новый бог, возникший путем слияния древнего арийского Рудры с доарийским Шивой, стал носителем двух имен-синонимов — Шива-Рудра, привнеся черты славянского Рода в функции Шивы и, более того, влив, вплавив в образ двуименного бога индуизма важнейшие функции Рода — осеменение, порождение жизни, а значит, и почитание фаллоса. Имя Рудра заменяется вообще именем Шива. Оба этих бога, синкретически соединившись, стали единым богом — покровителем скота, оплодотворителем, созидателем и одновременно разрушителем жизни, богом, объединившим в себе восемь энергий: землю, воду, огонь, воздух, небо, месяц, солнце и идею жертвоприношения. Постепенно сложилось представление и о ста («шата») манифестациях Рудры (Шивы), известных в мифологической литературе под названием «шатарудрия» и предполагающих проявление Рудры (как и Рода у славян) во всем, что существует на свете [28].

(В «Шатапатха-Брахмане» ему приписывается сто голов. В других памятниках его описания постепенно начинают совпадать с описаниями Шивы. Известно лишь одно достоверное изображение Рудры в индусской скульптуре: это фигура в одном из храмов Эллары (VIII в. н. э.), где он предстает в виде десятирукого бога, в гневе сотрясающего вселенную. В позднем индуизме имя Рудры выступает лишь как одно из имен бога Шивы.)

Вишну и Шива

Божества круга Вишну

Вишну. Хотя имя Вишну встречается в Ригведе около ста раз, ему одному адресовано лишь пять гимнов. В других гимнах он фигурирует часто в крайне неясных и запутанных ситуациях. В целом можно сказать, что в Ведах он выступает как персонификация небесной, световой, солнечной энергии. Вишну часто упоминается в сообществе с другими богами или с кем-либо из них. Говорится, например, что он помогал Индре убивать демона Вритру, что выжимал пьянящий напиток сому для Индры ипил его вместе с ним. Он же встречается и в ряду божеств солнечных месяцев, Адитьев, или же сам выступает в роли бога солнца, упоминаясь тогда и под именем Сурьи.

Исследователи не раз отмечали, что в Ведах богу Вишну приписывают в основном космологические действия — отделение неба от земли, укрепление земной тверди и поддержание солнечной энергии. Во всей ведической литературе повторяется мотив трех великих шагов Вишну, которые в разных религиозно-философских школах индуизма объясняются по-разному, но чаще всего как три главные точки стояния солнца — восход, зенит и заход.

К этому богу обращаются и в гимнах четвертой Веды, Атхарваведы, моля его о ниспослании потомства и богатства, защиты от зла и т. п. Эта Веда, насыщенная ведовством, заговорами и заклинаниями, не всегда причисляется индусской традицией к трем другим Ведам, но все содержание этого памятника ясно указывает на его связь и с доарийской, и с арийской культовой практикой и магическими действиями. Не исключено, что ряд ее гимнов древнее самых древних гимнов Ригведы, в чем, по мнению некоторых исследователей, и состоит ее

большая ценность для ознакомления с глубоко архаическими верованиями.

В процессе слияния в индуизме культов арьев и доарийских народов сложилось и учение о единстве творческой, созидательной, космической силы Вишну и Шивы, что отразилось и в памятниках литературы, и в иконографии. Так, стали появляться в иконописи и скульптуре изображения двуединого бога, правая половина тела которого представляет Вишну, а левая Шиву, и каждому из них приданы характерные для них атрибуты. Иногда Вишну изображается белым, а Шива черным, а иногда наоборот, что явно призвано доказывать великую нераздельность веры в единого всемогущего бога.

Рядом с Вишну всегда можно видеть его ездовое животное — орла по имени Гаруда (которому посвящено множество мифов), а рядом с Шивой — бычка Нанди, который своим наличием обозначает присутствие Шивы.

В памятниках ведической и эпической литературы, создававшихся уже на земле Индии, постоянно описываются сцены борьбы Вишну с черными демонами зла и неправды.

Предания и мифы арьев насыщены описаниями их битв с местными народами, в которых они, придя в Индию, увидели непривлекательные расовые черты, принадлежность к совсем другим языкам и приверженность неизвестным богам, по этой причине и многие сюжеты эпических сказаний отразили этот чуждый арьям внешний облик, эти обычаи и нравы. Исследователи поздневедической литературы и эпоса неоднократно высказывали мысль, что черными демонами-ракшасами именовались представители местного населения, и лишь в процессе развития дальнейших контактов и выработки многих общих религиозных и правовых норм и представлений демоны заняли свое место в нереальном мире

Рис. 27. Икона: единый бог как сочетание Кришны (черный) и Шивы (белый)

мифологии. Следует указать, что поначалу все эти люди-демоны описывались как почитатели неарийского бога Шивы, что сгладилось только по прошествии многих веков взаимного сосуществования.

Мифы о Вишну повествуют о том, что он уже девять раз воплощался в разных земных существ для победы над силами зла в течение времени, не подлежащем исчислению (десятое его воплощение еще ожидается).

Наиболее популярными из его воплощений стали два богочеловека, а точнее — два обожествленных человека, считающихся самыми сильными и яркими воплощениями Вишну: седьмое воплощение — царевич Рама и восьмое — царевич Кришна. Рама стал центральным героем поэмы «Рамаяна», а Кришна занял одно из ведущих мест в великой «Махабхарате» и в целом ряде песен и поэм, благодаря чему исследователям стали доступны все оттенки культового к нему отношения и все сюжеты, касающиеся его жизни и деяний.

Часть перевоплощений Вишну обрела образы животных — это были рыба, черепаха, вепрь и лев, а точнее, человеколев, терзавший грешников. Первым человеком стал карлик по имени Вамана, вторым — брахман-воин Парашурама, третьим — Рама, четвертым — Кришна, а предпоследним — Будда. Многие в индуизме стали приверженцами культа Кришны как реального Вишну, а не как его временного воплощения. Любовь к Кришне, все время подогреваемая в сердце, считается залогом снискания его всепрощения, а значит, путем к спасению собственной души от посмертной кары.

Вишнуизм предписывает и еще один верный путь спасения — повторение (вслух или про себя) тысячи имен Вишну, которыми его наградили верующие на протяжении многих тысяч лет преклонения перед ним: эта молитва так и называется — «Сахасранамам» («Тысячеименная»).

Рама. Эпос «Рамаяна» известен в Индии в десятках и сотнях пересказов, переводов и переложений. Рама тоже признается почитателями богом, а не богочеловеком, и в Индии есть посвященные ему храмы и бесконечно тиражируемые иконографические изображения. Он воспевается как высочайший образец добродетели и благородства. Рама был женат на царевне Сите, дочери Земли. Счастье их разрушили дворцовые интриги, и он удалился в изгнание. За ним последовала верная и любящая Сита (образец для всех женщин мира), а также преданный ему брат Лакшман. Ситу похитил страшный

Рис. 28. Бог-обезьяна Хануман, воплощение силы

десятиглавый ракшас по имени Равана. Оба брата долго искали ее, причем к ним присоединилось войско могучих лесных обезьян и медведей. (Медведи в переложениях упоминаются редко — может быть, это реликтовая деталь, свидетельствующая о местах давних кочевий арьев?) Предводитель обезьян, Хануман, тоже обожествлен в память его героических дел и великой силы (надо сказать, что убийство обезьян считается в Индии великим грехом, там есть храмы, населенные обезьянами). Демон Равана обладал даром бессмертия. Его мог убить только человек. Это и стало причиной, по которой

Рис. 29. Герой Рама. Традиционное изображение

Вишну для расправы с этим носителем зла вынужден был принять облик человека, то есть царевича Рамы. После многих бед, приключений и битв Рама убивает Равану и возвращается на царство в сопровождении спасенной им Ситы, брата и могучего Ханумана.

Время создания этой эпической поэмы не установлено. Индийская традиция приписывает ее автору по имени Вальмики, который причислен к святым за свой великий труд.

Сюжет «Рамаяны» — целиком или отрывки — инсценируется в дни праздников; представления даются не только на специализированных сценах и открытых эстрадах на площадях, но и просто на улицах, во дворах и даже в домах.

Раму иконографически изображают иногда, если можно так сказать, «с некоторым намеком на темную окраску кожи», а именно придавая его облику синий или синеватый цвет, но чаще он изображается светлокожим. В этом явно просматривается память о древних процессах расовых смешений пришлых арьев с местными жителями. Следует отметить, что в индийской научной среде вопрос о расовой принадлежности, как правило, не поднимается. Такая позиция способствует тому, что и в обществе на эту тему не принято ни писать, ни говорить, за исключением одного случая — когда речь идет о браке. В брачных объявлениях, публикуемых в печати, нередко откровенно указывается, какой цвет кожи приемлем для жениха или невесты.

Кришна. Как уже говорилось, Кришна считается самим богом Вишну, а не его временным воплощением. Поклонение Кришне превратилось в самостоятельное течение индуизма — кришнаизм.

Исследователи индуизма опубликовали множество трудов о происхождении культа Кришны, то признавая, то не признавая его историческим лицом.

Судя по тому, что ряд основных фактов, касающихся реальной жизни этого царевича, далек от мифологических представлений и описывается одинаково во всех источниках, можно думать, что речь идет о лице историческом. Более того, об этом же говорит и множество расхождений в рассказах о его деяниях как божества. Остановимся кратко на описании его жизни.

Легенды о рождении Кришны и о связанных с этим событием конфликтах позволяют восстановить со значительной степенью достоверности интересующую нас картину межэтнических контактов древнего населения Северной Индии, тех контактов, которые часто бывали остро конфликтными, что отразилось в религиозных представлениях и мифах [28].

В городе Матхуре (на реке Ямуне, или Джамне) правил царь по имени Канса, который в брахманских преданиях причисляется к врагам ведических богов, асурам, а потому ему приписывается множество тяжких грехов. Он был почитателем бога Шивы и, по всей видимости, принадлежал к одному из местных доарийских народов.

Его сестра, по имени Дэваки, вышла замуж за одного из его придворных, явно тоже происходившего из темнокожего племени. Этот факт подчеркивается тем, что его сестрой была прославленная в «Махабхарате» царица Кунти, именуемая Черная, не от своего немощного, бледного супруга (Панду), а от великих богов родившая героических сыновей, прямых внуков темнокожего деда, который считается автором «Махабхараты», он носил имя Черный Вьяса.

Много бед началось с того момента, когда Кансе было предсказано, будто сын его сестры убьет его самого и захватит трон. Тогда Канса повелел убивать всех детей своей сестры. Но чудо спасло новорожденного Кришну от смерти (это было уже вмешатель-

ством Вишну), и отец отдал мальчика на воспитание народу пастухов. От другой жены, Васудевы, родился его белокожий брат, тоже отданный на воспитание пастухам.

Начиная с младенческих лет Кришна прославился героическими подвигами, а подрастая, стал известен своей любовью к юным пастушкам, и особенно к одной из них, по имени Радха. Превратившись в юного воина, он сверг Кансу с престола и убил его — предсказание сбылось. Вишну в облике Кришны восстановил справедливость, покарал зло.

В «Махабхарате» много места отведено описаниям победоносных битв, которые вели со своими врагами братья Пандавы, сыновья «Черной» Кунти, и как им помогал племянник их отца, темнокожий двоюродный брат Кришна. В этих описаниях прослеживаются разные виды

Рис. 30. Традиционное изображение черного Кришны, его белого брата Баларамы и «смуглой» сестры Субхадры. Храм в городе Пури, штат Орисса. Расписное дерево

брахманского редактирования, точнее — арья-брахманского. С течением времени большое значение стало придаваться одному из эпизодов поэмы, известному как «Бхагавадгита» (или просто «Гита»), в котором Кришна уже явно представлен в облике самого Вишну, дающего одному из Пандавов совет вести бой без колебаний, не обращая внимания на то, что он убивает своих родных. Цель — установление в стране праведного порядка и единовластия.

Этот отрывок из «Махабхараты» был особенно высоко поднят над всем ее содержанием, причиной чего, как считают некоторые историки, является его особо подчеркиваемая политико-идеологическая суть. «Бхагавадгита» переведена на многие языки, в том числе на русский, и ее упорно распространяют в нашей стране члены секты кришнаитов (о ней скажем несколько ниже).

В скульптуре и живописи Индии, в песнях и поэзии, в танцах и сказаниях, в театральном и эстрадном искусстве широко отражены многие эпизоды из жизни Кришны (надо сказать, что меньше всего отражена «Бхагавадгита»). Праздники, посвященные Кришне, связаны с проявлениями яркого эротизма, и отшельники-кришнаиты ведут себя в эти дни довольно настойчиво по отношению к любой женщине, даже к замужней. Различные секты кришнаитов в Индии, складывающиеся в разное время и в разных областях страны, основывали свои учения и, соответственно, проповеди на сути разных эпизодов из жизни Кришны, но в основе почти каждого учения о нем лежат представления о любви к нему, любви в самом широком понимании этого слова. Результатом явилось появление множества женских любовных стихов, адресованных Кришне, и, как уже упоминалось, даже целая ветвь литературы, известная под названием кришнаитской религиозно-эротической лирики.

Рис. 31. Кришна танцует со своей возлюбленной пастушкой Радхой. Деревенский рисунок в особом стиле «мадхубани». Северная Индия

Связанный с именем Кришны весенний праздник солнцестояния, называемый Холи, во многом сходен с древнеславянскими весенними празднествами, да и с христианскими. Так, на Пасху принят древний, дохристианский обычай красить куриные яйца — преимущественно в красный цвет, цвет плодородия. В Индии в день Холи люди поливают друг друга окрашенной в красный цвет водой и осыпают цветными порошками, что символизирует пробуждение природы. В праздник Холи допускается во имя любвеобильности Кришны много вольностей, а равно и распевания повсюду песенок столь эротического содержания, что никто не согла-

Рис. 32. Мальчик Кришна побеждает демона-змея

шается переводить их иностранцам, попавшим на праздник.

Кришну обожают не только в образе юного мужчины, но и в облике ребенка, и почти в каждой индусской семье есть его изображение в виде младенца. Многие называют его богом женщин, что не так уж далеко от действительности.

Лакшми, или Шри. В индуизме известна одна богиня, сопрягаемая с образом Вишну. Она возникла, когда

боги пахтали молочный океан, добывая амриту, и сразу избрала Вишну своим супругом. Она воплощается во всех супруг, сопровождающих воплощения Вишну, поэтому она и Сита, и Радха, и обращающиеся к ней с молитвой воспринимают ее именно так. Иконографически — это прекрасная женщина, которая стоит на цветке лотоса и держит в одной из своих четырех рук его бутон.

Божества круга Шивы

Шива. Наиболее древним свидетельством о боге Шиве принято считать рельефное изображение на печати эпохи Хараппы человека, сидящего в позе йога и окруженного животными. Все исследователи сходятся во мнении, что бог Шива почитался в Индии еще до прихода арьев.

В числе имен-эпитетов Шивы есть такие, которые определяют его как бога — покровителя низких племен (а это значит — не арьев), как бога лесов, гор, скал, рек, зверей и явлений природы, опасных для человека, и даже как покровителя разбойников и леших.

На санскрите имя Шива означает «темно-серый, сивый, цвета ртути», но иногда его называют и черным, и красным богом.

Привлекает внимание тот факт, что и доарийский Шива, и арийский Рудра считались покровителями скота, и известный эпитет Шивы «пашупат» («владыка скота») применяется в Ведах и к Рудре. Здесь явно прослеживается родство санскритского глагольного корня *нас-* («наблюдать, ходить за (скотом), привязывать») и слова *пастья* («стойло, хлев, хозяйство») со славянским *нас-* («пасти, выпас» и т. п.).

В общеиндусский пантеон Шива вошел, совместившись с Рудрой и привнеся в круг богов и веропредстав-

лений целый ряд новых характеристик, повлекших за собой и соответствующие видоизменения в обликах арийских богов и в тех чертах и функциях, которые традиционно приписывались этим богам. Так, в отличие от арьев, живших в условиях матриархата, местным народам Индии были широко известны такие институты матриархального строя, как, например, братская полиандрия (семья, состоящая из нескольких братьев, имеющих одну общую жену), наследование имени и имущества по материнской линии, матрилокальные браки и т. п.

Роль женщины в обществе и, соответственно, роль богини-матери в пантеоне была очень велика. Отношение к женскому началу как к реальности, без которой немислимо проявление созидательной энергии мужского начала, перешла в индуизм главным образом из религиозно-философских представлений доарийских народов. Борьба за главенствующее положение в обществе между мужчинами и женщинами отразилась в индусской иконографии и литературе — Шива стал упоминаться и изображаться в числе странных мифических персонажей, имевших два пола или перемежающийся пол. В таком своем аспекте он известен под двойным именем Нара-Нари — «Муж-Жена» или Джагатпитри-Джаганматри, то есть «Отец всего живого — Мать всего живого». В этом случае он изображен в виде двуполого существа, у которого правая часть тела мужская, а левая женская. Вероятно, именно к почитанию такого, двуполого Шивы восходит сохраняющееся в Индии до наших дней особое отношение к гермафродитам (о чем будет подробнее сказано ниже).

Шива считается носителем многих функций. С ним, например, ассоциируются представления о йоге. Его именуют Махайоги — «Великий йог». Во многих мифах повествуется о том, как он погружался в глубокую меди-

тацию и ее никто не смел нарушить. В таком качестве он изображается в облике отшельника, одиноко сидящего в горах, осыпанного пеплом (пепел — символ Шивы, ибо он может сжечь все сущее страшным огнем, испускаемым его третьим глазом), украшенного браслетами из кобр, со спутанными волосами, собранными в тугой пучок на макушке, и украшенный полумесяцем (это знак того, что он бог ночи и луны).

Ему также принадлежит имя Махакала — «Великий черный», ибо он является символом разрушения мира, из праха которого он снова воссоздает все сущее. В этом качестве его изображают в облике черного человека с ожерельем из черепов, танцующего свой ужасный танец ярости — «тандав», или «бхайрав».

Существуют и представления о связи Шивы с богом — повелителем смерти Ямой, который в литературе часто упоминается как Махакала. В мифах говорится, что такой Шива ночами танцует на шма́шанах (места сожжения мертвых тел) и пьет из чаши, сделанной из черепа — «капала». (Существует даже очень многочисленная секта почитателей Шивы в этом облике, называемая «Капалика».)

Здесь приведены лишь облики Шивы-устрашающего, но все его аспекты трудно перечислить. Иногда его образ как бы переходит на других богов, иногда он сливается с ними. Наиболее плотно и нераздельно, как уже упоминалось, он слился с арийским богом Рудрой. Никогда не забывают именовать его Всемиловитым, ибо он всемогущ в основной своей функции — в непрерывном созидании и воссоздании жизни. Он — бог-осеменитель, даритель семени, обладатель неиссякающего фаллоса.

Известно, что в числе многих названий, которые арии давали местным народам Индии, есть и такое, как «шишна-дэва», то есть «почитатели бога-фаллоса» — шишны. Это прямо указывает на то, что фаллос из-

древле здесь являлся самостоятельным объектом поклонения как символ оплодотворительной мощи. Более того — его изображением заменяли (как заменяют и сейчас) иконографическое изображение Шивы.

Поскольку фаллические культовые представления не были чужды и всем древним предкам индоевропейцев — а фаллическая обрядность сохранялась, например, в славянском язычестве вплоть до позднего времени, — можно думать, что Шива в образе фаллоса был без особого сопротивления воспринят пришедшими в Индию арьями (хотя в ведической литературе и встречаются протесты против поклонения этому символу). В позднеиндусской литературе и иконографии Шива предстает уже почти исключительно в образе фаллоса, широко известного под названием шивалингам, и это изображение является объектом всеобщего признания.

Ряд мифов трактует шивалингам как изображение символического огненного столпа, порожденного энергией Шивы; другие же объясняют, что это знак ствола (или столба), поднявшегося из земли на том месте, куда упало семя Шивы; есть и другие пояснения.

Рис. 33. Шивалингам. Храмовая скульптура. Камень

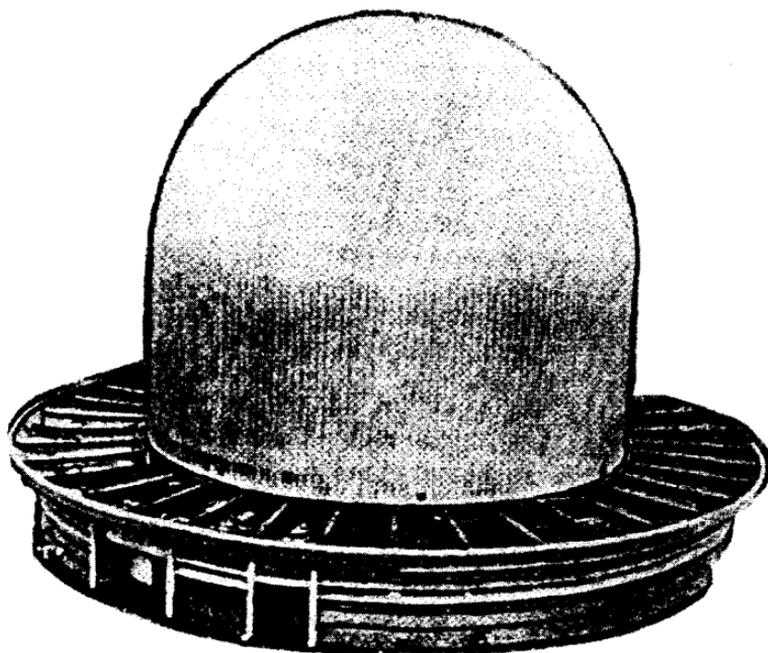

Рис. 34. Здание атомного реактора в виде шивалингама. Тромбей

Кстати сказать, первому в Индии атомному реактору, сооруженному в Тромбее (близ Бомбея), была придана форма шивалингама, великого символа созидания, вечного, не прекращающегося во вселенной, нерушимого процесса зарождения жизни. Это великое сооружение символизирует неукротимость мощи созидательной энергии Шивы.

А теперь пришло время вспомнить о том, что в функции древнего славянского бога Рода, близко сопоставимого с арийским Рудрой и, соответственно, с Рудрой-Шивой, двуименным богом индуизма, входило оплодотворение всего живого, а значит, его энергия была направлена прежде всего на то, чтобы размножался народ («на-род»). Подобно тому как в Индии молятся о даро-

вании потомства изображению детородного органа Шивы, в глубокой древности предки славян с той же мольбой обращались к фаллосу бога Рода. Фаллический культ славян, в котором большую роль играло поклонение деревянному фаллосу Рода, описан средневековыми арабскими путешественниками. Он известен также из осуждений его христианскими летописцами, еще в XIV–XVI веках укорявшими народ за почитание Рода и рожениц.

Б. А. Рыбаков очень чутко уловил состояние семейно-брачных отношений, которое издревле сложилось в обществе славян и нашло свое прямое отражение в утверждении единственности бога Рода и одновременно в признании наличия множества рожениц [68, с. 20]. Это обстоятельство, видимо, говорит об упрочении основ формирующегося патриархального строя, об установлении владычества мужчины-отца над детьми от многих жен, как и о самом факте необходимости наличия широкого поля для оплодотворения. Это неизбежно диктовалось процессом исторического роста и укрепления племени (в борьбе за землю, уголья и добычу гибло много воинов, поэтому следовало при любых условиях заботиться о численности племени).

Возможно, такими же обстоятельствами характеризовалась и жизнь древних арьев, чьи потомки в Индии (особенно те, кто относил себя к сословию воинов) придерживались и в XX веке обычая многоженства.

Кратко суммируя все сказанное, приходим к выводу, что именно эти процессы нашли свое отражение в религиозных представлениях. Бог Шива-Рудра один, но каждое женское лоно на земле, да и сама земля готова принять его семя и породить жизнь.

Еще не изучены подробно формы этого культа у славян. О них можно судить (как косвенно, так и прямо) по глубоко укоренившейся в народной памяти так называе-

Рис. 35. Донце прялки со знаковым обозначением места фаллоса: это «оживляет» выпрядаемую нить. Русский Север

мой ненормативной лексике. До самых недавних лет соблюдался строжайший запрет на использование женщинами или при женщинах слов и выражений, связанных с актом оплодотворения. Данный запрет неукоснительно указывает на то, что это был сакральный язык (можно только сожалеть, что современные женщины зачастую без стеснения пользуются этими оборотами). Да и само название этого языка, точнее, ритуального жаргона, связанного с фаллическим культом, — «мат» — отражает представления об акте оплодотворения, то есть о такой женской функции, как материнство.

Под многовековым воздействием христианства этот сакральный язык (или жаргон) стал все более резко осуждаться даже мужчинами (хотя следует признать, что в их среде он не изжил себя ни в малейшей степени) и в значительной мере перешел в скрытое употребление, утратив многое из своих чисто сакральных, заклинательно-магических формулировок. Однако сакральный культ фаллоса и

поныне сохраняется в глубинах подсознания. Об этом можно судить хотя бы по изготовляемым еще совсем недавно на русском Севере деревянным прялкам, на

которые наносили или изображение мужчины в ити-фаллическом состоянии, или известные теперь уже всем слова, обозначающие фаллос, — это, по древнейшему поверью, играло роль магического заклинания, превращающего выпрямляемую нить в «живую» пряжу (образцы таких прялок можно видеть среди экспонатов местных музеев).

Интересно обратить внимание и на то, что в русском языке выработалось до пятидесяти названий фаллоса, что указывает на ощущение (пусть даже неосознанное) запрета произносить «всуе» его истинное, сакрализованное название. Одно из определений этого органа — «шиш» — настолько древнее, что мы встречаем его в санскрите: вспомним объясненное выше слово «шишна-дэва».

Если в Индии открыто поклоняются шивалингаму, то нам приходится находить в язычестве славян лишь следы, подтверждающие древнее поклонение фаллосу. Об этом упоминается в книгах некоторых исследователей; кроме того, мы можем найти воспоминания о культовых изображениях фаллоса в старых «мужских» поговорках, например: «Шиш смолить и к стенке становить» (откуда явствует, что деревянный фаллический идол сберегали путем пропитки его смолой) или: «Из-за леса, леса темного привезли шиша огромного» (а здесь речь, вероятно, идет о перевозке из лесной местности в степную крупного фаллического идола).

Ослабление и отмирание этого культа, вытесняемого христианскими богослужениями, тоже нашло свое выражение в некоторых поговорках. Одной из них является широко известное доньше в мужской среде насмешливое выражение насчет «околачивания груш». Оно явно говорит о том, что прекратилось почтительное, религиозное отношение к этим изображениям и их иронически предлагают использовать как сибирские колотуны для отрясания кедровых шишек.

К сожалению, научного анализа подобных произведений фольклора пока не существует, а ведь они хранят в себе яркие следы миновавших верований и культовых действий славянских язычников.

Говоря об этой форме славянского культа, нельзя не упомянуть о таком свидетельстве народной памяти о нем, как популярная ныне «комбинация из трех пальцев» — «шиш» (или «фига»). Этот древний жест давно уже не носит первоначального, сексуального смысла.

Б. А. Рыбаков, анализируя «Слово об идолах», подчеркивает, что, написанное в начале XII века, оно «чрез-

вычайно важно для нас историчностью своего подхода к русскому язычеству», и выделяет в особый раздел «свадебные фаллические обряды», приводя цитату из «Слова...»: «...чтут срамные уды и в образ створены и кланяются им и требы им кладут. Словене же на свадьбах вкладывающе срамоту и чесновиток в ведра пьют...» [69, с. 36].

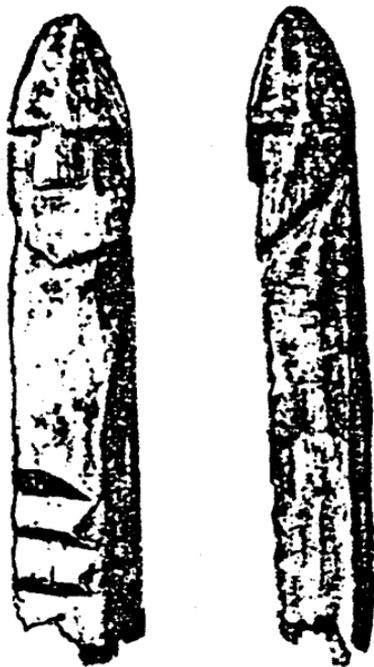

Рис. 36. Деревянный фаллос. Очевидно, из свадебного набора. Старая Русса. XI в.

В этой же книге приводится и деревянное изображение фаллоса, найденное при раскопках в Старой Руссе и датированное приблизительно XI веком. В верхней его части высечены черты мужского лица, обрамленного бородой, которая, как широко известно, всегда считалась в славянс-

кой среде показателем мужской полноценности. Это деревянное изображение является редчайшей находкой, ибо даже при вышеуказанной (в поговорке) пропитке смолой предметы из дерева в земле довольно быстро разрушаются.

Никто не может сказать, были ли у древних арьев, кочевавших по землям Восточной Европы, аналогичные изображения (к тому же еще не вполне установлено, что и этот найденный фаллос был изготовлен именно славянами). Но можно полагать, что подобные изображения ритуального характера были известны аряям, так как многие гимны Вед, мольбы и заклинания, сопровождаемые бесчисленными жертвами богу-оплодотворителю Рудре, содержат в себе стремление обрести потомство, как можно больше потомков, и главным образом сыновей. Выражение «Сын — это начало вечности», известное каждому жителю современной Индии, явно не в последние века стало одним из коренных элементов устного творчества народа.

Кочевавшие древние арьи не имели времени на изготовление требующих долгой и трудной обработки каменных изваяний и возили с собой, по-видимому, деревянных идолов. Уже позднее, осев в Индии, они могли (и стали) высекать каменные изображения фаллоса, тоже зачастую нанося на них мужскую фигуру или лицо.

Возвращаясь еще раз к Шиве, этому всепочитаемому, грозному и всесильному владыке вселенского огня, создателю и разрушителю мира, укажем, что вера в него основана прежде всего на убежденности в его милосердии. Каждый индус глубоко верит в то, что Шива чуток к любой мольбе, обращенной к нему, от кого бы она ни исходила — от самого ли высокого из брахманов или от самого низкого из отверженных либо внекастовых. Это величайший и сильнейший бог среди богов индусского пантеона, и нет человека в Индии, в сознании которого

Рис. 37а. Бог Шива в космическом танце

не был бы с детства запечатлен именно такой образ Шивы, Шивы-Рудры. Самое главное о нем сказано самыми простыми словами: «Бог — носитель семени, производитель жизни».

Этот бог, пожалуй, наиболее известен и любим верующими в ипостаси Царя Танца — «Натараджи». Она не связана с упомянутыми выше плясками Шивы на местах погребений и сожжений. Это совершенно иной его образ, космический. Религиозно-философское содержание

Рис. 376. Исполнитель танца в честь бога Шивы

этого образа можно вкратце свести к следующему. Все, что существует во вселенной, состоит из мельчайших частиц. Эти частицы пребывают в непрерывном движении. Прекращение движения означало бы разрушение всего сущего. Поэтому великий Шива все время поддерживает это движение, задавая ему ритм своим магическим танцем, и при этом попирает ногой ничтожного карлика невежества и незнания. В таком облике бог всегда изображался прекрасным. Одна из его правых рук всегда обращена открытой ладонью к людям в жесте благословения, в левой он держит барабанчик — символ ритма, другой правой — указывает вниз, на порицаемый путь невежества, и, наконец, другой левой он несет на ладони пламя — символ того, что он властитель огня.

Танец издревле признается одной из форм служения богу. В Южной Индии есть храмы, посвященные культуре Шивы, где традиционно в течение многих веков исполнялись танцы во имя снискания это милости. При этих храмах и за их счет живут члены особой касты дэвадаси — «рабынь бога». Девочек этой касты учат исполнять ритуальные танцы, оплачиваемые молящимися. Была известна и храмовая проституция, ибо Шиве угоден акт соития-оплодотворения. Взрослые же женщины и мужчины касты служат при храме или обучают девочек великому и сложному искусству танца, именуемому на санскрите «бхарата-натьям».

Дэви, или Шáкти. Словом «дэви» определяется богиня вообще (наряду с этим так же называют и жену, хозяйку дома). Дэви — это воплощение женского начала, персонифицированного в индусском пантеоне в бесчисленных образах богинь, которым приписываются самые разные функции. Если же определение Дэви или Махадэви встречается в качестве имени собственного, то оно относится, как правило, к жене бога Шивы, которая

выступает под десятью главными именами, связанными с ее самыми различными ипостасями: шесть из них представляют милостивое начало, а четыре — жестокое. Из числа последних наиболее широко почитаема богиня Кали («Черная»), которая известна устрашающими проявлениями своего гнева, а также тем, что на ее языке никогда не должна высохнуть кровь жертв. Трепеща перед Кали, верующие вместе с тем всегда обращаются к ней, так же как и к устрашающему Шиве, с мольбами о милости и поддержке.

У нее, как и у каждого божества в индуизме, есть много других имен, среди них одно привлекает особое внимание историков. Это имя Виндхья-васини («Обительница гор Виндхья»). Известно, что именно эти горы служили в течение долгого времени естественным географическим рубежом между арийским и арьянизированным населением Северной Индии (2–1-е тысячелетия до н. э.) и доарийскими народами, оттесненными на юг. Эта богиня считалась главной защитницей и покровительницей этих народов. Есть мифы, подтверждающие, что богиня гор Виндхья непрерывно требует кровавых жертв. И в самом деле, кровь перед ее алтарем не высыхает: ей в жертву приносят черных птиц, а также животных, и мелких, и крупных, отдавая часть туши жрецам, а кровь богине.

Такая исключительная склонность этой богини к кровопитию — не исключение. Иногда и другим Дэви (даже всемилостивой Парвати, главной супруге Шивы) тоже приносят кровавые жертвы (автор этой книги была свидетельницей подобного жертвоприношения в штате Махараштра). Так что граница между добрыми и жестокими воплощениями Дэви-Шакти часто весьма условна.

Различными воплощениями Шакти считается также великое множество почитаемых в народе богинь-мате-

Рис. 38. Бог Шива со своей супругой Парвати.
Копия иконы

рей. К их именам прибавляют слова «амма», «амба» или «амбика», означающие «мать». Эти богини во всем своем многообразии перешли в индуизм из местных культов доарийских народов. Существует особая молитва богине-матери, которую все верующие для снискания ее милости должны повторять на 8, 9 и 14-й день каждой половины лунного месяца. Эта молитва осмысливается как мольба, обращенная ко всем без исключения богиням — воплощениям Шакти.

С почитанием богинь издревле связано исполнение ритуально-молитвенных танцев, что и сейчас можно наблюдать в дни проведения осеннего праздника Дургапуджи (Служения богине Дурге). В таких танцах участвуют и мужчины из числа верующих, иногда доводя себя до экстатического состояния и даже до потери чувств. Эти танцы также отражают в иносказательной форме древнейшие обряды принесения в жертву богине мужчин как оплодотворителей ее лона. Ведь богиня, дэви, — это женщина, и ее шакти, женская сила, требующая оплодотворения, всегда взывает к проявлению мужской творческой энергии. С этим и связано философское, ритуальное и бытовое осмысление шактизма как течения в индуизме. Оно неотделимо от сути фаллического культа, а потому, видимо, и не может быть приписываемо исключительно индуизму. Лишь формы его проявлений у разных народов разные.

Множество мифов, равно как и множество ее (а точнее — их) изображений, повествуют о Махадэви как о супруге Шивы. Так, Парвати, первая жена (другое ее имя Ума), светлоликая дочь Гималаев, посмевавшая нарушить йогическую медитацию Шивы и завоевавшая его страсть, обычно изображается в образе изящно сложенной, улыбающейся женщины. Дурга тоже светлоликая, но многорукая, в каждую из ее рук боги вложили разные виды оружия — для битвы с могучим демоном зла.

Чаще всего Дургу изображают в тот момент, когда она убивает этого демона, принявшего облик черного буйвола. Ей помогает лев — ее ездовое животное (иногда это тигр). К празднику Дурга-пуджи множество специальных мастеров занято изготовлением ее статуй. Затем в храмах их наряжают и украшают, а по прошествии десяти праздничных дней топят в реках со всеми уборами и украшениями.

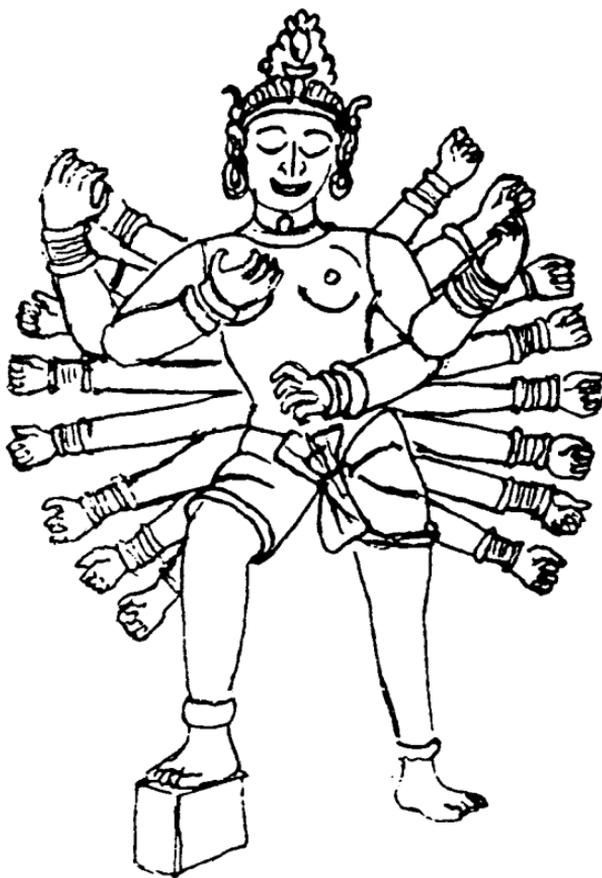

Рис. 39. Заготовка фигуры богини Дурги для праздника Дасеры

Всем известно и традиционное изображение Кали, или Махакали. Это черная женщина (или ее маска) с высунутым языком (символ жажды крови), с двумя или несколькими руками, украшенная ожерельями из черепов или голов. (Интересно то, что эти головы традиционно изображаются светлоликими, и очень трудно найти ответ на вопрос: а не является ли это напоминанием о давней борьбе темноликих местных жителей с пришедшими «европеоидными» арьями?)

Махадэви в каждом из своих образов является носительницей десятков различных имен-эпитетов, определяющих разные ее деяния и качества. Но в Индии каждый может объяснить, какое божество соотносится с тем или иным эпитетом и кто именно изображен на бумажной иконе, в скульптурной фигуре или в росписи на стене.

От шактизма неотделимы ритуально-эротические действия верующих, являющиеся попыткой воспроизвести сексуальное общение Дэви с ее супругом. Этот ритуал свойствен главным образом приверженцам тантризма — одного из течений в шактизме (это отражение сексуального акта в скульптуре известно и в буддизме). Существует малодоступная область специальной литературы, не только содержащая соответствующие молитвы, но и описывающая проявления соответствующих физиологических функций и действий [61].

В круг ближайших к Шиве божеств входят два его сына. Один из них известен под четырьмя (если не больше) именами: Скáнда, Мúруган, Карттикéя и Субрамáнья. Он воспет в основном в литературе на тамильском языке — в памятниках начала 1-го тысячелетия до н. э., где его упоминают и под именем Сейона — «Красного бога». Ему приписываются такие качества, как страстность, воинская отвага, любовь к охоте и крови и склон-

ность к гневу. Есть мифы, повествующие о том, что породившая его богиня Дурга воспылала к нему страстью, но он спасся от ее домоганий, улетев на павлине, и поэтому павлин признается его ваханой — ездовым животным.

По всей очевидности, это древнетамильский бог, что подтверждается всеми исследователями. На Юге его культ отправляют и жрецы, и жрицы, в процесс богопочитания входили кровавые жертвоприношения и исполнение ритуальных танцев (что, как можно заметить, выступает характерной чертой, свойственной проявлениям всех южноиндийских культов).

Другой, младший сын Шивы тоже, судя по всему, вошел в индуизм из доарийских культов, и даже точнее — из тотемических представлений. Его имя Ганеша, или Ганапати. (Это производные от слова «гана», означающего «народ Шивы» или «войско Шивы», и Ганеша возглавляет эти ганы).

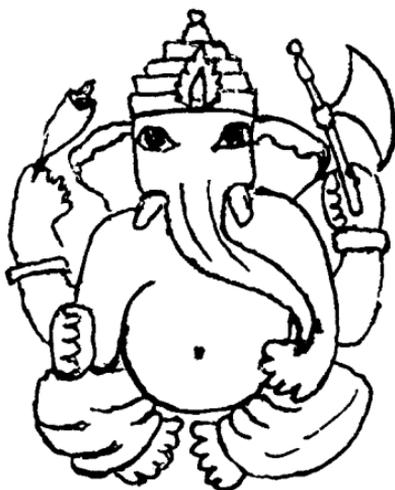

Рис. 40. Слоноголовый бог Ганеша. Традиционный рисунок. Западная Индия

Ганешу описывают и изображают толстым, невысоким, с четырьмя руками и с головой слона. Его ваханой является хитрое животное крыса (или мышь). Есть много мифов о том, как Парвати умоляла Шиву дать ей возможность родить сына, но он по разным причинам отказывал ей в этом. Она слепила сына из глины, но по неосторожности лишилась его. Наконец сам Шива сделал комок из края ее одежды, приложил к ее груди — и в ее руках

появился сын. Выращенный с огромной любовью, он один раз прогневил отца, и тот отрубил ему голову. Видя безутешное горе Парвати, Шива велел слуге принести ему голову первого встреченного на пути животного, и тот принес голову слоненка. Шива приставил ее к телу сына и оживил его. Слоноголовый Ганеша вырос мудрым и предприимчивым.

Ганеша считается в индуизме покровителем искусств, знаний, торговли и предпринимательской деятельности. Во многих официальных, торговых и учебных заведениях можно встретить его живописное или скульптурное изображение. Особенно высоко его чтят в штате Махараштра, где, возможно, этот культ зародился.

Крайне слабо изучена на Западе приписываемая богам индуизма связь с планетами и их воздействие на людей. Индийская астрономия — это чрезвычайно обширная, но у нас почти неизвестная наука. Давняя традиция Индии соединяет каждый день недели с каким-либо небесным телом и божеством. Так, понедельник связан с Лунной (Сомой) и Шивой, вторник — с Марсом и Карттикейей, Кришной и Хануманом, среда — с Меркурием и с сыном Луны — Будхой, четверг — с Юпитером и жрецом богов Брихаспати, пятница — с Венерой и Агни, суббота — с Сатурном и Шивой, воскресенье — с Солнцем и его богами Рави и Адитьей.

После приведения описания богов и богинь и после попыток сопоставить их имена и функции и сравнить божества славянских язычников с индусскими, обнаружив много общего в их именах и деяниях (которые им приписывали и славяне, и арьи), необходимо уделить внимание и другой, менее, так сказать, высокой сфере мифологии, а именно — суевериям, которые во многом

до сих пор сохраняются в среде рассматриваемых здесь групп этносов.

Б. А. Рыбаков, ведущий исследователь этих проблем, пишет в предисловии к своей книге «Язычество древних славян» [69]: «Нет более туманного и неопределенного термина, чем “язычество”... Изучение славянского язычества следует понимать... учитывая в меру доступности вопросы субстрата и далекой индоевропейской сущности, а также и взаимосвязи с соседними народами... такое изучение требует экскурсов в глубины первобытных эпох».

Эти слова следует повторять и повторять, держась за их глубокий смысл, как за путеводную нить, позволяющую не заблудиться во тьме тысячелетий.

Глава 7

ОТ СУЕВЕРИЙ НЕ ОТРЕКАЕМСЯ

Если провести нечто вроде социального опроса на предмет выяснения процентного соотношения людей, верящих и не верящих в суеверия, то количество первых оказалось бы выше. «Черная кошка перебежала дорогу — плохой знак»; «Плюнь три раза через левое плечо»; «Постучи по дереву»; «Въезжая в новое жилище, впусти в него сначала кошку»; «Женщина с полным ведром навстречу — к добру, а с пустым — к неудаче» — эти приметы знает каждый. А сколько их еще — примет, глубоко укоренившихся в народе!

Возможно, суеверия следует считать изначальным проявлением реакции человека на непонятное ему воздействие на его судьбу и каждодневные дела тех или иных явлений или событий окружающей жизни. Люди начали ощущать эти воздействия еще в незапамятные времена. Они стали накапливать опыт их восприятия и приспособления к ним. Складывалось понимание того, что природа как бы указывает человеку должные или не должные пути и действия, формируя в нем осознание мер и приемов, регулирующих его взаимоотношения со всем окружающим. Как бы итоговой формулой этого понимания звучат слова нашего прекрасного северного писателя Б. Шергина: «О море, души моей строитель!»

Вот это «строительство души» и длилось долгие-долгие века, когда шаг за шагом человек осваивал и воспринимал окружающую его действительность, пытался определить ее проявления, создать их мысленные образы и дать этим образам имена и названия, складывая о них сказания. Именно в них, древнейших сказках и мифах, сохранились русла, по которым впоследствии потекли ручейки религиозно-мифологических представлений разных народов.

Эпоха язычества индоевропейцев столь слабо изучена, что до сих пор исследователи по крохам собирают сведения о богах и духах, пытаясь привести в некие системы все их изобилие и проследить последовательность их возникновения и развития. Но и сейчас разные исследователи видят по-разному сами принципы создания подобных систем, поэтому и нельзя с уверенностью сослаться на нечто определенное, касающееся этой последовательности. Линия ее выявления наиболее четко прослеживается в работах Б. А. Рыбакова по язычеству [68, 69]. Он, подобно близкому ему по подходу к проблеме Н. М. Гальковскому [16], уделил значительное внимание процессу внедрения в сознание язычников новой, привнесенной на Русь извне религии христианства, распространение которой не шло по пути естественной эволюции мировосприятия людей, тысячелетиями приверженных языческим веропредставлениям, а было принудительным, вводимым, так сказать, в приказном порядке. Верховная власть окружила себя иноземными (греческими) священнослужителями, или, выражаясь более точно, они окружили князей и их двор, влияя на их помыслы и дела. Простому народу пришлось подчиниться новым указам и принять насаждаемую сверху религию, постепенно отходя от древних, привычных верований и представлений.

По сравнению с великим множеством трудов, написанных по проблеме распространения христианства на

Руси, исследования о язычестве занимают совсем незначительное место. Но, судя по проявлениям воскресающего к нему интереса, ныне можно ожидать появления новых работ, посвященных его истории и анализу его глубинной сути. С каждым днем становится виднее и яснее такое явление, как сохранение множества языческих представлений в недрах народной памяти. Христианство за сравнительно короткий срок, измеряемый одним тысячелетием, не смогло выкорчевать без следа древние корни прежних верований и, главное, суеверий, устойчиво проявляющих себя вплоть до наших дней.

Поначалу власти добились от народа подчинения греческим священникам. Но в то же время он продолжал жить и верить по-язычески. Такое двоеверие длилось века и века — известно, что волхование продолжало существовать и было широко распространено, например, даже при дворе Ивана Грозного, который и сам прибегал к советам и указаниям волхвов.

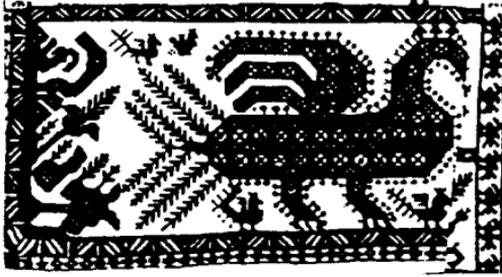
Христианское вероисповедание становилось все более популярным по мере того, как иноземных священнослужителей начали во множестве заменять в храмах местные представители духовенства. Все они были выходцами из той среды, которая не знала другого вероисповедания, кроме язычества, а поэтому в храмах стали постепенно появляться ритуалы, близкие к тем, которые были привычны им с детских лет. Так формировалась религия, ставшая известной как православие. Нельзя исключать и того, что, будучи кровно близки языческой народной среде, эти новые священники сознательно, используя так называемый шадящий режим, то есть мягко, без сугубого насилия, внедряли установки новой официальной религии, находя им некие соответствия в привычных ритуалах и ценностных категориях. Можно полагать, что именно оттеснение иноземцев от церков-

ных алтарей привело к тому, что целый ряд элементов, носящих чисто языческий характер, стал неотделим от церковно-христианских богослужений. Выше уже упоминалось, что в церковных ритуалах заняли прочное место древнейшие культы огня и воды (свечи, лампы, водосвятие, крещение и т. д.). К этому следует добавить известное всем без исключения индоевропейцам, исповедующим христианство, и культовое почитание деревьев: кто из нас не знает, буквально с самого детства, о том, что к дням зимнего солнцеворота (то есть к дням рождения нового солнца, издревле воспринимавшегося как нарождение бога света) в дом следует принести елку и одарить ее украшениями в знак приветствия народившегося бога! Вечнозеленая ель воспринималась как магическое утверждение всей природы под лучами новорожденного солнца.

Вот на эти дни и был отнесен в христианстве праздник Рождества Христова (прием отнюдь не только славянский, он использовался повсеместно для сближения новой религии с прежней).

Другим наглядным примером является праздник Троицы, отнесенный на дни летнего солнцестояния, издревле отмечаемый широким почитанием растительности — деревьев, трав и цветов. Широко известен обычай на Троицыной неделе украшать жилье и храмы зелеными ветками деревьев. У нас чаще всего используют для этого березовые ветки — даже целые деревца, — а также травы и цветы.

В христианских календарях на каждый день года приходится имя или даже несколько имен святых, мучеников или великомучеников, и человек, которому при крещении дали одно из таких имен, считается в этот день именинником. Его полагается поздравлять, поднося ему подарки и устраивая угощение, обязательной частью которого у нас должен быть пирог.

а

б

в

г

Рис. 41. Неистребима вера в благотворное воздействие изображений птиц, коней и деревьев: а, б — Россия; в, г — Индия

Сейчас мало кто вдумывается в истоки этого обычая, а ведь он опять же вошел в христианство из языческих ритуалов, из тех времен, когда в состав поздравительных угощений, связанных с присвоением имени, следовало включать и изделия из муки, символизирующие богатый урожай, а следовательно, сытную жизнь всей семьи. Таким выпечкам придавалось магическое значение — они должны были умиловить природу. Блины, воспроизводящие форму солнечного диска, призывали светило к неуклонному расцвету, подобно известной на русском Севере выпечке в виде свастики — древнего символа солнца. Куличи представлялись своего рода магическим заклятьем, призывающим рождение детей и богатый урожай; творожная «пасха» — это магический призыв к плодородию скота; крашенные куриные яйца — также прямой призыв к плодовитости всего живого. Важно отметить, что все это было официально воспринято церковными властями и вошло в религиозные ритуалы.

а

б

Рис. 42: а — ритуальное северно-русское печенье «Вьюха», связанное с культом солнца (Каргополь); б — ритуальная настенная роспись, посвященная солнцу (Северная Индия)

Христианское наречение именами по определенным дням года способствовало привлечению внимания к церковному календарю, к ежедневному поминовению того или иного святого, а значит, к непрерывному исповеданию новой веры. Наряду с чисто религиозным почитанием святых в народе сохранилась и чисто языческая форма почитания: когда имя святого связывали с тем или иным явлением природы, животным, растением. Напомним, что праздник Благовещения считается днем именин всех птиц, на Власьев день (день святого Власа) приходятся именины всего скота, именины лошадей следует отмечать в день Флора и Лавра, именины пчел — в день святых Зосимы и Савватия, а всей красной ягоды — в день святой Акулины. Наконец, в Духов день именинницей является земля. В такие дни следует почитать именинников: не заставлять скот работать, не ездить на лошадях, не брать ягоду, не беспокоить пчел, не тревожить землю никакими орудиями труда и т. п.

Вот так постепенно, шаг за шагом сливались и взаимно перекрещивались языческие суеверия и христианское верование. Церковь, во всяком случае православная, делала много шагов в сторону приятия языческих обычаев и примирению с ними. К вышеперечисленному можно добавить, что, к примеру, в Духов день (Яблочный спас) принято впервые вкушать яблоки, предварительно освятив их в церкви. Это же касается Медового спаса — дня откачки меда, который тоже освящают, и т. п.

Множество моментов, связанных с хозяйственной деятельностью, отмечаются обращениями к тем или иным проявлениям жизни природы, соответствующим разным этапам этой деятельности. Так, местами и сейчас сохраняется обычай подгонять веткой вербы (первого распускающегося весной дерева) скот, впервые выгоняемый на пастбище. В преддверии Вербного воскресения

нья мы можем видеть оживленную торговлю веточками вербы, которые покупают и верующие, и неверующие. Таких примеров слияния христианства со старыми веропредставлениями можно привести десятки, если не сотни. Только благодаря подобной политической, а вернее — дипломатической деятельности наших церковнослужителей, благодаря их мудрым расчетам народ и начал воспринимать христианство как нечто во многом близкое к своему привычному мировосприятию и стал постепенно втягиваться в церковную жизнь.

Особенно влиятельной и благотворной силой воздействия на народное сознание был церковный культ Богоматери, неотличимо близкий к древнему преклонению перед всематеринским началом, к культу богини-матери, точнее, богинь-матерей, сколько бы их ни было и какие бы имена они ни носили. В глубокой древности это были берегини-роженицы, живейшие представления о которых хранились в памяти людей, в их обычаях и ритуалах вплоть до эпохи распространения христианства. Это почитание без труда и усилий сочеталось с восприятием культа Богоматери, особенно в силу того, что в православных храмах обращаются к очень многим ее именам, причем все носительницы этих разных имен отмечены разными проявлениями своего благотворительного воздействия на дела людей.

Именем Богоматери освящаются роды (явный пережиток культа рожениц); главные посвященные ей праздники связаны с датами посева, жатвы и с наиболее значительными явлениями природы. Так, Успение соответствует расставанию с летом, Рождество Богородицы — это встреча осеннего равноденствия (с этим праздником Церковь связала и победу русского воинства на Куликовом поле). Владимирская Богоматерь помогала в битве с татарами, Покров Богородицы признан днем первого снега в октябре. В России насчитывается свыше двухсот чудот-

ворных икон Богоматери, носящей разные имена-эпитеты — в соответствии с приписываемыми Ей функциями.

Церковь восприняла от язычества и обычай оберегаться от нечистой силы, используя одежду и украшения с нанесенными на них магическими знаками. Такие знаки-обереги с изображениями растений, птиц, животных и различных символов, включая кресты и свастики, наносились на рукава, оплечья, подола, головные уборы и т. п. Вышитые и тканые изделия с этими знаками широко применяются в церковном обиходе (обрамление икон, покрытие аналоев и даже облачение священнослужителей).

Изучая церковную обрядность, можно проследить в ней ряд черт, некогда игравших ведущую роль в языческих ритуалах. Это относится не только к тому, что вольно или невольно сохранилось в христианстве. Языческие обряды, верования и магические приемы воздействия на природу, а также на жизнь и здоровье человека и домашнего скота живут в народе и теперь, причем не только в так называемых «медвежьих углах», но и в самых больших и современных городах.

Магические приемы в целительстве практиковались непрерывно. Издревле передается знание о том, что, например, бородавку можно свести, обведя ее нитью пряжи и зарыв потом эту нить под порогом своего дома. Знают также, что заговор против болезней (так называемое нашептывание) наиболее эффективен накануне праздников (языческих, ставших затем и церковными). Знают и многое другое. Но не следует путать народных знахарок с новомодными «целителями» и «целительницами», «экстрасенсами» и «магами», широко рекламирующими себя в газетах и даже часто именующими себя наследственными колдунами или потомственными ясно-видящими. Многовековой опыт народной жизни, сохраняемый, если можно так сказать, в генной памяти и за-

частую действительно успешно применяемый в разных жизненных ситуациях, включая иногда и целительство, не может быть вдруг заменен случайно усвоенными (или с чужих слов, или из «магических» книг) псевдознаниями. Но данная книга не предназначена для подробного обсуждения этой проблемы.

Однако на одном современном веянии все же следует здесь остановиться. Это так называемое неоязычество, подавляющее большинство приверженцев которого (или же временно им увлекающихся) понятия не имеет о языческой системе мировосприятия и наобум исполняет некие ритуалы, искренне считая их (что бывает в общем-то редко) или же выдавая их (что встречается гораздо чаще) за настоящие языческие.

Эта проблема современности требует особой, обширной разработки, поэтому мы можем тут лишь указать на пример распространяющейся в среде нашей молодежи — да иногда и не только там — моды на проведение дня Ивана Купалы. Этот языческий праздник приходится на первые дни после летнего солнцестояния. Он отмечался у язычников множеством действий, означающих первопрощание с солнцем, мольбу о хорошем урожае и удачной жатве, почитание водных духов, которым приписывали силу влиять на дожди (в этот день именинником считался сам водяной). В этот день проводился сбор целебных трав, набравших полную силу, и т. д. и т. п. Близилась осень — пора свадеб, и особые гадания, проводимые в этот день, были призваны указать на это событие. Ночью зажигали особый гадательный костер, парни и некоторые девушки прыгали через него, как бы очищаясь огнем перед заключением брака. Это и многое другое описано в сказках и преданиях, но в древние времена все имело свой смысл и преследовало определенные цели.

В наше время неоязычники пытаются изобразить такие же мистерические действия, но осознание этих риту-

алов, осмысление их влияния на жизнь давно утрачено, и поэтому все, что устраивается в день, и особенно ночью, под Ивана Купалу, зачастую носит характер пикников, а часто и оргий. Наши «язычники», не имея, как правило, в своем кругу девушек, сохранивших девственность, бесчестят своих давно обесчещенных подружек, почитая это ритуальным действием, и не знают даже того, что подобное попало под давний запрет, начиная со времени перехода формы кровосмесительной, древнейшей семьи в новую форму родового строя, соблюдавшего строгие нормы брачных отношений.

В эпоху язычества сознание народа постепенно пропитывалось традиционными нормами поведения, системой строгих предписаний и запретов, которая была воспринята во многом и церковными уложениями и разрушается у нас на глазах под натиском западной вседозволенности.

Здесь мы должны указать, что именно в длительном сохранении нравственных семейных устоев выявляются многотысячелетние установления язычества, которые дольше всего сохранялись, как теперь выясняется, именно в среде славянских народов, и в частности у русских. И в этом нельзя не усмотреть сходства с индуизмом, в котором религиозное (дхармическое) законодательство было всегда в значительной мере направлено на поддержание нерушимости традиций, сложившихся и развившихся в русле язычества. В Индии эти нормы язычества живы и сейчас, а у нас они все же во многом закрепились в православии. Вот почему мы можем проводить некоторые сопоставления индусского законодательства с нашими древними веропредставлениями, некогда сблизившими формы мировосприятия, свойственные далеким предкам славян и арьев.

К тому, что здесь было сказано о сохранении в православных ритуалах древних традиций, можно также доба-

вить те обычаи, которые и сейчас продолжают играть роль в жизни общества. Таковы, например, традиции, связанные с погребением покойных. Церковь ввела в свои ритуалы отпевания, тризну-поминки, сорокадневие, обязательность выноса тела ногами вперед (как считали в глубокой древности, этим достигается заметание волосами мертвого его следа, и он, таким образом, не найдет дороги с того света к живущим членам его семьи), а также завешивание зеркал, чтобы за них не «зацепился» дух покойника (а металлические полированные зеркала были известны еще несколько тысячелетий тому назад). Некогда волхвы освящали стойла для скота, самих животных и места их выпаса. Священники в своих молитвенных церемониях стали воспроизводить тот же ритуал (окропление святой водой). Сегодня на полях можно видеть не волхва, заклинающего дождь и созревание урожая, а православного священника, повторяющего те же действия, но обращающегося не к языческим богам, а к Богоматери или к Илье-пророку.

И не неоязычество, а истинное древнее язычество продолжает существовать среди нас, напоминая о себе отражениями или повторениями во многих церковных обрядах. Возможно, это в известной мере и способствует поддержанию христианской веры в народе, хранящем в глубине подсознания память о чувствах и делах далеких предков.

Не исключено и то, что именно в силу нерушимости этой глубинной памяти ее не смогли искоренить ни длившаяся веками борьба официальной Церкви с язычеством, ни недавние агитки атеистов. Упорно продолжает жить то, что восприняли от язычников православные священники, и в частности, укоренилось почитание изображений божества. Н. М. Гальковский указывает, что в летописях встречаются указания на то, что, даже приняв христианство, язычники все же схо-

дятся на пиры в честь языческих идолов и «поют песнь бесовскую идолу Роду и роженицам» [16, т. I, с. 165–166]. А Б. А. Рыбаков подчеркивает, что «церковные писатели XI–XIII веков уравнивали Рода со своим верховным божеством, Богом Отцом Саваофом, творцом всего мира» [68, с. 23].

Одним из первых указаний на поклонение изображенным языческих богов можно считать слова (приводимые в «Повести временных лет») из речи греческого церковника, приехавшего в Киев, чтобы уговорить князя Владимира обратиться в христианство. Он возмущался язычеством русских: «Начаша кумиры творити, они древяны, они медяны...» «Древяны» идолы известны ученым из археологических находок, но не обнаружены дохристианские изображения богов на досках (иконы) — это пришло из Византии и не вызвало протеста в среде русских язычников, потому что они сами издревле стремились воссоздать в материале облики своих богов. Искусство иконописи распространилось по Руси уже в первые века христианизации, и не только иконописи, но и скульптуры. Например, известно пермское искусство изготовления деревянных скульптур православных божеств и святых, которые и сейчас можно видеть в церквях Перми и Пермской области.

Итак, мы видим, что в процессе борьбы с язычеством христианские церковники многое усваивали из его традиций, умело и старательно совмещая их с обликами и функциями новых объектов почитания.

Мы начали эту главу с упоминания о суевериях, и надо сказать, что этим словом в среде церковнослужителей определялась вся религия язычников, вся их вера в силу своих богов. Но по сути дела, под суеверием принято понимать веру в то, что все окружающее буквально насыщено всевозможными духами, проявляющими то доброе, а то и злое отношение к людям. По всей оче-

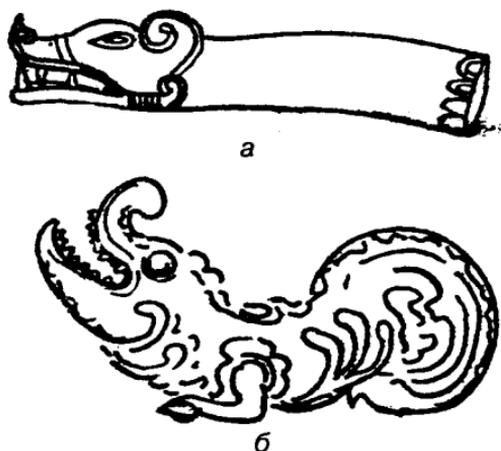

Рис. 43. К отдаленным эпохам восходит суеверное отношение к ящерам: а — древние славяне; б — Индия

видности, это восприятие действительности и такая ее оценка были изначальными, выделение группы богов из сонма невидимых существ, которым приписывалась сила влияния на все дела человека, произошло в более поздние века, когда группы жрецов стали занимать в обществе главенствующее положение.

Можно предполагать, что изначальной эмоциональной реакцией на явления природы был страх, чувство настороженности, попытки угадать суть их возможных влияний. Эти ощущения могли породить фантастические представления о каких-то существах, могущих оказывать хорошее или дурное воздействие на жизнь, на все поступки и намерения человека. По классификациям, приведенным в книгах исследователей язычества, и в частности Б. А. Рыбакова и Н. М. Гальковского, первыми из таких существ стали упыри, или вампиры, питающиеся кровью людей и даже их плотью. Тут же можно отметить, что в среде индусов точными аналогами вампиров являются так называемые пишачи, злобные невидимые твари, сосущие кровь, но это всего лишь одна из

параллелей. (Сюда же восходят и имена двух богов — Чернобог и Белобог.)

Возможно, одновременно с этими представлениями возникло и убеждение, что в водных источниках живут берегини. Это название возводят к слову «берег» в значении линии сдерживания, направления и охраны водного потока, а отсюда уже возникло представление об охране, оберегании как о главном смысле их действий. Авторы работ о язычестве усматривают наличие двух смысловых содержаний в слове «берегиня»: некоторые полагают, что оно как бы предостерегает от встреч с этими водными существами, которые могут утащить с берега в воду и утопить, а другие считают, что эти девы одаривают людей водой, снабжая ею реки, ручьи и колодцы или проливая ее с неба в виде плодородных дождей. (Этих же дев именуют в сказках русалками и вилами, их функции запутанно переплетаются в разных описаниях.)

И упырям, и берегиням следовало приносить жертвы, задабривая их. Исследователи справедливо полагают, что трудно изложить на современном языке расплывчатую сущность этих созданий человеческого воображения и трудно датировать время возникновения веры в их присутствие в окружающей природе. Уже в глубокой древности расходились (так сказать, устно тиражировались) рассказы об этих существах и их делах.

Что касается славянской среды, то до нас дошло множество устных и записанных рассказов об этих созданиях, дела которых носили и носят, как теперь говорят, виртуальный характер. Но и сейчас многие уверяют, что видели их, подвергались их воздействию, страдали от них или пользовались их поддержкой. Перечислить эти объекты суеверных представлений в полном объеме невозможно — по этой проблеме создаются отдельные книги. Но и нам, горожанам, а уж тем более жителям деревень знакомы рассказы о таких личностях, как ведьмы,

лешии, домовые, куды, оборотни, черти разных категорий, водяные, злыдни, кикиморы и т. д. и т. п.

Подобное заселение всей окружающей действительности существами, порождаемыми человеческой фантазией, характерно для всех без исключения народов. Одушевляя все вокруг, придавая облики и имена каждому явлению, как реальному, так и возникшему в воображении, человек создал чрезвычайно богатый и разнообразный мир невидимых существ. Многие из таких существ, известных разным народам Земли, обладают рядом совпадающих или сходных черт, но есть и резко различные их характеристики. Мы имеем основания полагать, что в среде индоевропейцев сохранились многие древнейшие черты сходства в определениях функций этих объектов вер и суеверий. Ведь возникали они в фантазии и воображении наших далеких общих предков в эпоху их длительного соседства в сходных условиях жизни на землях Гипербореи, то есть в Заполярье, где они и провели первую, многотысячелетнюю стадию своего формирования в родоплеменные группы и племена.

Здесь, на северных землях, проходил первый период становления норм осознания действительности, здесь начинало формироваться мировоззрение и постепенно вырабатывались общие или близкие взгляды членов взаимно близких племен. Отсюда предки индоевропейцев и унесли в земли своего дальнейшего расселения самые древние веропредставления и суеверия.

Мы вынуждены быть краткими, чтобы акцентировать внимание на прослеживании выявленных параллелей в сохранившихся с той глубокой древности верованиях у тех групп, о которых мы ведем здесь речь, а именно — у индусов и славян. Точнее, не у всех индусов, а у тех, кто донныне сохраняет религиозно-мифические представления арьев. (Мы здесь не говорим об ираноязычных арях, отделившихся от индоязыч-

ных их групп еще где-то на северных землях в неуточненное пока наукой время, а затем, в так называемое историческое время, расселившихся в основном по Ирану.)

Одна из таких параллелей — языковая. Исследования свидетельствуют о явной близости славянской и санскритской мифологической терминологии.

Приводим небольшую таблицу, так как полагаем, что нагляднее всего именно в такой форме будут выглядеть представленные вниманию читателя общие корни или сходные элементы в славянской и санскритской лексике, касающейся веры и суеверий.

Восточнославянские названия	Санскрит
<i>берегиня</i> — добрый дух, охранитель	<i>бхри</i> — оберегать, заботиться
<i>ведун</i> — знахарь, колдун	<i>вид/вед</i> — знать, ведать
<i>Велес, Волос</i> — «скотий бог»; возможно, его культ возник из культа медведя, «хозяина» шерстистых зверей	<i>вала/бала</i> — волос, шерсть <i>валин/балин</i> — волосатый, шерстяной
<i>вила</i> — точное определение невосстановимо: их считают то добрыми, то (чаще) злыми	<i>вил</i> — скрываться, разрушать <i>вайла</i> (от корня <i>вил-</i>) — живущий в ямах
<i>волот</i> — былинный богатырь, силач	<i>валата/балата</i> — носитель силы
<i>дивья</i> — богиня	<i>дивья</i> — прекрасная женщина, богиня
<i>диво</i> — чудо	<i>диво</i> — чудесно происшедший
<i>Жива</i> — богиня, мать жизни	<i>джива</i> — жизнь; <i>джив</i> — жить

Восточнославянские названия	Санскрит
<i>Живот</i> — божество жизни, жизнь	<i>дживату</i> — жизнь
<i>идол</i> — изображение объекта почитания, бога	<i>ид</i> — принесение жертвы, молитва; <i>идас</i> — объект поклонения
<i>Карна</i> — птица, плачущая о горе	<i>карунья</i> — сострадание горю
<i>кикимора, ипиимора</i> — злой дух, беспокоит ночами детей, убивает их	<i>ипиумара</i> — злой дух, убивающий ночами детей; смерть детей
<i>кудесник/чудесник</i> — владеющий заговорами, предсказатель. В. Даль: <i>кудесы</i> — <i>чудесы</i> : колдовство	<i>куд</i> — говорить обиняком <i>чуд</i> — помогать в достижении желаемого
<i>Купала, Купало</i> — божество солнца, огня. (Давняя путаница со словом «купаться».) День Купалы — праздник солнца, огня, костров	<i>куп</i> — светить, сиять, быть ярим (Возможно, от «ку» — земля, «пала» — охранитель, то есть «охранитель земли» — солнце?)
<i>Лада, Лад, Лато</i> — богиня любви, брака	<i>Лата</i> — прекрасная небесная женщина <i>лад</i> — желать, играть
<i>Лель, Леля, Лелия</i> — сын Лады, бог весны, молодости, любви. Игры и хороводы в день его весеннего праздника. Он же — <i>Ляля, Люти</i> .	<i>Лила</i> — а) хороводные игры девушек, посвященные богупастуху Кришне; б) народные спектакли о героях Кришне и Раме; <i>лал</i> — играть, танцевать <i>лалана</i> — любимый, радостный

Продолжение таблицы

Восточнославянские названия	Санскрит
<i>мава, мавка</i> — недобрый дух лесов и полей. Мава «заводит» людей	<i>мав</i> — связывать, запутывать
<i>Макошь, Мокош, Мокаша</i> — функции неясны, упоминается и в женском, и в мужском роде. Древние представления: богиня урожая; ночная пряжа, рвущая нить; покровительница мелкого скота, дающего шерсть для пряжи	<i>мокша</i> — освобождение души от тела, смерть <i>мокшака</i> — разрывающий связи (пряжа, рвущая нить жизни?) <i>макха</i> (в Ригведе) — мифическое существо; жертвоприношение
<i>Мара, Мора</i> — богиня смерти	<i>мара, мритью</i> — смерть <i>морана</i> — умирание
<i>Ний, Ния, Ниям</i> — судья в аду, воздатель за грехи	<i>Ниям</i> — следить за нарушениями запретов (религии), запрещать
<i>Сварог</i> — бог небесного света, отец Дажьбога	<i>сварга</i> — небо, небесное сияние (от корня <i>свар-</i> — сверкать)
<i>Хорс</i> — бог солнца; его имя производят от «хоро» — круг и «коло» — кольцо, колесо. Отсюда слово «хоровод», болгарский круговой танец «Хоро», а также «коловрат» — восьмиконечная свастика, славянский знак вращения солнца	<i>Кхала</i> — солнце <i>гол</i> — солнечный шар <i>гола</i> — круг, сфера. (Все три значения сближаются с «коло», возможно, более древним словом, чем «хоро».)
<i>Чур</i> — охранитель собственности, пограничный столб (чурбан)	<i>чур</i> — воровать, брать себе, присваивать

Окончание таблицы

Восточнославянские названия	Санскрит
<i>Яга</i> — ведьма, жаждущая жертвы. Ездит в ступе	<i>Яга, яджна</i> — жертва (Ригведа) <i>ступа</i> — погребальное сооружение; реликварий
<i>яма</i> — могила	<i>Яма</i> — владыка мертвых

Глава 8

КРОВАВЫЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Почти со всеми ведическими обрядами были связаны кровавые жертвоприношения. В жизни предков индоевропейцев эти ритуалы играли большую социальную роль, объединяя каждый родоплеменной коллектив. Роль каждой семейной группы и каждого члена коллектива определялась по степени его участия в этих церемониях.

Полузабытые описания этих действий содержатся в ведических гимнах, в них же встречаются и рассказы о принесении в жертву человека, что определялось словом «пурушамедха».

Реалистические и даже натуралистические описания таких ритуалов рассказывают, как приносились в жертву богам разные живые существа; преимущественное место среди них занимали быки или коровы, большую роль играло принесение в жертву лошадей, но главной и, кажется, наиболее древней жертвой был человек.

Ко времени прихода ариев в Индию эта практика была фактически изжита, но гимны, связанные с ней, все же читаются при проведении ряда богослужений.

Тем не менее в памятниках ведической литературы часто в прямой или аллегорической форме описываются пурушамедхи или говорится, что таким-то и таким-то божествам приносили раньше (или следует приносить) в

жертву человека. Так, при пурушамедхе Яме, владыке царства мертвых, следует жертвовать бесплодную женщину, а его сестре-близнецу Ями — двойню или женщину, которая рождает двойняшек.

Одно из великих ведических жертвоприношений — «раджасуя» («царское жертвоприношение») — тоже включало в себя принесение в жертву человека. Оно производилось при возведении правителя на трон, и на нем присутствовали все вассальные и дружественные правители из других царств. При его проведении обезглавливали пять живых существ, включая человека, а их головы закладывали в основание жертвенного алтаря.

Существуют данные о том, что из числа других индоевропейских народов человеческие жертвоприношения практиковали славянские язычники вплоть до XII века н. э. Говоря о Святовите в Арконе, на острове Рюген, А. С. Фаминцын пишет: «Святовит же считался богом богов. В честь его ежегодно заклался христианин» [82, с. 22]. Ссылаясь на польского историка Длугоша, он упоминает, что и у поляков «в числе жертв приносились богам и люди, взятые в плен на войне», а Гельмольд писал о западных славянах (балтийских), что «очень многие приносят в жертву и людей, именно христиан»; об этом же писали и другие авторы XI—XII веков (например, Титмар Мерзебургский и Адам Бременский). Русские язычники тоже приносили в жертву людей. Но утверждают, что балтийские славяне, западные и южные, резали жертву, будь то животное или человек, а жрецы русских язычников удушали ее. Однако, по словам Нестора, Владимир после победы над ятвягами творил «потребу кумирам с людьми своими. И реша старцы и бояре: мечем жребий на отрока и девицу. На кого же падет, того зарежем богом» — то есть можно думать, что жертву не душили, а резали, как и у других славян.

В индийском эпосе человеческие жертвоприношения нередко упоминаются уже в тоне осуждения и приписываются злодеям. Так, в «Махабхарате» Кришна обвиняет царя Магадхи, Джарасандху, в жестоком обращении с пленными царями-кшатриями и в намерении принести их в жертву Рудре-Шанкаре (то есть Шиве), а «никогда не бывает так, чтобы людей убивали для жертвоприношения богам». В наказание за злодеяния герои Пандавы убивают этого Джарасандху и освобождают плененных им царей.

Но вместе с тем в «Махабхарате» же подробно описывается процесс принесения в жертву нагов (под этим словом в науке принято понимать иносказательное наименование местных народов, сопротивлявшихся арийской экспансии). Данный эпизод известен под названием «Змеиное жертвоприношение», и в тексте говорится, что при его совершении в огне погибли «миллионы и сотни миллионов нагов». Говорится и о том, что царь Сомака, стремившийся иметь потомство, принес в жертву своего сына Джанту, разделив его на сто частей и обретя таким путем сто сыновей. В ряде памятников поздневедической литературы указывается на необходимость приносить в жертву богу Вишну только карликов. Это свидетельствует о том, что в обществе велась борьба за отказ принесения человека в жертву, но к такому отказу люди пришли постепенно, пытаясь сначала заменить нормально развитые личности аномальными. Эта борьба длилась, видимо, не одно столетие и велась как в среде арьев, так и у неарийских народов Индии.

Ряд пуран содержат конкретные предписания, касающиеся принесения в жертву человека. В «Калика-пуране» дано следующее конкретное описание, относящееся по всем признакам к ритуальной практике, связанной с неарийскими культами богинь-матерей (в частности, с разными ипостасями Кали — Чандики, Каушики

и др.). Поместив жертву перед богиней, жертвователю должен был сначала украсить ее цветами, корой и пастой сандала, повторяя мантры, предназначенные для жертвоприношения. Затем, повернувшись лицом к востоку, ему следовало оглянуться назад и прочитать мантру: «О человек, моя удача привела тебя ко мне как жертву; ты, служа к прославлению (богини) Чандики, разрушаешь все злые силы вокруг жертвующего... жертвы были созданы Самозарожденным для совершения жертвоприношений; я убью тебя сегодня, а лишение жизни в целях жертвоприношения не есть убийство». Затем требовалось осыпать цветами голову жертвы и снова прочитать мантру: «О меч, ты — язык Чандики и обитатель приюта богов; а тебя, черную и держащую трезубец, подобную последней ужасной ночи созидания, рожденную яростной, с кровавыми глазами и ртом, убранную красной гирляндой, тебя я приветствую». Убив мечом жертву, следовало поднести богине кровь, воду, соль, мед, ароматические вещества и цветы, а также отсеченную голову человека с зажженным на ней светильником, произнося при этом мантру: «Ом, айм, хрим, шрим, Каушики, тебя благодарю кровью». Говорится, что принесение одного человека в жертву убаготворяет Чандику на тысячу лет, а трех человек — на сто тысяч лет. Есть сведения, что людей приносили в жертву — причем не только богиням, но и богам — доарийские народы северо-западных областей. Так, в долине реки Ченаба, где арии некогда вели битвы с нагами, есть храм, посвященный божеству Дайт Нагу, в котором совершались человеческие жертвоприношения.

Даже в таком позднем произведении, как роман «Катхасаритса́гара» Сомадевы (XI в. н. э.), в ряду нескольких упоминаний о человеческих жертвоприношениях у разных народов содержится и описание того, как

некоему индоскифу по имени Муравара в могилу собираются бросить живыми его врагов в качестве жертв его душе.

Несмотря на борьбу с человеческими жертвоприношениями, которую вели на протяжении многих веков проповедники буддизма, джайнизма, а также некоторых школ и течений индуизма, такие жертвоприношения отмечаются иногда даже в наши дни. Чаще всего в прессе описываются случаи принесения в жертву детей. Главной причиной, толкающей людей к подобным акциям, является, как правило, желание обрести потомство (обычно мужское).

Сжигание покойника тоже рассматривалось по традиции как жертвоприношение человека. Сутра, предписывающая правила отнесения покойных на место сожжения (она содержится в «Законах Ману» и входит в V главу, одну из наиболее древних), гласит: «Не надо допускать, чтобы умершего брахмана при наличии людей, равных ему, относил шудра, ибо жертвоприношение на огне, оскверненное прикосновением шудры, препятствует доступу на небо».

Известная в древнеарийском обществе идея пурушамедхи повлекла за собой становление института религиозных самоубийств.

Самоубийства бытовые, а также совершенные из мести или под влиянием криминальных обстоятельств осуждались авторами шастр и пуран как одно из «препятствий на пути к общественному порядку». В «Артхашастре», например, говорится, что «если кто-нибудь совершит самоубийство... то [трупы] таких лиц следует передать чандале, чтобы он выволок их за веревку по главной улице, и никаких похоронных обрядов для них и связанных с ними иных действий совершать нельзя. Если же какой-нибудь родственник их будет совершать погребальные обряды, то он пойдет тем же путем впо-

следствии или должен быть изгнан своими родными (уже при жизни). А тот, кто имеет общение с таким изгнанником, должен быть сам изгнан на один год, лишаясь права совершать обряды, учить кого-либо или жениться, а также иметь какое-либо иное общение» [8, с. 240].

В «Законах Ману» осуждаются нерелигиозные самоубийства: «Пусть не совершают обряда возлияния воды для самоубийц». Однако религиозное самоубийство не считалось противозаконным актом. В тех же «Законах Ману» отшельнику предписывается доведение себя до смерти путем полного истощения: «...или, отправившись на северо-восток, ему следует идти прямо до падения тела, имея пищу в виде воды и воздуха. Брахман, избавившись от тела одним из тех многих подвигов, [практикуемых] великими риши, свободный от печали и страха, прославляется в мире Брахмы» [37, VI, 31, 32].

Много описаний самоубийств по религиозно-этическим мотивам содержится в народных сказках. В «Панчатантре», например, голубь бросился в огонь, чтобы мясом своим накормить голодного птицелова, голубка, увидев это, последовала за ним в огонь, а птицелов, стремясь очиститься от грехов, вошел в пылающий лес и тоже погиб, за что «неба удостоился».

Вся индусская литература изобилует подобными примерами. Образцом принесения себя в жертву считается и часто воспеваемый в преданиях ведический мудрец Дадхича (или Дадхьянч), который отдал свою жизнь богам во имя того, чтобы Индра мог сделать из его костей оружие для поражения асуров.

Из некоторых произведений средневековой литературы мы узнаем и о массовых самоубийствах.

Законоуложения древней и средневековой Индии отражают борьбу с такими тенденциями: авторы шастр и сутр продолжают осуждать и запрещать самоубийства.

В памятнике VI–VIII веков н. э. сказано, что тело самоубийцы надо измазать нечистотами, а его родственников оштрафовать и подвергнуть наказанию, указывается также, что нельзя оплакивать самоубийцу и что жертвоприношения на их поминках расхищают ракшасы.

В средневековье на юге Индии засвидетельствованы факты принесения в жертву богам, и главным образом богиням, отрезанных кусков собственной плоти, что нашло отражение и в скульптурных композициях. На юге, в основном среди тамиллов, был распространен обычай (существующий там и в наши дни) подвешивать себя на крюки, воткнутые в тело, или протыкать и ранить кожу до крови; эти же действия совершаются на празднике Катарагамы (у цейлонских тамиллов). В Бенгалии и в наше время часты случаи, когда женщины обещают богине Кали свою кровь за исполнение какой-нибудь мольбы. Если желание сбывается, они ранят себя перед изображением богини в храме, куда ходят совершать пуджи данная семья, или перед статуей Дурги в дни ближайшего праздника Дурга-пуджи.

Широкое распространение получили такие формы религиозного самоубийства, как самоутопление и самосожжение. По нашему мнению, последнее непосредственно связано с арийским культом Агни и не было свойственно доарийскому населению страны, тогда как самоутопление, возможно, следует связывать с культовой практикой именно этого населения. В процессе слияния культов оба способа ритуального самоубийства распространились по всей Индии.

Наиболее широкий характер религиозное самосожжение приобрело, конечно, в форме *сати* — самосожжения вдов. Обычай самоубийства или убийства вдов восходит к глубокой древности. Он был известен, судя по археологическим данным, и на территории Восточной Европы. О погребальном обряде протоарьев на

этих землях и на путях их продвижения в Индию можно судить по обрядам, генетически воспринятым их потомками, которые продолжали селиться на территории степной Евразии в I-м тысячелетии до н. э. Следует обратить внимание на хорошо известные скифские погребения. Скифы практиковали обычай убийства женщин и захоронения их тел вместе с телами их мужей.

Ведический погребальный обряд был, несомненно, принесен древними арьями из областей их формирования и поэтому, подобно другим сторонам культоритуальной практики, сохранял в своей основе древние черты. В языке, видимо, сохранялась и сакральная лексика, соотносимая с этими чертами. Так, обычай самоубийства (или убийства) вдовы и последующей совместной кремации (или захоронения) тел обоих супругов или же самоубийства путем сжигания себя заживо на погребальном костре покойного мужа именуется «сахамарана» («совместная смерть») или «сахагамана» («совместный уход»). Обычай же, в соответствии с которым женщина убивала себя при получении известия о смерти мужа вдали от него, именуется «анумарана» («умирание вслед») или «анугамана» («уход вслед»).

Ученые не пришли к единому мнению о времени возникновения обычая сати — религиозного самоубийства женщин. В Ригведе есть погребальный гимн, содержащий обращение к вдове. Ей предлагается «восстать к миру живых», оставить тело покойного, рядом с которым она ложится; можно понять и так, что ей предлагается снова выйти замуж. Мертвое же тело должно быть положено в землю и засыпано землей (землю просят не давить покойного, быть нежной, как шерсть, и легкой для этого тела) [X, 18]*).

* Ср. русское традиционное «Да будет земля тебе пухом».

Таким образом, мы имеем основание полагать, что упоминавшийся погребальный гимн из поздней, X мандалы Ригведы отражает изменения в социальных отношениях и ритуале, возникшие у арьев после прихода на территорию Индии под влиянием культурно-ассимиляционных процессов. Ближайшие контакты арьев с местными народами (в среде которых были широко распространены матриархальные институты) стали постепенно изменять их обычай парных погребений, но это было временным подавлением практики умерщвления вдов; даже под влиянием религиозно-правовых установлений доарийского населения Индии арьи полностью не прекратили приносить женщин в жертву (богам или душам покойных мужей — нам неизвестно). Если бы это было не так, то в более позднюю эпоху практика сати не стала бы столь массовой в среде народов — носителей индоарийских языков. К тому же не следует забывать и о том, что женщины в патриархальном обществе арьев занимали подчиненное положение. Авторами «Законов Ману», например, модель поведения женщины сформулирована следующим образом: «Женщиной — в детском возрасте, молодой или даже пожилой — никакое дело не должно исполнять по своей воле, даже в [собственном] доме. В детстве ей полагается быть под властью отца, в молодости — мужа, по смерти мужа [под властью] сыновей: пусть женщина никогда не пользуется самостоятельностью...» [37, V, 147, 148].

Судя по ряду разъяснений и уточнений, содержащихся в памятниках ведической литературы, видно, что воздействие культовой практики доарийских народов все же заметно отразилось на обычаях арьев. В тех же «Законах», например, женщине после смерти мужа вместо самоубийства предписывается лишь соблюдение целомудрия: «...после смерти мужа ей не следует произно-

сать даже имени другого [мужчины]... Ей полагается до смерти быть терпеливой, чистой, целомудренной». Говорится, что в результате такого поведения женщина после смерти встретит мужа на небе. В приведенных цитатах очень четко очерчена дхарма женщин, ставшая нормой индуизма. Высшей наградой для женщины является достижение ею после смерти местопребывания мужа. Это утверждение не может являться ничем иным, как прямым развитием древней традиции, предписывающей жене не разлучаться с мужем и в загробной жизни.

Завершив на этом обобщенный разбор вопроса о принесении в жертву человека, рассмотрим обряд жертвоприношения животных. Именно они в течение многих и многих тысячелетий являлись главными жертвами как богам, так и душам умерших предков.

В жертву издревле приносили главным образом домашних животных и птиц, возливая в огонь и на жертву топленое масло, воду, ароматические вещества, специи. Принесение в жертву животных включало в себя совместное поедание их мяса, то есть совместную трапезу всех членов данного коллектива. Возможно, именно вследствие этого описание процесса жертвоприношения часто напоминает описание приготовления мясного блюда.

Славяне также, по древнему обычаю, ели мясо жертвенных животных на общей трапезе [36], то есть бытовое действие (умерщвление скота и приготовление его мяса, пригодного для принятия в качестве пищи) освящалось и воспринималось как сакральное. Принося, например, в жертву быка, козленка или барана и поедая затем мясо этого животного, жертвователи верили в магическую силу этого действия, которое должно было привести к умножению стад, то есть к увеличению количества мяса, необходимого как для питания

членов племени, так и для дальнейших жертвоприношений. Убить животное и сварить или обжарить его на огне только ради собственного питания и не поделиться при этом его мясом с богами и душами предков было актом запретным, да и просто невозможным. Даже сама мысль об этом считалась кощунственной, как явствует из ряда указаний, содержащихся в памятниках. Таким образом, издревле питание людей мясом домашнего скота опосредовалось через идею о необходимости принесения его в жертву.

В «Законах Ману» точно оговаривается, какое именно мясо и как именно следует приносить в жертву и есть: «Животные самим Самосушим созданы для жертвоприношения, жертвоприношение — для благополучия всего этого [мира]; поэтому убийство при жертвоприношении — не убийство» [37, V, 39].

Трудно с точностью установить ценностную шкалу жертв в ведическую эпоху. В разных памятниках литературы, и прежде всего в самих Ведах, не содержится четких определений ценности жертв. Несомненно, однако, что после человека наиболее ценной жертвой считались два животных — лошадь и корова.

Судя по оценкам результатов исследований, можно думать, что у пришедших в индию арьев лошадь стала считаться более ценным предметом жертвоприношения, чем корова. Ашвамедха (то есть принесение в жертву коня) могла проводиться только царями. Она приобрела не столько ритуальный, бытовой, сколько ритуально-политический характер. Весь церемониал ашвамедхи занимал длительное время и был направлен на утверждение власти царя, на то, чтобы заставить правителей захваченных им земель признать главенство завоевателя. Больше того, в сам ритуал ашвамедхи включался захват новых земель, так как коня, выбранного для жертвоприношения, отпускали сначала на все четыре стороны и он

в сопровождении царского войска свободно бродил в течение целого года. Земли, по которым ступали его копыта, считались после этого присоединенными к государству, где правил царь — хозяин коня.

Очевидно также, что войско не просто следовало за конем, а незаметно направляло его в нужную сторону, способствуя расширению границ своего царства, хотя в литературе и устных преданиях путь коня отождествляется с велениями богов и самой судьбы.

В книге «Ашвамедха-парва» «Махабхараты» указывается даже на необходимость проведения обряда, символизирующего оплодотворение царицы кровью жертвенного коня. Этот обряд не нашел, насколько нам известно, точного описания в сакральных текстах. Очевидно, он относился к числу тех, которые надо было исполнять в соответствии с устной традицией. В «Махабхарате» говорится, что таких обрядов было несколько. В «Ашвамедха-парве» сказано только, что царица Драупади по просьбе жрецов, расчленивших коня, подошла и села возле него. Есть и другие свидетельства о том, что старшая жена царя ложилась возле убитого коня и на некоторое время их накрывали тканью. Разъяснялось это так: царица жаждет потомства и поэтому совершает это действие, а жрецы в это время читают соответствующие мантры.

Известно, что у всех древних индоевропейских народов кровавые жертвоприношения занимали очень большое место в их культовой практике. Например, принесение богу солнца в жертву (или посвящение ему) коня — символа солнца — отмечено и у древних римлян, и у всех славян, и у германцев — словом, по всей территории исторического расселения индоевропейских народов.

В культурах славян конь играл огромную роль. На Украине было принято зарывать конскую голову в плоти-

ну, чтобы ее не смыло водой. Во многих местностях России и Украины конские головы в Ивановскую ночь бросали в костры. В Белоруссии верили, что конский череп, насаженный на палку и помещенный вблизи табуна, охраняет лошадей. У западных славян конь был посвящен богам Ретры. У восточных славян в дни летнего и зимнего солнцестояния проводились праздники, в которых участвовали ряженные, изображающие солнце в образе коня. На острове Коневец в Ладожском озере еще в XV веке приносили в жертву коней. На крышах домов в славянских поселениях искони помещали разных деревянных коньков и т. д. Следы древнего почитания коня и особой магической и культовой его роли сохранились во множестве русских обрядов, а также сказок, былин, песен, заговоров, причем часты как прямые, так и аллегорические упоминания о принесении коня (конской головы, конских костей) в жертву. Конские скелеты встречаются и в погребениях восточных славян I-го тысячелетия н. э., не говоря уже о скифо-сарматских погребениях.

Сопоставляя все эти сведения с данными о практике ашвамедхи у арьев, можно полагать, что конь был одним из важнейших объектов жертвоприношения на всей территории складывания и миграции индоевропейских племен.

Широко встречаются также указания и на принесение в жертву славянским языческим богам других животных, причем не только в период, предшествующий христианизации, но и в XIX и даже в XX веке (хотя в основном уже в пережиточной форме).

Выше уже упоминалось, что человеческие жертвоприношения практиковались славянами на Руси вплоть до X века, а у балтийских славян — до XIII века. Летописи содержат много свидетельств о частом принесении в жертву животных и о ритуальном кровопитии.

Рис. 44. Богиня Кали, супруга Шивы, в гневном облике.
Деревенский настенный рисунок

В своей летописи Нестор под 980 годом писал о богах Киевского пантеона: «Жряху им, наричюще я боги... оскверняху землю теребами своими, и оскернися кровьми земля Руска и холм от». Широко известно свидетельство Ибн Фадлана о кровавых жертвоприношениях, проводившихся русами в начале X века во время торжищ на реке Итиль.

Несколькими веками позже архиепископ Новгородский и Псковский Макарий писал Ивану Грозному, что во многих русских местах вокруг Новгорода, по Ладогe и Неве «обычая держакхуся от древних прародителей... и жертве приношаху кровную бесом волы и овцы, и всяк скот и птицы» [68]. Таким образом, мы видим, что у этой группы индоевропейских народов, несмотря на активнейшую борьбу христианства с языческой обрядностью, пережитки культовых и магических жертвоприношений наблюдались очень долго.

О кровопитии и о том, что русские язычники пили молозиво, то есть молоко, еще содержавшее кровь после отела, упоминается как о запретных деяниях во многих «Почениях».

О кровавых жертвоприношениях упоминается в «Слове некоего Христолюбца» (XIV в.) и в «Слове Григория Богослова о том, како погани суще языци кланялися идолом» (XI в.).

В современной Индии практика кровавых жертвоприношений еще далеко не изжита. Богине Кали ежедневно приносят в жертву кровь животных черного цвета — от петухов и козлят до буйволов. Это имеет место в среде шиваитов-шактистов, а также в средних и низких кастах. Но уже нередко кровь животного символизируется красным порошком или пигментом, наносимым на изображение божества или на его алтарь.

Нельзя не упомянуть об интереснейшем разговоре некоего аскета с жертвователем (он излагается в одной из книг «Махабхараты» — в «Ашвамедхапарве»). Увидев приготовления к умерщвлению жертвенной козы, аскет сказал: «Это убийство». Но присутствовавший жрец объяснил, что эту козу ждет добро и что отныне все, чем она обладает, сольется с природой. На это аскет возразил, что в таком случае плоды от подобной жертвы должны получать другие козы, люди же не должны для своей выгоды, услуживая богу, убивать коз. Жрец в ответ пояснил, что каждый из нас непрерывно кого-то убивает, когда поглощает воду, воздух и все излучения природы, так как все это населено невидимыми живыми существами, — а значит, без убийства жить нельзя.

Эта беседа явно относится ко времени борьбы против кровавых жертвоприношений и показывает трудные и извилистые пути этой борьбы.

Культ коровы в Индии тоже, вероятно, является исторически трансформированной идеей жертвоприношения.

Следует подчеркнуть, что культ коровы опирается в этой стране на вполне материальные, жизненные причины. Он не мог бы существовать в течение двух тысячелетий, будучи поддерживаем только религиозными предписаниями, если бы за ними не стояли реальные условия человеческого быта. Во-первых, городские коровы поедают все пищевые отходы растительного происхождения, бумагу и тряпки на улицах — без этого трудно было бы поддерживать жизнь городов на должном санитарном уровне в климатических условиях Индии. Во-вторых, коровий навоз служит топливом для большей части крестьян и большинства городских жителей страны, а также используется при кремации покойников в бедных и низкокастовых семьях. Наконец, навоз

и моча коровы применяются в традиционной медицине как сильное бактерицидное средство. Все эти обстоятельства и являются причинами неизменного фанатичного убеждения индусов в том, что кормление коровы, уход за ней и готовность защищать ее жизнь являются величайшими религиозными заслугами, разновидностью жертвенного поднесения коровы богам.

Глава 9

БЕСКРОВНЫЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Под влиянием ли буддизма или джайнизма, ритуально-богослужебные действия которых совершенно исключают пролитие крови и любое нанесение вреда жизни какого-либо существа, или под воздействием новых жизненных обстоятельств и природных условий, вынуждающих беречь скот, но только в поздневедической литературе, особенно в той, что связана с вишнуизмом, прослеживаются запреты на принесение богам кровавых жертв.

Во время бескровных жертвоприношений в храмы к подножиям изображений божеств люди возлагают, а иногда передают жрецам цветы, плоды, листья священных деревьев, ароматические палочки (причем красный порошок считается символической заменой крови), а также деньги и драгоценности. Приносят, как это до сих пор делают и славяне, вышитые или узоротканые вещи, гирлянды и другие подобные предметы. И индусы, и все индоевропейцы безоговорочно признают необходимость возжигания огня перед изображениями богов, но в западных краях зажигают свечи и лампы, а в Индии затепливают ароматические палочки, видимые в помещениях храмов или домов как светящиеся угольки. Подношение продуктов монастырям и храмам —

необходимая, всеми признаваемая акция. В Индии в любом храме или при проведении любой богослужебной церемонии можно видеть, как молящиеся подносят божеству тарелку, на которой лежит немного риса, сладостей, несколько плодов и т. п., и жрец, трижды сделав этой тарелкой круговое движение, отделяет часть принесенного («для бога»), а остальное возвращает молящемуся как освященное. Вариант такого обряда мы можем и сегодня наблюдать у нас при освящении вербы, яблок, меда, пасхальных яиц и куличей.

У всех народов мира и священнослужители, и прихожане обращают к небу свои голоса при звучании музыкальных инструментов. Всем известно, что только в славянском православии исполнение молитв не сопровождается музыкой, — возможно, раньше так проходили и богослужебные церемонии арьев, нам это неизвестно. У православных нет ни органной музыки, ни барабанов и бубнов, из музыкальных инструментов повсеместно используется лишь колокол. Звучание колокола является тоже одной из разновидностей бескровных жертвоприношений, такой же, как и пение молитв. Но не тех молитв, которые сводятся к обращению к богу (богам) с просьбами, а тех, что поются во имя прославления божества. Много веков назад родилась удивительная красота подобных хоровых и сольных песнопений, известны и имена великих композиторов — их создателей. В Индии больше, чем в других странах, развит этот вид ритуально осмысленного принесения богам в жертву голосов и слов человеческой речи. Можно полагать, что множество вариантов такого рода бескровных жертвоприношений сложилось в результате сочетания арийских и доарийских молитвенных служений, проводимых и без сопровождения музыки, и под игру на разных народных инструментах.

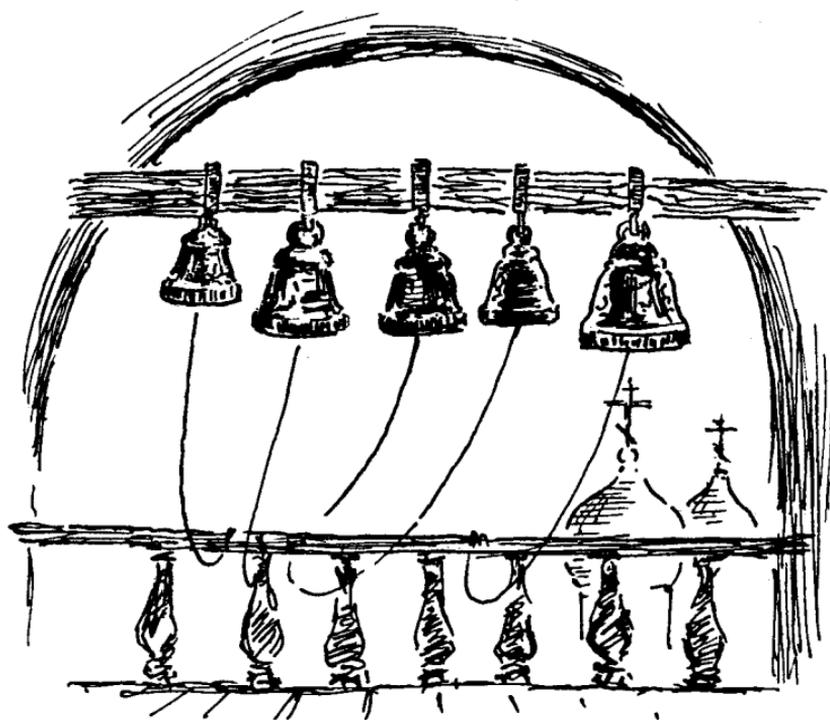

Рис. 45. Русская колокольня

В этой стране отмечается очень много праздников, и в их ряду наиболее, пожалуй, заметное место занимают праздники — как большие, так и мелкие, почти ежедневные, — посвященные богу Кришне. И постоянно к нему обращают свои песни-воспевания женщины: девушки видят в нем своего возлюбленного жениха, замужние — своего мужа и, главное, сына, а вдовы воспринимают его как невидимое, но присутствующее всегда рядом с ними воплощение своего покойного мужа. Именно эти формы его восприятия положили основу той ветви индийской литературы, которая известна под названием религиозно-эротической лирики, о чем уже говорилось выше.

Произнесение имени бога вслух или про себя тоже считается жертвоприношением слова, и особенно ценным является многократное (тысячекратное) его повторение.

(О том, что танец тоже воспринимается как вид приношения бескровной жертвы, мы уже упоминали, но его корни уходят в глубину доарийской цивилизации Индии. Они связаны с почитанием бога Шивы и культом богинь-матерей и в некоторых течениях индуизма неотделимы от сексуальных контактов, тоже воспринимаемых как форма служения богу.)

Возвращаясь к разговору о роли слова, скажем, что немалый интерес вызывает возможность сопоставить славянские и санскритские термины, относящиеся к богослужебной речи (и пению). Есть основания включать производные от санскритского глагольного корня *-рк/рч/рг-* и от славянского корня *-рк/рч/рц-* в семантический круг древней лексики, связанной с понятием жертвенной жреческой возбужденной речи. В ведическом и классическом санскрите есть ряд образований от корня и основ *рич-*, *арч-*, обозначающих сакральные действия и предметы почитания: «арка» — молитва, гимн, певец; «арчака, арчана» — прославляющий, молящийся, «арча» — изображение бога, идол. Не исключено, что в свете этих сопоставлений будет правомочной постановка вопроса и о названии Аркона — места славянских храмов на прибалтийском острове Рюген как места для произнесения «арка» — прославительных гимнов перед изображениями языческих богов. Возможно, что аналогичным происхождением обладает и название открытого на Южном Урале круглого поселения (протогорода?) ираноязычных арьев-андроновцев — Аркаим; так же называется и близлежащая гора, на вершине которой были обнаружены следы зольника (жертвенника?).

Здесь небезынтересно упомянуть о богатстве словообразований от этих корней, соотносимом в русском языке именно с возбужденной речью, как бы подсказанной эмоциональным напряжением. Такой процесс исконно неотделим от вознесения слова к богу (хотя в приводимых ниже примерах он с таким вознесением и не связан): «аркать» — крикливо говорить, вздорить (Урал); «аракать» — кричать, шуметь (Тобольск), крикливо говорить, браниться (Свердловск); «аркаться» — браниться (Вятская губерния).

Рис. 46. Нага-садху (нагой аскет) проповедует на улице города. Северная Индия

Весь прогресс человеческого общества не мог и не может искоренить из веропредставлений, свойственных всем народам, глубокого убеждения в том, что богам необходимо приносить хоть какие-нибудь пожертвования, привлекающие к молящимся их внимание и заботу. В число жертвоприносительных действий вошло и добровольное наложение на себя разных запретов, принятие обетов, длительные или краткие посты, отказы от тех или иных радостей жизни, обязательность участия в крестных ходах и паломничествах, отказ от ношения того или иного вида одежды или вообще от одежды, разные виды самоистязания и т. п.

Одно из ведущих мест в этой категории действий занимает отшельничество. В славянских преданиях есть описания ухода в монастыри, в уединенные скиты и т. п. В индуизме отказ от социальной жизни считается последней стадией жизни (так называемым четвертым «ашрамом»). В Индии, как и в среде славян, считается важным поднесение пищи или возлияний (на землю, в очаг или на могилу) душам предков как форма жертвоприношения. Одной из этих форм издревле признается оказание гостеприимства и подача милостыни. Отказ от таких действий считается грехом, как и отказ в помощи вдовам и сиротам. Известны слова, что «за это бог накажет».

Действиями, которые издревле считались богоугодными, а значит, тоже играли роль жертвоприношений, были проявления заботы о природе и обо всем, что считалось носителем жизни, включая животных, насекомых и растения. Первое место здесь занимало почитание матери-земли, с чем было связано (связано и сейчас, особенно в среде индусов) много обрядовых действий. Перечисление таких действий, в Индии носящих открыто жертвоприносительный характер, заняло бы здесь много страниц. Вспомним еще раз, что в русской среде

Рис. 47. Садху просит подаяние у царя.
Традиционный рисунок

и сейчас сохраняется празднование дня именин земли, когда не следует копать и пахать; Духов день — это тоже почитание земли; древнее почитание «скотьего бога» Велеса сохранилось как Власьев день; день святых Фрола и Лавра — это именины лошадей; день Зосимы

и Савватия — это именины пчел, есть праздники освящения меда и яблок и т. п. Все это — пережитки древних видов бескровных жертвоприношений.

Выше мы упомянули о случаях жертвенного возливания напитков. Остановимся на этом более подробно, обратив внимание прежде всего на близость в славянских языках (в частности, в русском) и в санскрите лексики, которая семантически связана с процессом питья.

Для начала приведем несколько примеров из словарей в качестве наглядных иллюстраций (поставим здесь вначале санскритские слова, а за ними их переводы на русский язык):

па, пи — пить

пита — (было) пито

пити — глоток

пиба — пьющий

пейя — то, что пьют

пиюша — пьянящий

питух — пьющий

пива — вода, напиток

Этому краткому списку нельзя отказать в наглядности, тем более что в текстах он значительно расширяется, порождая новые варианты.

Остановливаясь на этом вопросе, необходимо уделить побольше внимания значимости упоминавшегося выше «напитка бессмертия», известного в ведической литературе как *сóма*. Что мы о нем знаем? То, что в Ведах его воспевают как главный вид принесения жертвы богу Индре, а равно и то, что его предназначали для питья не только богу, но и жрецам и общинникам-жертвователям. Приготавливали этот напиток в больших количествах и многословно воспевали его опьяняющую силу. Из чего приготавливали? Что придавало ему опьяняющую силу? Окончательных ответов на эти вопросы пока нет. Есть догадки, и только.

Представительница российской науки, наша современница санскритолог Т. Я. Елизаренкова, издавшая

все десять мандал Ригведы на русском языке [64–66], не только сопроводила тексты гимнов подробными сносками и комментариями, но и включила в последний том свою статью о соме. В статье приведены сведения о накопившихся в науке попытках решить эту задачу, особо важную еще и потому, что сома посвящена отдельная, девятая, мандала Ригведы, да и в других главах упоминается этот напиток. В указанной статье перечислены почти все имена ученых, пытавшихся решить эту древнюю задачу. Почти все считали, что основную роль играло какое-то растение, упоминаемое в гимнах тоже под названием сома. Но какое? Почти все западные переводчики Ригведы дают картину извлечения из этого растения сока путем выдавливания его из стеблей (ветвей) с помощью камней (жерновов). Многие сходятся на том, что это должна быть эфедра, другие полагают, что использовались зерна горчицы, дикая рута, разные виды акаций, а в Америке даже высказали мнение, что это были мухоморы, потому что сибирские шаманы впадают от их сока в галлюцинозное состояние (которое, кстати, в Ригведе и не описывается). В этой статье совершенно правильно подчеркивается, что сома была напитком опьяняющим, и приводятся многие подтверждающие примеры. Но тут же говорится, что она придавала состояние бодрости и творческого возбуждения. Собраны по многим местам текстов описания выжимки сока и очищения его через ситку из овечьей шерсти. Исследовательница тщательно собрала некоторые подробности в описании процесса, в том числе указания на шум, издаваемый приготовленным напитком, разливание его по деревянным сосудам или кувшинам, — словом, отмечено многое, чего читатель сам и не заметил бы при чтении Ригведы. Но снова нет ответа на вопрос: а что такое эта сома?

К сожалению, мимо внимания исследовательницы прошли изредка встречавшиеся в научных трудах догадки о том, что бесконечно повторяемое слово «сома» может означать «хмель». Заметим, что данные слова совпадают по своим коренным согласным: «см» — «хм». Нет, это не эфедра, сок которой в минимальных дозах используется в медицине, а в максимальных может нанести человеку тяжелейший вред, вплоть до летального исхода, и не грибы, вообще не входящие в число растений. С наибольшей вероятностью, это хмель, от которого производятся в славянских языках такие слова, как «хмельной», «хмелеть», «опохмелиться» и т. п.

Все искатели смысла в растении под названием сома даже не заметили, что *уже в XIX веке* один из ведущих санскритологов Макс Мюллер и его современник индийский ученый Раджендралала Митра *упоминали о том, что в Ригведе имеется в виду хмель*. Эту их точку зрения подчеркивали и английские авторы двухтомного «Указателя ведических имен и предметов» [89, т. II, с. 475].

Если мы займемся простым количественным подсчетом указаний в Ригведе на то, сома действует на бога Индру и на человека, то увидим, что ведущее место занимают упоминания об опьянении — свыше 70 гимнов лишь девятой мандалы воспевают именно это его качество. Приведем из этого множества лишь несколько эпитетов: «самый пьянящий», «возбуждающий опьянение», «сок для радостного опьянения», «очищайся для опьянения», «желанный пьянящий», «наливайте сому, опьяняющего Индру», «к Индре пусть пойдет это опьянение» и т. д. и т. п.

Во многих гимнах указывается на то, что пьют отнюдь не чистый сок растения сомы, а проводят долгий процесс изготовления напитка из него. Говорится, что

доводят до набухания то ли это растение, то ли нечто другое, — и вот тут надо заметить, что проскальзывают упоминания о *ячмене*. Затем затирают его камнями, заливают водой, цедают, отстаивают, смешивают с сомой; в этом процессе напиток «рычит, мычит и ходит кругами по чану», что можно воспринять лишь как рассказ о шуме брожения. Указание на набухание некоего исходного материала напитка сомы упорно наводит на мысль о зерне, из которого таким путем добывается солод. Спросим: о каком зерне? Вспомнив о теплом климате областей древнейшего расселения арьев и обратившись к В. Далю, увидим, что ячмень определяется как «самый северный колосовой хлеб». А в 23-м гимне первой мандалы говорится и о пахоте, и о том, что бога Пушана, покровителя хозяйства, просят помочь вспахать на быках поле *для посева ячменя*. И в книге «Ведическая Индия» указывается, что одна из разновидностей напитка сомы (а их вообще-то упоминается три) изготовлялась *из смеси с ячменем* [92, с. 396] и что у древних арьев сома была крайне популярным напитком. (В скобках следует согласиться, что такое замечание довольно заметно снижает воспеваемую святость ведической сомы!)

Запомним эти данные о ячмене и поговорим о соме как о хмеле.

Древние арьи и другие уже не раз упоминавшиеся здесь предки индоевропейцев знали на своих землях не только «густой злаково-травянистый покров почвы», но и леса. В лесах вполне мог произрастать и хорошо известный нашим северянам хмель — вьющееся растение, поднимающееся по стволам и ветвям на очень высокие деревья. Глагол «хмелевать» означает в русском словаре «идти в лес собирать шишки хмеля» (для приготовления пьянящего напитка нужны именно шишки, где на тычинках содержится «цветень» — пыльца: «хмелевой цве-

ть одуряет» [29, т. IV]). За шишками на высокие деревья нелегко залезать, поэтому собирают на земле шишки, сброшенные птицами (по легенде Вед, сому-растение принес людям орел или сокол — видимо, это просто мифологизированный образ птиц, невольно помогающих людям). Иногда исследователи буквально понимают слова Вед о том, что сому приносят птицы с высоты гор или неба, но, заглянув в санскритский словарь, можно увидеть, что также словом «парват» обозначается и любое высокое место, любая высота, а значит, и высота дерева.

О том, что хмель был хорошо знаком арьям и они его использовали для приготовления напитков, говорится в некоторых памятниках древнеиндийской литературы, где прямо указываются условия выращивания и сохранения этого растения. Так, в великом своде законов, в «Артхашастре» (III в. до н. э.), это растение перечисляется в составе «ценных деревьев» [8, с. 105], и названием его служит слово *сомавалка* [8, с. 608]. Там говорится, что «царь должен предоставлять брахманам леса для... разведения сомы» [с. 65], и сообщается, что на равнинах, «на высоких местах» есть «рощи растений сома» [с. 183]. Это можно понимать только как рощи деревьев, обвиняя которые вызревает хмель. Следует процитировать также и комментарий к «Артхашастре»: «Сома — весьма древнее, очевидно вьющееся растение... Сомой называется и сок этого растения, *хмельной напиток*, который употребляется при жертвенных возлияниях и почитается священным. Его выжимают жрецы из стеблей растения сомы, затем омывают водой и процеживают через сито...» [с. 583].

Итак, выстраивается некий смысловой ряд: ячмень... хмель... и слово «пива». Есть и еще слова, наводящие на ту же мысль: а действительно, не была ли эта сома пивом?

Есть в санскрите и такие слова, как «сома-па» — пьющий сому, а есть и другое в том же значении — «сома-пивон». Но есть даже и такое, которое довольно точно указывает на избыточную любовь к соме: «сома-вамин» — перепивший сомы до рвоты. (Тут, как кажется, пояснений не требуется.)

Если мы остановимся на мысли о том, что в той глубочайшей древности арьи (а значит, и прочие предки индоевропейцев, бывшие их соседями, а возможно, частично и родней) *знали сому как пиво*, то проверим себя еще раз насчет ячменя. В самом полном словаре санскрита [90] мы обнаруживаем ряд слов, употребляемых в Ригведе, которые указывают на использование ячменя: «ява» — ячмень, «явадат» — выращивающий ячмень, «ява-ад» — поедающий ячмень, «явайю» — жаждущий этого зерна, «ява-ашир» — смешанный с ячменем, «яванала» — ячменная солома, и, наконец, следует прямо подчеркнуть слово «явья», бывшее именем группы ведических риши, которое напрямую связывает их смысл с процессом производства сомы именно с применением ячменя.

А как готовят пиво в нашей стране? Оказывается, есть разные способы — более просто делают деревенское пиво, более сложно — фабричное.

Судя по письменным указаниям, замачивают ячмень (можно рожь, пшеницу, овес), чтобы проросли зерна и образовался солод. Подсушенные затем зерна «затирают» — перетирают, дробят *камями, смешивают с водой*, причем осахаривается крахмал, отфильтровывают сусло, кипятят с хмелем, добавляют дрожжи для брожения, снова очищают и разливают по сосудам. Есть уточнения, что можно обойтись и без дрожжей, их роль может играть естественно забродивший с сахарами солода крахмал зерна.

В Ригведе восхваляется лишь та группа жрецов, которая занималась замешиванием солодового затира, про-

цеживанием суслу и наблюдением за бродильным процессом с последующим разливанием напитка по чанам. Но упоминается постоянно и некая работа *по дроблению затира камнями* — это был нелегкий труд, и занимались им, видимо, жрецы более низкой категории. Музыка же грохочущих камней воспевается не раз. Выявляется аналогия между описанным затиранием солодового зерна и деревенским затиранием. В Ригведе упоминается о том, что размол камнями проводился в больших кожаных мешках из бычьих шкур, и этим якобы поясняется «выдавливание сомы» из растения, а на деле добывался солод из зерна: «Выжимайте же сому камнями, полощите его в воде» [VIII, I]. При изготовлении деревенского пива проросшее зерно туго набивают в грубые мешки и тоже дробят камнями.

В новом интересном исследовании о варке пива Т. Андреевой [6] приводятся ценные материалы, собранные исследовательницей на русском Севере и полученные от стариков информаторов, хранящих старые рецепты. Пиво в больших количествах варили ко многим праздникам. И тот факт, что это считалось ритуально обязательным, говорит о большой древности традиции. Именно в этой статье описано это дробление проросшего зерна в мешках. В четвертой мандале (гимн 24) говорится о *варке сомы*, что и совпадает с привычным понятием *пивоварения*. И большой разницы в процессе не прослеживается (возвращаясь к вероятному отсутствию в древности дрожжей, скажем еще, что и в наше время иногда закваской служит настоящая в тепле смесь суслу, меда и муки, а о добавке именно меда к готовящейся соме вспоминается в Ригведе множество раз).

Обычно исследователи Ригведы не сосредоточивают своего внимания на частых упоминаниях в текстах соломы и воспринимают ее в качестве подстилки из жертвен-

ной соломы. А речь-то, вероятно, идет о другом — о том, что не только цедилка из овечьей шерсти (как почти все переводят указания на фильтровальное устройство) использовалась для очистки сусла от дробленого зерна, а впоследствии, после того, как забродит, и от остатков хмелевых шишек. Использовалась для фильтрации также и солома: дно смесительного чана и сейчас устилается соломой, придавленной грузилами через ткань. Солому же кладут на палочки, положенные на венчик сосуда, в который сливается сусло. Через соломенную затычку в отверстии чана выпускается напиток. Так что солома не зря упоминается в Ригведе.

Вот процесс варки в древности неясен. Нет указаний на металлические сосуды, но постоянно — свыше 40 раз — в описаниях упоминаются емкости из дерева. Как в них прогревали смесь, как варили? Не от тех ли далеких времен сохранился широко применяемый у нас метод прогрева и даже доведения пива до кипения путем опускания в раствор раскаленных камней? Ведь в Ригведе постоянно восхищаются ревущими камнями — только ли теми, которыми дробят проросшее зерно?

Необходимо провести строгий технологический анализ гимнов, связанных с процессом приготовления «загадочной сомы».

В одном из новых изданных в Индии словарей, а именно у Апте [91], приводится слово «явасура», которое переводится как «пиво» и поясняется как «пьянящий напиток из ячменного зерна». Ничего нам не удалось больше обнаружить о нагревании и кипячении. Но нельзя молча проходить мимо, скажем, 89-го гимна восьмой мандалы, в котором жертвенный напиток, подносимый богу, определяется словом «гхарма» — теплый, нагретый, горячий, да еще в 83-м гимне девятой мандалы указывается, что «достигнуть этого» может лишь нечто «вареное», а «сырое» не может.

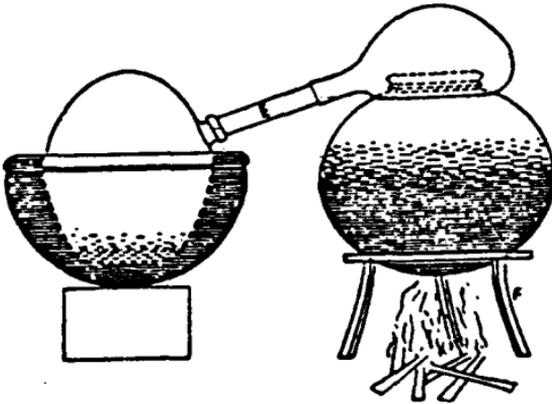

Рис. 48. Перегонный аппарат из Пенджаба.
Рубеж н. э. Реконструкция

Необходимо всегда помнить о том, что под названием «сома» в Ведах упоминаются (или, по первому впечатлению, как-то вразнобой описываются) *три вида напитка, носящего это название*. Да и словарь санскрита указывает, что известны *три вида сомы*, различавшихся по исходным (или использованным частично?) материалам. Отдельно от приготовленной на ячмене сомы упоминаются и ее смеси с обычным или кислым молоком.

О чем можно думать, когда встречаются в гимнах слова о разных названиях этих смесей? Упомянутый выше «Указатель ведических имен и предметов» приводит эти названия: «гавашир» — смесь с молоком, «дадхьяшир» — смесь с кислым молоком и уже известное нам слово «явашир» — ячменная смесь [89, с. 11]. Часто упоминается и смесь с медом, или добавка меда, или просто поименование сомы медом (в последнем нет ничего удивительного, ибо в Индии медом часто называют все, что мило для глаз или приятно на вкус, на слух и т. д.). А вот молоко с пивом как-то не вяжется. Но если это был отдельный молочный напиток, то по логи-

ке вещей он должен был бы соответствовать основным качествам сомы, и прежде всего быть опьяняющим. Тут на мысль приходит молочный самогон, известный всем кочевым народам, а стало быть, и кочевникам-арьям, имевшим достаточное количество молока в результате занятий скотоводством.

В гимне 103 седьмой мандалы довольно ясно говорится о *длительном* кипячении молока при изготовлении сомы. Спросите: какой сомы? И если это возгонка молока, сброженного сомой-хмелем, то легко понять, что и брахманы сидят вокруг в испарине, и, более того, становится понятным и многократное упоминание в разных гимнах *сияющей капли* — «Для Индры, о капля, растекайся вокруг». Эта *капля* не похожа на описываемую сому, которая *бурным потоком льется сквозь цедилку*. Только ли о цедилке надо думать, когда речь идет об очистке сомы? И о какой именно очистке в том или другом случае? Об очистке через сито или о возгонке? Автором данной книги уже была опубликована статья с догадкой на эту тему [26], но здесь уместно будет повторить ту же мысль. Мы знаем, что и без хмеля любой, даже слегка прокисший, молочный продукт начинает бродить, и в должной степени закисания его можно подвергнуть возгонке и получить спиртной напиток. Поэтому напрашивается вывод, что слова в гимнах об «одевании сомы молоком» относятся не к приготовлению ячменного пива-сомы, а к возгонке, то есть к бесконечно повторяемой в гимнах некоей «очистке», не связанной с обильным проливанием сквозь фильтрующую цедилку. Не надо бы забывать, что слова «капля» и «поток» означают разные понятия.

Крупный индийский историк Д. Д. Косамби в своей книге [46] писал об арьях так: «Индра, напоминающий земного военачальника... свирепых патриархальных варваров бронзового века, каким, очевидно, были арьи

во время первой волны миграции... Не раз в гимнах мы находим обращение к Индре с призывом выпить крепкой опьяняющей сомы (точно неизвестный, очень крепкий напиток) и вести своих верных арьев к победе... Арьи до своего прихода в Индию уничтожили не одну городскую цивилизацию». Слова этого ученого прекрасно иллюстрируются указанием в 63-м гимне девятой мандалы на то, что соки сомы — «усиливающие Индру... делающие все арийским, разбивающие недоброжелателей», а также строками 61-го гимна той же мандалы: «С его помощью мы хотим получить все великолепие у чужого, у людей (вообще), стремясь к захвату».

В гимнах как бы обрисовывается упомянутая выше картина трех видов опьянения сомой — да в том числе еще и сомой-сурой, то есть водкой какой-то разновидности (в Индии так стали называть уже пальмовую водку). В этой связи интересно обратить внимание на работу английского исследователя Ф. Оллчина [88], в которой говорится о давнем знании индийцами способов возгонки спиртных напитков. Автор справедливо замечает, что производство алкогольных напитков знакомо, очевидно, всему человечеству с очень давних времен, но изучался этот вопрос чрезвычайно мало. Первые же иноземцы, попавшие в Индию, обнаружили, что там умеют готовить спиртной напиток из риса (как замены ячменя?), не говоря о соках плодов и растений. В дальнейшем были обнаружены методы добывания спирта, и в том числе возгонка в аппарате, устроенном по типу всем известного самогонного куба, а также оригинальный способ возгонки в трех сосудах, поставленных один на другой: в нижний наливался приготовленный состав (под ним разводили огонь), в средний через перфорированное его дно поднимались пары, и на это же дно ставили внутрь небольшой сосудик для сбора капель, а капли эти падали с конического дна верхнего сосуда, в

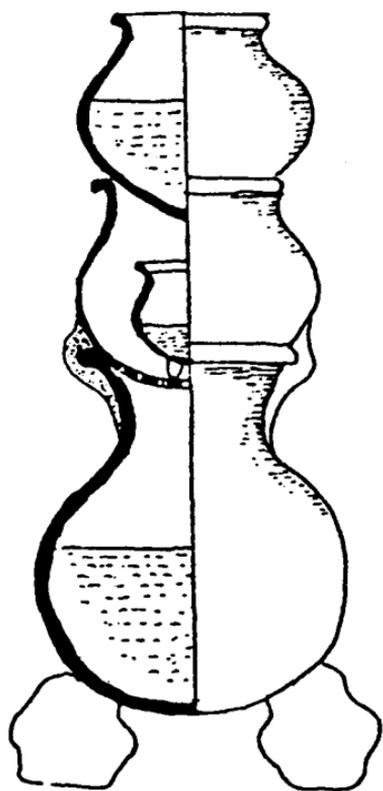

Рис. 49. Трехчастное устройство для возгонки

который наливали холодную воду (рис. 49).

Олчин ссылается на утверждение некоторых знатоков Аюрведы, что в санскрите возгонка по каплям определяется словами «паришрут» и «паришравана» [88, с. 62]. Но оставим это и вспомним, что сомой в Индии стали называть любой пьянящий напиток. Воины, возводящие свое сословие к арийским кшатриям, сохраняют явную или скрываемую склонность к алкоголю. Арийские брахманы осознали, видимо, после прихода в Индию губительное действие алкоголя в новых социальных и природных условиях и ввели строжайшие запреты на его употребление. Но отвыкнуть трудно.

«Три тысячи лет назад первые арьи наслаждались пьянящими напитками», — пишут индийские авторы книги «Индуизм» [45].

И при проведении молитвенных обращений к тому же Индре, которому, судя по Ригведе, возливали большое количество сомы со словами, наиболее четко вошедшими в гимны девятой мандалы («силы мрака... разбей, добудь солнце», «соки сомы сдувают прочь ненавистную Индре черную кожу с земли и с неба», «ведь ты породил солнце» и т. п.), жрецы постепенно прекратили питье сомы, как прекратили и процесс его изготовления в больших коли-

чествах, и стали фигурально вкушать нечто, именуемое сомой (нам довелось присутствовать при одном домашнем богослужении, когда сомой называли пепси-колу). Деревенские же жители, относящиеся к средним и особенно к низким кастам, пили и пьют самодельную суру, хотя изготовление этого напитка преследуется по закону.

Пили и пьют и все славяне, несмотря на запреты и уговоры. Первые упоминания о массовом питии пьянящих напитков (не будем здесь углубляться в производство, скажем, эля на Британских островах — мы не знаем о нем почти ничего) появляются в письменных источниках начиная с X века. И в дальнейших описаниях постепенно вырисовывается картина употребления и изготовления пива и медка (хмельного меда). Чешский исследователь Л. Нидерле указывает, что в грамотах X века славянам предписывалось включать пиво в состав дани, выплачиваемой властвующим князьям [58, с. 202]. В Лаврентьевской летописи под 985 годом упоминается и варка пива с хмелем. Нидерле напоминает, что *рецептура этой варки была уже давно и широко известна индоевропейцам*: «Пили славяне, как и другие окружающие их народы — скифы, кельты, пруссы и германцы, — много, особенно на праздничных пирах, древнее славянское название которых *пирь* происходит от слова *питио*» [58, с. 203]. (Нам тут попутно не мешает вспомнить и вышеприведенные примеры из санскрита.)

Пиво, в основном ячменное, употреблялось неограниченно, наряду с перебродившим медом и еще каким-то напитком, упоминающимся как «коми́на». (Следует сообщить, что в санскритском словаре нам удалось найти некий, видимо, аналог его — это «каминиприя» — вид спиртного напитка.) Этот «коми́на» тоже изготавливали из ячменя, но рецепт утрачен.

В летописных указаниях и книгах подчеркивается, что такое питание, особенно в собраниях, сопровождалось

молитвами и после каждой завершенной — жрецом или хором — молитвы выпивали по чаре.

С начала введения христианства священники стали активно бороться с такими ритуальными возлияниями большого количества пьянящих напитков. Но о непременном сопровождении выпивкой каждого нашего праздничного мероприятия мы здесь говорить не будем.

И в завершение укажем еще раз на то, как наглядна картина протекания, или, если хотите, просачивания, сомы-хмеля сквозь тысячелетия.

Глава 10

ИДОЛЫ В ЯЗЫЧЕСТВЕ И ИНДУИЗМЕ

По вопросу о том, существовали ли идолы у древних арьев, в индологической литературе идет длительная дискуссия, и большинство ученых продолжают считать, что их не было. Мы не можем согласиться с этим мнением. И тексты, и сопоставления с данными о культовой практике у близких арьям индоевропейских народов, и иконографические материалы Древней Индии свидетельствуют, хотя и косвенно, о том, что идолы у арьев были.

Судя по описаниям, содержащимся в Ведах, каждый из богов имел очень определенный облик. Известны были не только его вид, форма, цвет, одежда и атрибутируемые ему предметы, но иногда даже точно указывался материал, из которого эти предметы были сделаны.

Так, в Ригведе Брихаспати описывается как имеющий сто крыльев и золотой меч, Тваштар держит железный нож (или тесло), а Рудра — заостренное оружие. Индра же «сел на [свое] ложе, кованное железом, на свое место из дерева» [I, 161; VII, 97; VIII, 29; IX, 1].

Пушан описывается в разных гимнах и мифах как полный, старый человек, часто беззубый (причем объясняется это тем, что зубы ему выбил Шива во время драки с богами на жертвоприношении, проводимом

Дакшей), едущий на козе или, по другому варианту, имеющий козью голову (это тоже объясняется тем, что вместо отрезанной головы Шива приставил ему голову козы).

А Рудра восхваляется как имеющий сильные красно-коричневые члены и украшения сияющего золотого цвета [II, 33]. Его же называют «имеющим волосы, закрученные в пучок», а Индру — «обладателем красивых щек, или скул».

С Индрой связаны и упоминания, дающие нам право предполагать, что какие-то его изображения тоже существовали в эпоху Ригведы. В этом памятнике говорится: «Кто купит этого моего Индру за 10 коров? Когда он разобьет врагов, пусть отдаст его мне назад» [IV, 24].

Во всех памятниках ведической литературы Индра описывается как силач, имеющий бычью шею, большой живот (вместилище сомы), красивые, сильные руки. Он ездит по тучам на слоне. Его атрибутом является перун (ваджра) из металла или из кости.

Существуют и другие очень точные описания внешности и атрибутов богов.

И как ни трактовать эти конкретные указания, как ни пытаться объяснить их только как символические отражения тех или иных качеств, приписываемых богам, нельзя будет доказать, что все племена арьев, растянувшиеся во время своих кочевий на сотни и тысячи километров, мигрировавшие по огромным территориям, да и в Индии тоже расселившиеся сразу по довольно обширной области северо-запада, а в дальнейшем продвинувшиеся и на новые, отдаленные земли, могли хранить в течение многих веков в своей устной — и только устной! — традиции такие точно определенные (и всюду одни и те же) признаки и характеристики своих богов. Эта традиция должна была поддерживаться каноническими изображениями.

Стремление закрепить в материале свои представления о неземных силах, как и свое видение окружающей действительности, характерно для всех народов Земли на всем протяжении их исторического развития. Почему же отказываться столь решительно арьям в умении производить наряду с другими культовыми предметами изображения своих богов? Только потому, что такие изображения пока не найдены археологами? Но мы знаем, что все предметы, связанные с ритуальной практикой, делались из дерева или необожженной глины. Значит, ни одна подобная фигурка, изображающая божество, не могла сохраниться в земле.

Настолько ясные и однородные представления об облике богов отражены в более поздних их каменных фигурах, что нельзя не увидеть в этой стандартизации длительной предшествующей традиции. Как в строительной технике, так и в скульптуре камень снял на себя устоявшиеся, знакомые всем и каждому облики божеств, до мельчайших деталей разрабатывавшиеся, очевидно, в дереве или необожженной глине в течение многих предшествующих веков. Надо указать, что в современной Индии изготавливают фигуры богов из дерева, особенно для храмовых колесниц, но широко известны и вырезаемые только (и обязательно) из дерева фигуры Кришны, его брата и сестры в храме города Пури (штат Орисса). Камень не окрашивают, а деревянные изображения покрывают красочной росписью, иллюстрирующей древние описания этих богов и передающей сюжеты связанных с ними мифов.

Бог царства мертвых Яма описывается в ранневедической литературе и в эпосе как черный человек с красными (или желтыми) глазами, держащий в руке жезл. Ему атрибутируются три животных — буйвол, на котором он едет, и две собаки, медноцветные, четырехглазые и пестрые, стерегущие путь в его царство.

В Атхарваведе он изображается едущим на черном буйволе или на темном коне Шьява. Его изображают также верхом на грешнике. Здесь нельзя обойти вниманием тот факт, что не только у славян в сказках и поверьях, но и у других индоевропейских народов сохранились представления о смерти, которая в облике черта седлает грешника, и о фантастических страшных собаках, охраняющих клады, которые оставили покойные грешники, или же стерегущих вход в царство мертвых. Это еще одно звено цепи, уводящей арьев в глубокие эпохи их давней близости с предками других индоевропейских народов.

Рис. 50. Грешник везет на себе бога Яму

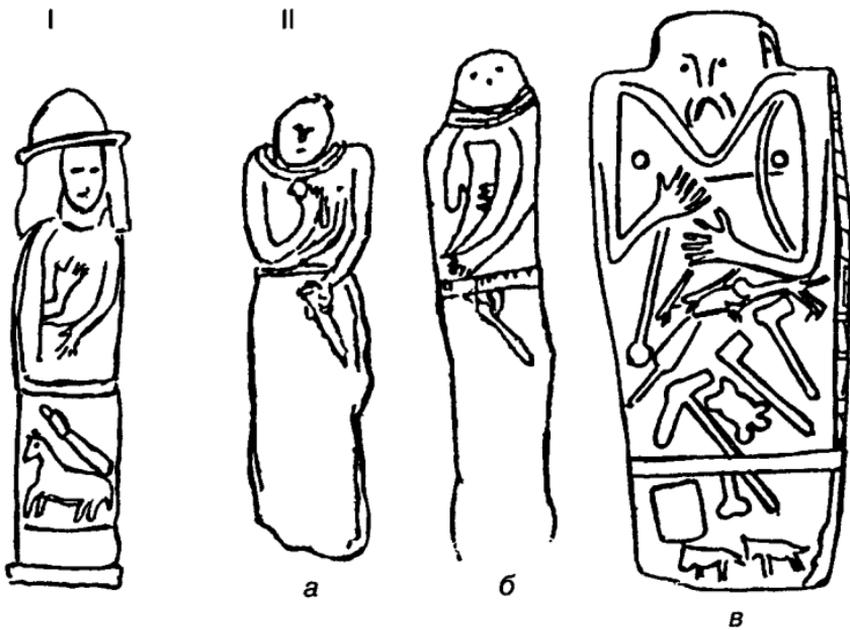

Рис. 51. I — Збручский идол (фрагмент). Западные славяне. II — Идолы, подобные Збручскому: а — скифский; б, в — Украина

Кочевые народы из-за неудобств, связанных с постоянными перездами, не могли изготавливать тяжелые каменные статуи богов, поэтому и сравнивать искусство арьев с искусством, например, греков не следует. Возможно, существовал даже запрет на изготовление идолов из камня. Очевидно, небольшие деревянные божки сопровождали арьев в кочевьях и набегах, присутствуя затем и в их оседлой жизни.

Нельзя исключать, что степные каменные «бабы» могли быть поставлены арьями на путях их кочевий. Интересно то, что по ряду черт эти «бабы» похожи на славянского Збручского идола.

И особенно важно обращать тут внимание не на частичный разноречивый, который в известной мере существует в описаниях богов и может быть объяснен многопле-

менностью арийского общества, а на те сходные, единые черты, которые характеризуют облик каждого божества в целом и свидетельствуют о существовании в ту эпоху традиции фиксировать в материале устное мифологическое творчество народа.

В древних формах санскрита существовало, например, слово «капа», встречающееся в «Махабхарате» в качестве названия одного из классов богов. Этот факт заставляет думать и о возможном наличии у предков арьев лексико-семантической связи этого определения богов с наименованием их изображений.

Тут уместно вспомнить о том, что в сакральной лексике древних славян мы обнаруживаем слово «капа» как обозначение идола, изображение божества (откуда и производится слово «капище», означающее «идолище», «языческий храм», «жрище»), а также первоначальное место нахождения «капов», то есть изображений идолов.

Таким образом, мы имеем основания думать, что в глубокой древности у этих близких групп народов слово «кап» («капа») могло употребляться для обозначения божества и его изображения.

Вопрос о материале, из которого древние славяне изготавливали идолов (или любые другие изображения богов), тоже не решен наукой. Есть основание полагать, что для этой цели использовались глина или дерево. В пользу первого предположения говорит сохранившийся до начала XIX века в русских и болгарских деревнях обычай делать из соломы или глины большие антропоморфные изображения, например, к дням календарных праздников — после осеннего мясоеда или на Ивана Купалу. Это изображение приносили на руках к реке и после причитаний или молитв бросали в воду. Неизвестно, в каком веке, но явно в эпоху христианства фигуру Ивана Купалы стали делать безглавой и начали связы-

вать этот обычай с поминовением обезглавленного Иоанна Крестителя. Следует еще раз вспомнить о том, что в Индии к дням праздников делают глиняные фигуры божеств, а после праздника их тоже бросают в воду.

И если при археологических раскопках на Дону и на Днепре найдено много статуэток, изображающих богинь-матерей и датировемых эпохой неолита и более ранним временем, а позже среди них обнаруживаются «немногочисленные изображения мужчины», то мы имеем основания полагать, что традиция изготовления таких изображений не прерывалась и у более позднего населения — ни у славян, ни у арьев.

Одним из возможных подтверждений предположения о наличии у древних арьев изображений их богов может послужить и то, что идолы славян на всем протяжении существования дохристианских культов имели много общих черт с раннеиндусскими, в чем можно усматривать развитие традиции, имевшей общие корни. В качестве одной из таких черт выступает, например, многоглавие идолов. В мифах нередко упоминается о том, что некоторые боги или полубоги имели по несколько голов или лиц. Многоглавие известно и в религиозно-культурных представлениях других индоевропейских народов (например, двуликий Янус), но в несравненно меньшей степени, чем у славян.

Многоглавые идолы были засвидетельствованы у прибалтийских славян. Саксон Грамматик описал святилище острова Рюген в конце XII века. Это был один из последних оплотов язычества в борьбе с распространявшимся христианством — храмы Рюгена были разрушены только в XII веке. Раскопки, проводившиеся в 1922 году, показали, что главный храм Ретры был сожжен в 1068 году. Но не только тут были многоглавые идолы славян: недалеко от берега Адриатики, в Скрадине, археологи об-

наружили скульптурное изображение трехликого бога Троглава (которое теперь находится в Музее славянских древностей в городе Сплите).

А. С. Фаминцын приводит в своей насыщенной фактическим материалом книге сведения о наличии у западных славян идолов, имевших две, три головы и более [82, с. 22]. По данным указанных авторов, в Арконе на Рюгене стоял идол Святовита (или Свентовита) — «большой, превосходивший рост человеческий кумир с четырьмя головами». «В другом городе острова Руяны — Каренице, по свидетельству Саксона, было три храма. В одном стоял громадных размеров истукан бога Руиевита о семи лицах: семь мечей в ножнах было привязано к его боку на одном поясе... В другом храме находился идол Поревита о пяти головах. В третьем — идол Поренута о четырех лицах, а пятое лицо было на груди». «Важнейшим в Поморском крае был Триглав, истуканы которого находились в Штетине, Вольни (или Юлине) и в других местах». Существовал и трехглавый Браниборский идол. (Описание идолов см. [68, 69, 82].)

Некоторые исследователи славянского язычества предполагают, что и у восточнославянских идолов тоже могло быть по нескольку голов. Но к находкам, которыми можно эту мысль подтвердить, относится только идол о четырех головах, связываемый исследователями с черняховской культурой, четко приписываемой славянам, и двуглавые идола.

Главным материалом при их изготовлении было дерево, хотя в некоторых случаях в качестве декоративных украшений служили металлические детали (у киевского Перуна голова была «сребрена, а ус злат»), у западнославянских идолов были золотые и серебряные лица и усы). Не только Збручский четырехглавый (или четырехликий) идол сделан из камня, но и обнаруженные на среднем Днестре (то есть гораздо восточнее места на-

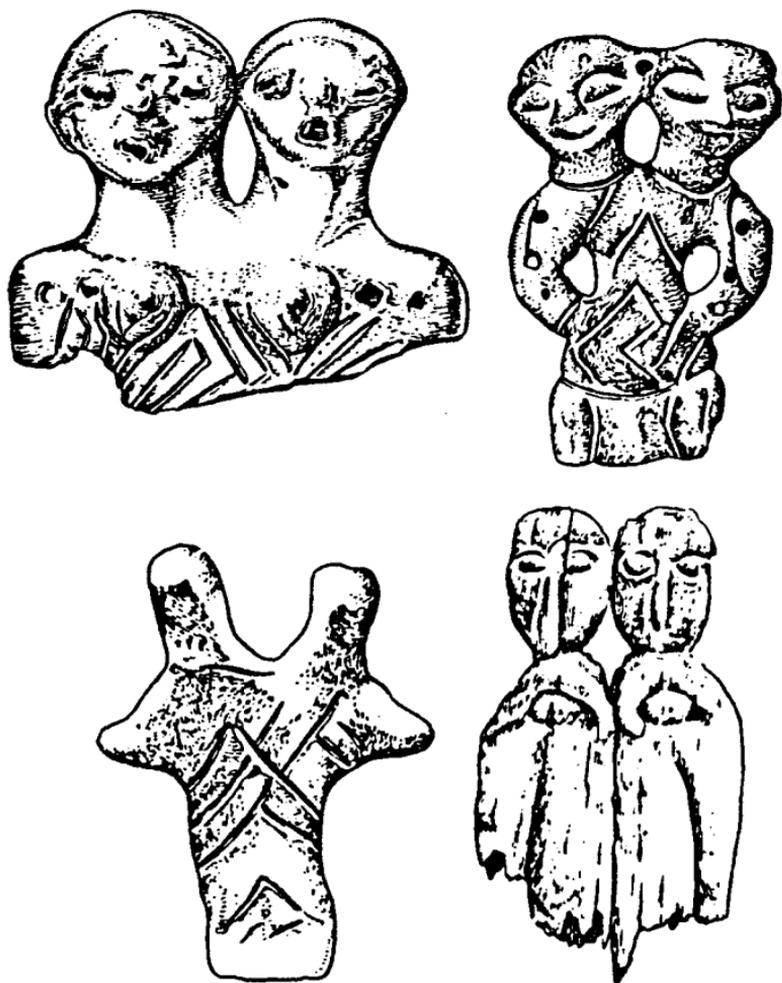

Рис. 52. Славянские двуглавые идолы

ходки Збручского идола) изваяния, связываемые археологами со славянской культурой, — тоже каменные.

Мы не имеем аналогичных письменных подтверждений того, что у доарийских народов Индии традиция изготовления многоглавых идолов была распространена столь же широко, сколь в среде арьев и славянских народов.

У доарийских народов Индии известно лишь одно, к тому же спорное, свидетельство возможной многоглавности богов — так называемый трехликий Шива с печати долины Инда.

У Пáнини в его историко-грамматическом труде «Аштадхьяйя», датированном, по последним данным, V веком до н. э., говорится о «пратикрити» (подобиях) богов, которых изготавливают, показывают для заработка, но не продают. Другой великий грамматист, Патáнджали, объясняет это как изготовление низкой группой брахманов изображений богов не для продажи, а для «дárшана» — осмотра, показа (за деньги или дары). (Это, кстати, до сих пор широко практикуется в Индии, причем «показ за деньги» изображений богов и героев сопровождается исполнением песен или рассказов об их деяниях.)

Эпос содержит свидетельства того, что была развита технология изготовления не только каменных, но и металлических фигур. «Махабхарата» рассказывает, как слепой царь Дхритара́штра сокрушил железную статую одного из Пандавов, героя Бхимасéны: «Поистине, огонь его ярости, раздуваемый ветром его горя, казался готовым поглотить Бхиму, подобно лесу. Проникнув [мыслью] в жестокие намерения [царя] относительно Бхимы, Кришна отвел в сторону [живого] Бхиму и представил старому царю железную статую этого второго сына Панду... Охватив обеими руками этого железного Бхиму, царь Дхритара́штра, обладавший великой силой, раздробил его на части, думая, что это сам Бхима во плоти».

В «Рамаяне» описывается золотая статуя Ситы, которую Рама поместил рядом с собою на троне при великом приношении в жертву коня.

Известна и традиция прикрепления металлических голов к священным изваяниям. Так, автору этой книги

Рис. 53. Фигурка Радхи, небесной возлюбленной Кришны.
Бронза

довелось присутствовать в штате Махараштра на церемонии установки на могиле местного святого его серебряной головы с позолоченным усам (вспомним киевского Перуна, у которого голова была «сребрена, а ус злат»). В Индии известна и храмовая «скульптура царицы Кунти — матери братьев Пандавов, героев «Махабхараты», — имеющая голову из меди.

В ряду научных памятников древней литературы имеется необычайно интересный трактат об искусстве (созданный в IV — начале V в.) «Брихат-самхита», написанный Варахамихирой, предписавшим придерживаться твердых пропорций при создании произведений искусства. В книге имеется раздел, где подробно описываются все пропорции и измерения, касающиеся изображений богов. Излагающиеся здесь споры с другими авторитетами интересны и своим содержанием, и самим фактом возможности вести такие споры, что свидетельствует о высоко развившейся традиции изготовления изображений богов.

В мельчайших деталях приводятся требуемые размеры лица, корпуса и членов тела, причем минимальными единицами измерения служат параману — пылинка, которая делается видной, только когда попадает в солнечный луч, пробившийся сквозь резную решетку, раджас — пылинка, видимая глазом и по объему равная восьми параману, и балагра, равная восьми раджас. Такая мера, как ангула, равная восьми зернам ячменя, использовалась для измерения головы, длины и ширины лица и его частей и всех частей тела.

Описываются все размеры и соотношения, вплоть до размеров уголков глаз, мочек ушей, ногтей на пальцах рук и ног. В одной шлоке (14-й) говорится, что из 32 ангула объема головы только 12 подлежат изображению, а остальные не видны. Здесь, совершенно очевидно, речь идет об изображении, выполненном в технике глубокого рельефа, а не о круглой скульптуре.

Этот памятник содержит указания о высоте статуй, причем говорится, что Рама, например, должен быть высотой 120 ангула, а каждый из тех, кто по канону изображается вместе с ним, — на 12 ангула ниже стоящего рядом (шлока 30).

Точнейшим образом описывается, сколько рук должно быть у изображения каждого бога (или богини), какие атрибуты должны находиться в каждой руке, в каком положении должны быть руки и ноги, какие украшения и одежды должны быть изображены, какого цвета должны быть сами изображения и т. п.

Не только столь подробно описываются все эти признаки, но и говорится, что если соответствующими признаками наделенное изображение будет поставлено близко к человеку, это подарит процветание.

Здесь мы сталкиваемся уже не с искусствоведческими предписаниями и анализом, а с фактом наделения фигур богов и каждой их детали магической силой, с фактом подчинения иконографического канона суеверному страху перед нарушением древних, устоявшихся представлений о силе, которой обладают изображения богов.

В этом труде есть строфы (шлоки), содержащие разъяснения хороших и плохих результатов, которые повлечет за собой точное или неточное выполнение иконографических предписаний. Так, в шлоке 49 сказано, что изготовитель изображения бога Сурьи будет вести благополучную жизнь, если сделает все, как требуется. Если же части тела бога будут длиннее предписанных норм, то изготовителю грозит опасность со стороны царя: если короче — болезнь (слабость); если живот бога будет сделан худым, художнику грозит голод или разорение; царапины или насечки на теле Сурьи повлекут за собой смерть мастера от удара мечом; наклон головы влево убьет жену мастера, а вправо — убьет его

самого; если у Сурьи глаза получатся поднятыми кверху, мастер ослепнет, а если опущенными книзу, его ждут тревоги. Подобные приметы следует связывать и со всеми другими изображениями богов (шлоки 49–52).

Неточности же, допущенные при изготовлении фаллоса Шивы (шивалингама), могут навлечь бедствия на всю страну, поэтому надо строго следить за тем, чтобы нижняя треть шивалингама, выполненного в форме геометрической фигуры, в плане представляла собой квадрат и была погружена в землю, вторая треть была бы шестигранной и скрытой внутри пьедестала, и только верхняя треть цилиндрической формы должна быть открыта (взорам молящихся), высота ее должна равняться ее окружности (что впоследствии иногда и не соблюдалось). Если на верхней части будет отверстие, то мастер погибнет; если пропорции не будут соблюдены, то погибнет страна; если шивалингам будет сплюснут, то погибнет город (шлоки 53–55).

Теоретики индуизма всегда поясняют, что изображение бога необходимо широким массам людей, то есть всем тем, от кого нельзя требовать, чтобы они умели постигать бога ментально, как абстрактную идею. Конкретный его образ, находящийся перед глазами, помогает сосредоточиться на молитве, создает иллюзию непосредственной близости бога к смертным, к их нуждам, горестям и просьбам. Поэтому образов и имен бога практически может быть столько, сколько людей, — этим и можно объяснить как такое неисчисляемое множество самых разных изображений индусских божеств, так и то, что их определяют цифрой в 33 миллиона.

И богов, и богинь, и героев, и демонов изображали не только художники, которые делали объемные мурти для установления их в храмах или украшали храмы скульптурными и рельефными фризами, но и десятки и сотни тысяч ремесленников, воспроизводивших облики

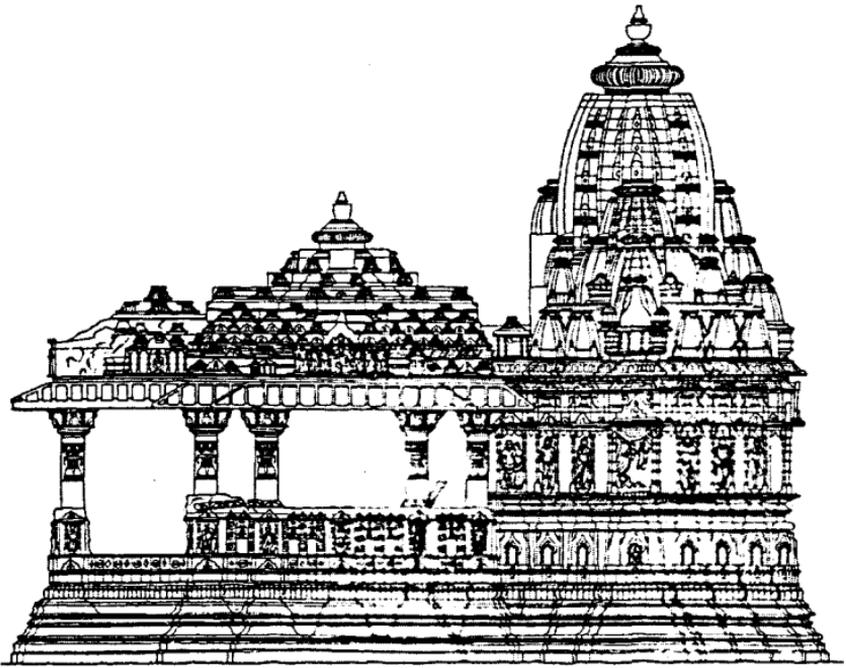

Рис. 54. Все храмы Индии прекрасны

этих персонажей на тканях, сосудах, шкатулках, светильниках, разных предметах из слоновой кости, дерева, металла и т. п.

Предписания, касающиеся производства предметов искусства и художественного ремесла, отразили в себе весь сложный и длительный процесс выработки общеиндийских норм эстетики.

Запас сюжетов и образов мифов, эпоса и пуран практически безграничен, и в историю индийского искусства широко вошли общеизвестные сюжеты, равно как и их герои, которые предстают в нескольких определенных формах или вариантах. Это главным образом те, которые содержат основные характеристики положительных героев или иллюстрируют важные предписания дхармы и морально-этические представления и идеалы народа.

Сложившееся за многие века искусство создания языческих идолов славянскими мастерами было полностью подавлено внедряющейся в славянскую среду христианской церковностью. О материалах, употреблявшихся некогда на изготовления этих фигур богов, о придаваемых им атрибутах, их окраске и уборах исследователи узнают лишь по упоминаниям в летописях и описаниям в западных хрониках. Известная пермская деревянная церковная скульптура сохранила в себе некоторые черты, напоминающие выразительную пластику языческих изваяний, да еще в некоторых исследованиях говорится, что в ряде немецких музеев сохраняются не изученные и не описанные специалистами небольшие по размерам славянские идолы.

Индия не переживала столь активного внедрения христианства, хотя католические миссионеры и проводили там в течение нескольких веков прозелитическую деятельность. Наибольшего размаха она достигла на западе страны, в бывших португальских колониях, где в городах были построены католические храмы, а часть местного населения перешла в новую религиозную конфессию. Когда представители местной власти становились католиками, стремясь снискать благосклонность колониальной администрации, они полностью и демонстративно отходили от прежних веропредставлений, но подражавшие им и обслуживавшие их слои населения, обращаясь (обычно в силу необходимости или по расчету) в католицизм, сохраняли свою веру, сочетая ее с элементами новой. Нам довелось видеть на одной из городских площадей удивительный ряд стоящих порознь фигур, представляющих собой довольно крупные и одинаковые по размерам изваяния Девы Марии, Иисуса Христа и слонголового бога Ганеши; приходившие помолиться люди приносили цветы к ногам всех трех божеств и молились им всем в равной мере.

Но в целом христианское искусство почти не проявило себя в Индии и не оттеснило великолепных традиций скульптурного убранства индусских храмов. В Индии, которую справедливо называют музеем под открытым небом, храмы строили во множестве за последние две с половиной тысячи лет, продолжают возводить их и сейчас. В их числе есть и небольшие часовни, и строения высотой в десятки метров; стены, колонны и башневидные поднятия крыш бывают сплошь покрыты изваянными из камня фигурами богов и персонажей эпоса.

На многих из этих храмов можно видеть изображения сцен, созданных под влиянием фаллического культа и почитания Шакти — всепокоряющего могущества женской энергии, вызывающей проявление мужской созидательной силы. Тантризм, то течение ритуального эротизма в индуизме, о котором говорилось выше, нашел свое выражение в неисчислимом ряду этих изваяний. Среди наиболее прославленных храмовых ансамблей, изобилующих такими изображениями, первое место занимают храмы Кхаджурахо, расположенные в центральном штате Мадхья-Прадеш.

Эти храмы были воздвигнуты здесь в X–XI веках по желанию правителей из местной династии Чанделлов, которая, по легенде, возникла от любовной связи бога луны и юной земной красавицы. Лучшие архитекторы, лучшие художники и резчики по камню создавали эти прекрасные храмовые строения и их убранства.

Обилие эротических сцен привлекает множество западных туристов откровенными изображениями сексуальных контактов. Они их непрерывно фотографируют для последующей демонстрации. Нам не раз доводилось слышать выражения удивления по этому поводу со стороны индийцев. Одно запомнилось: «Здесь, в Индии, о подобных отношениях между мужчиной и

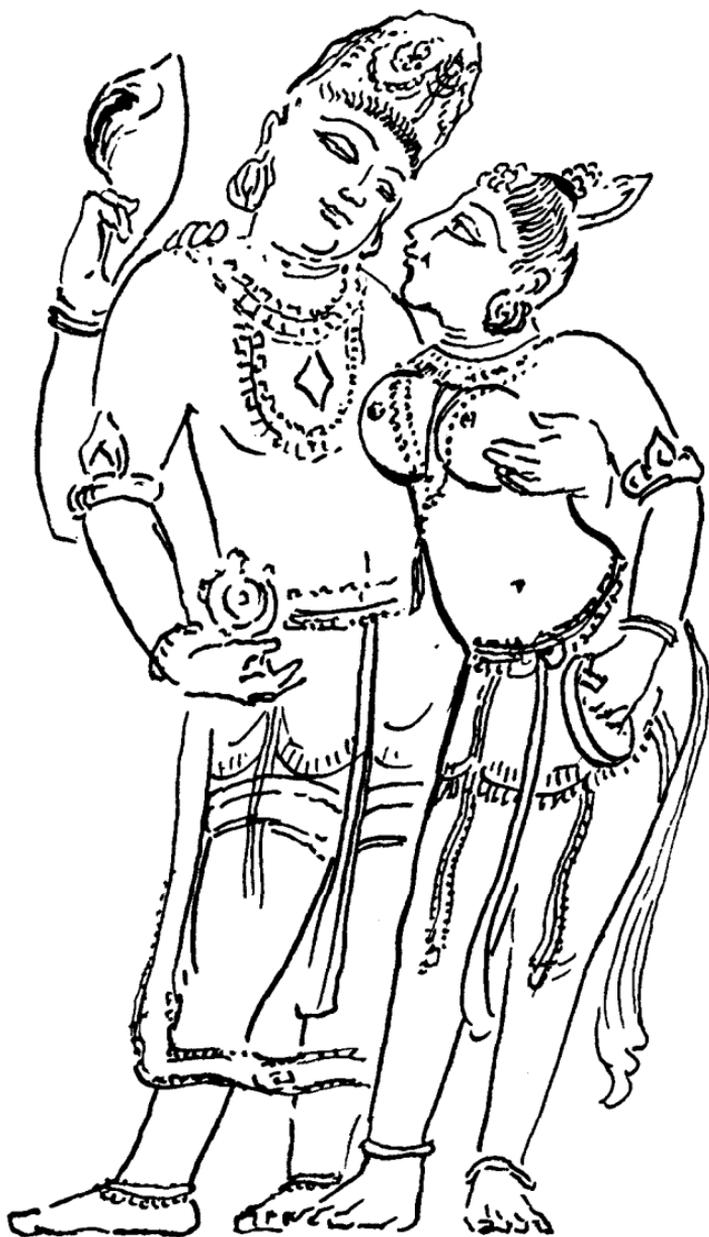

Рис. 55. Любовная сцена. Скульптура одного из храмов Кхаджурахо. Прорисовка

женщиной говорят, что они любят друг друга, а на Западе — что они занимаются любовью».

Но никакое жадное и часто столь нечистое проявление интереса к скульптурам Кхаджурахо не может исказить и очернить поразительный талант их создателей, придавших каменным телам этих изваяний мягкую пластичность живых движений, теплоту и правдивость каждой позы, каждого поворота. К тому же надо сказать, что здесь представлены не только эротические сцены, но и изображено множество фигур людей, стоящих, танцующих, играющих на разных музыкальных инструментах, а также переданы и многие мифологические животные, и все это окружено тонким орнаментом.

По преданию, здесь было возведено 85 храмов, но в результате войн, стихийных бедствий и простого разрушения от времени их сохранилось к нашим дням лишь 20, но и они заслуженно вызывают непреходящее восхищение всех, кому дорого истинное, высокое искусство.

Глава 11

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ФОРМЫ БОГОПОЧИТАНИЯ

Русское слово «жрец» значит «жрущий», то есть вкушающий от плоти жертвы. Поскольку изначальное значение этого слова уже давно стерлось в памяти людей, то и применять его стали в самых разных случаях и контекстах. Мы здесь тоже будем пользоваться им для определения любого священнодействующего лица, но главным образом применительно к славянскому (и общиндоевропейскому) язычеству и индуизму.

У всех народов жречество от века существует как некая особая социальная категория. В глубине палеолитической древности главы семей несли функции общения с богом или богами, или непознаваемой, но всеми признаваемой Высшей надмирной силой. Именно подсознательный или, точнее, неосознанный факт существования этой силы, ее права вмешиваться в жизнь и дела человека, как и вера в то, что на нее можно так или иначе воздействовать, отводя ее гнев и привлекая ее милость, — этот факт следует назвать верой. Такая слепая вера в то, что где-то существует нечто, могущее карать и миловать, стала объектом приложения сил и способностей жрецов. Это чувство зависимости от Непонятого, Неведомого, но Всемогущего Начала (каким бы именем его ни определяли) поневоле заставля-

ло людей искать в своей среде того, кто мог с этим Началом общаться, умея угождать ему. А какую форму могло в той древности носить это умение? Как и чем можно было угодить этому Неведомому, но Всемогущему? Доставить ему ту же радость, которую высоко ценили сами люди, — поднести ему лучшие куски лучшей добычи, самое ценное из собранного в лесу, самую чистую воду.

Но на кого следовало ориентироваться при отборе этого «самого лучшего»? Решение стояло перед глазами, оно было очевидным: ориентироваться следовало по прямой аналогии — на того, кому здесь, на земле, все это отдавали в первую очередь, на того, от кого зависели здесь, на земле, жизнь и родовитость коллектива, а именно на главу каждого данного коллектива.

В безднах тысячелетий начали складываться человеческие семьи. Главой каждой из них первоначально являлась женщина, потому что факт материнства был очевидным — роды протекали перед глазами, а факт отцовства установить было невозможно. В этих зарождающихся семьях не знали запретов на кровосмесительные контакты, а потому женщина могла избирать себе любого партнера из числа мужчин семьи — отца, брата, сына. От женщины зависел выбор, а отсюда — и заискивание со стороны мужчин, признание ее власти. (Кто теперь может сказать — не сюда ли уходят корни вышеописанных представлений в индуизме о Шакти, о всевластии женской силы, стимулирующей проявление мужской?)

Мать возглавляла семью, и подчиняющиеся ей мужчины и младшие члены семейной группы уступали ей все лучшее из общей добычи. Ее боялись: она могла обречь на смерть, убивать собственной рукой или изгонять в опасный внешний мир провинившихся родственников. А страх перед силой порождает веру в не-

пререкаемое наличие этой силы. Как и веру в наличие Всемогущего Начала. С очевидностью можно судить о том, что в подсознании (а затем уже и в сознании) окружающих прорисовывалась некая связь между двумя взаимно аналогичными проявлениями силы и власти. И зародилась вера в то, что именно главная в семье женщина может найти пути к установлению контактов со Всемогущим Началом. От лучших получаемых частей добычи женщина-мать отделяла частицу и тому Великому и Незнаемому. В случае удачных совпадений ее молений и просьб с проявлениями его воли авторитет женщины возрастал и утверждался.

К какому же выводу мы можем прийти теперь? Первыми жрецами были женщины-жрицы. И этот социальный институт сохранялся бесконечное число веков у многих народов Земли — историческая литература, повествования и описания во множестве содержат подтверждения этого факта.

Постепенно, в процессе глубоких исторических трансформаций, мужчины стали сменять женщин «во властных структурах». Точных дат привести нельзя, но считается, что это свершилось при переходе от семейных коллективов к укрупненным, семейно-родовым. Связано это было с появлением собственнических отношений — на скот, на земельные угодья, на жилье, а впоследствии и на женщин и детей. А там, где речь заходит о наследственном владении какой бы то ни было собственностью, вопрос об отцовстве становится важным. Если раньше родство, как и право наследования, определялось по материнской линии, о чем мы упоминали при описании сохраняющихся в индуизме прав матрилинейности, то теперь сложились четкие и гораздо более широко распространившиеся отношения, именуемые патрилинейными или патриархальными. В подавляющем большинстве случаев жриц заменили жрецы.

Они во многом восприняли от уходящих с жизненной арены служительниц Великого Неведомого выработанные ими практические ритуальные приемы, как и незыблемую веру в наличие этого Неведомого. Но по всей видимости, именно на этом этапе развития человеческого общества такая единая вера стала претерпевать изменения, связанные с разнородностью и нарастающей разобщенностью человеческих коллективов: у разных укрупняющихся групп жрецы стали прививать окружающим свое представление о Всемогущем Начале, свои понятия о его проявлениях и свои способы служения ему. Датировать начало таких процессов совершенно невозможно, но очевидно одно: вера, бывшая некогда единой, стала растекаться по руслу разнорелигиозных течений.

С течением веков эти русла расходились все дальше и дальше. И все новые формы обретало сословие жречества у разных народов: друиды, авгуры, волхвы, брахманы, шаманы и многие другие взяли в свои руки руководство религиозно-духовной жизнью. И все разнообразней становились формы богослужения, и все большее число объектов богопочитания появлялось повсюду. Выработались особые богослужебные языки и формулы, боги обретали имена, определялись их атрибуты, обрисовывалась внешность (у подавляющего большинства). Но одно оставалось неизменным: обязательность жертвоприношений, кратко описанная в предыдущих главах.

Русла религий то расширялись, сливаясь, то исчезали, подавленные более мощными потоками, то растекались на мелкие струйки — но в них можно проследить пути сочетания нового с прежним при двух основных условиях. Первое: если жрецы сохранились как единое сословие и сохранили память о прошлых веропредставлениях. И второе: если народ хранит эту память, сбере-

гая ее и в своей бытовой обрядовой жизни, и в сочетаниях с диктуемыми ему официальными религиозными обрядовыми действиями.

Первое из указанных условий можно отнести к индуизму, тогда как второе безусловно выявляется во всем процессе введения христианства в среду язычников-славян.

Да, индийские брахманы с их, по выражению Б. Г. Тилака, «полированной памятью» донесли до наших дней мифы, как он же считает, тридцатитысячелетней давности и приобщили к ним многое из более поздних веропредставлений, как своих, так и соседних народов. А вот славянских волхвов истребляли столь целенаправленно, что за тысячу лет владычества христианской Церкви от них, как говорится, и памяти не осталось. Сохранилась лишь в немалой мере жертвоприносительная практика, вошедшая, как уже говорилось, в церковную практику и упорно бытующая в широких слоях населения.

Нам не встречались в научных трудах аналитические сопоставления слов «волхв» и «брахман», хотя их корневые согласные входят в число взаимно чередующихся или заменяемых. Возможно, некогда, в эпоху заполярного соседства предков славян и арьев, эти слова были ближе по звучанию — об этом мы можем говорить только предположительно.

Но в славянской среде сохранилась такие разновидности волхования, как ведовство и колдовство, причем первое имеет выраженный положительный смысл, а второе — отрицательный. И вера в ведунов и колдунов сохраняется до сих пор — об этом можно судить хотя бы по обилию газетных предложений о гаданиях и колдовстве, которых просто не было бы, если бы не существовало социального заказа. Эта вера искривлена забвением, а газетные публикации, как правило, неве-

жественны, но, как говорится, спрос рождает предложение.

Что касается Индии, то там колдуны относятся к низким слоям общества. К их помощи прибегают обычно тоже люди необразованные. Но брахманы-жрецы являются уважаемыми представителями духовного состояния, и без их помощи и поддержки члены средних и высоких каст не обращаются к богам и не проводят жертвоприношений.

Категория жрецов в индуизме требует здесь особого рассмотрения. Остановимся сначала на храмовых и домашних жрецах.

В силу того, что в течение сравнительно длительного времени в Индии четвертую Веду, Атхарваведу, состоящую во многом из заговоров и заклинаний, не причислили к трем первым, основным Ведам, жречество делилось сначала на три группы, каждая из которых была связана с определенной Ведой. И лишь в более поздние времена появилась и четвертая группа, подобная жрецам-заклинателям, в известной мере близкая славянским ведунам, хотя и не без примеси колдовства.

В памятниках ведической литературы, в научных трактатах, в эпосе и в произведениях классической литературы встречается много наименований жрецов в соответствии с их узкопрофессиональной специализацией либо с их ролью в жизни отдельных групп населения или даже отдельных семей и лиц.

Более высокому жреческому слою было присвоено обобщающее название брахманов, которые и в самом деле являются наиболее древней группой жречества и без которой акт жертвоприношения считался даже недействительным и своей цели не достигающим. Но вместе с тем в «Махабхарате» есть интереснейший эпизод, ставящий под сомнение это утверждение. Кришна рассказывает одному из Пандавов, своему двоюродно-

му брату, что некий мудрец объяснял суть и роль жрецов при жертвоприношении следующим образом: «Уши, кожа, глаза, язык, нос, стопы, руки, детородный орган, канал кишечника, а также речь — эти являются десятью жрецами, приносящими жертву...» — то есть главным и единственным субъектом, непосредственно осуществляющим жертвоприношение и пожинаящим его плоды, является сам человек. Эти слова можно уже воспринимать как некий протест против главенствующей роли брахмана, и они особенно интересны тем, что *вложены в уста Кришны, темнокожего обожествленного царевича из местного народа ядавов, боровшихся с арьями и с установлением духовного диктата арья-брахманов.*

Исторический анализ формирования культовой практики индуизма, как и языческих ритуалов и обрядов всех древних индоевропейцев, и славян в их числе, проведен еще в крайне недостаточной мере. История всех религий и всевозможных течений в пределах каждой религии неотделима от столкновений и яростных споров между приверженцами и этих религий, и этих течений (что имеет место и ныне).

Часть лиц, признаваемых жрецами и считающихся в обществе служителями богов, почитается как брахманы, тогда как другая их часть воспринимается как не брахманы, но все же как представители жреческого сословия. Вот эта вторая группа, как правило, профессионально связана с обслуживанием больших храмов — заготовкой разных материалов, связями с ремесленниками, нужными храмам, мелкими ремонтными работами, обслуживанием нужд паломников и т. п. В небольших храмах (главным образом в Южной Индии) они занимаются и всем процессом богопочитания, особенно в храмах, посвященных местным деревенским божествам, куда иногда даже не впускают

брахманов. Эти же жрецы руководят культово-религиозной практикой многих каст, традиционно причисляемых к «четвертой варне» — к шудрам. К пласту таких жрецов можно причислить и отправителей шактийско-тантрических культов, по самой своей сути являющихся не только не брахманскими, но во многом и антибрахманскими.

О группе же брахманов следует сказать, что они делятся не только на внутренние, так сказать, внутриварновые касты, но и придерживаются разделительных границ между этими кастами: одни занимают более высокое положение, другие — более низкое. Наиболее высокими считаются, по давней традиции, те, кто издавна являлся жрецами-советниками и наставниками правителей и представителей знати. Именно из этих брахманов сложилась ведущая часть потомственной индийской интеллигенции, элитарные круги индийского общества, члены государственных структур. Именно брахманы этой категории и сейчас функционируют как домашние жрецы-наставники, как «гуру» для высококастовых семей.

Менее высокое общественное положение занимают храмовые жрецы-брахманы, хотя те из них, кто возглавляет корпорации жрецов при больших и богатых храмах, могут оказывать значительное влияние — как экономическое, так и политическое — на представителей местных властей и прихожан. Большие южноиндийские храмы, особенно в тамильских землях, славятся не только своими размерами или богатством архитектурного убранства. К ним несколько раз в год стекаются огромные массы верующих из разных областей страны. На севере Индии таких огромных храмов нет, и местные храмовые жрецы — пуджари — таким влиянием не пользуются, хотя без них и не проводятся ни храмовые, ни домашние обряды, и прежде всего пуджи, то есть

богослужebные действия. Иногда пуджа перед домашним алтарем может проводиться лишь в узком кругу семьи, без участия пуджари, но все крупные церемониальные действия без него немьслимы, как немьслимы они и без участия домашнего гуру-наставника. Иногда приглашают и по несколько пуджари, щедро одаривая их. В дни, когда семья считается ритуально оскверненной, например после смерти кого-либо из ее членов, почитание божества в доме возбраняется, и семья идет для этого в дом своего семейного пуджари.

Велик разнoбой в предписаниях, касающихся жизненного и ритуального поведения разных категорий жрецов. Так, в южноиндийских шиваитских храмах жрецы выступают и в качестве сказителей и музыкантов. Некоторые из их групп не придерживаются никаких брахманских запретов, едят мясо и пьют алкогольные напитки, а другие, из их же числа, являются строгими вегетарианцами и не пьют ничего, кроме воды и молока. Но в некоторых местах их влияние столь значительно, что им подчиняются и жрецы-брахманы.

Все модели брахманской культуры и традиций достигли в северных областях Индии большей унификации, чем в областях южных, и описать все это более подробно можно лишь в обширной работе, специально посвященной этой теме.

Особое внимание в этом кратком тексте следует уделить многочисленной общеиндийской прослойке отшельников, именуемых садху. Вот их, пожалуй, можно близко сопоставить со славянскими каликами переходжими из наших былин, с «профессиональными» странниками и странницами, бродящими всю жизнь по стране, посещающими разные святые места (монастыри, храмы, лавры), питаюсь подаяниями верующих, а также с теми, кто обвешивал себя тяжкими веригами, предаваясь умерщвлению плоти (неизвестно, были ли такие са-

моистязатели в древние языческие времена, но это похоже на давнюю традицию), а равно и с так называемыми блаженными, то жившими в одном месте, а то переходящими из селения в селение, изрекавшими часто или никому не понятные слова, считавшиеся пророческими, или хранившие взятый на себя обет молчания. Подобный образ жизни явно восходит к древним языческим временам и был лишь унаследован христианской эпохой с новой религиозно-мистической окраской.

Индийские садху тоже играли роль своеобразных жрецов, служителей богов. Их участие в ритуальных церемониях в храмах или в домах верующих не определяется никакими кодексами и правилами, а зависит только от их воли и желания. О том, что это очень древний институт, можно судить по глубоко давним упоминаниям в эпических поэмах — и в «Рамаяне», и в «Махабхарате» отшельникам приписывается огромная сила воздействия на людей, на общий ход жизни и даже на богов. Считается, что их слова обладают магическим воздействием и их проклятия неодолимы, а советы наставляют на правильный жизненный путь. Царям и воинам пред-

Рис. 56. Брахман-отшельник.
Рисунок на стекле

писывается охранять их от любого зла, снабжать пищей, перевозить, куда они скажут, и т. п. В памятниках средневековой литературы сохраняются те же сюжеты и указания и даже требования преклоняться перед их мудростью и умением «слышать бога». Они не боялись проявлений царского гнева, на них не могла распространяться власть земных повелителей. Вот это точно соответствует известным словам Пушкина из «Песни о вещем Олеге»: «Волхвы не боятся могучих владык, а княжеский дар им не нужен; правдив и свободен их вещий язык и с волей небесною дружен».

Простые люди в Индии считают своим религиозным долгом кормить садху и подавать им милостыню, а также прислушиваться к их иногда даже непонятным словам, видя в них некое тайное значение. Есть садху, живущие близ селений в шалашах, или возле базаров, или под навесом возле изображения какого-либо божества и даже совершающие пуджу для проходящих к ним. Но есть и множество таких, которые всю жизнь ходят по обжитым местам, будь то деревенька или большой шумный город, и побираются именем бога.

Будучи представителями разных религиозных течений и сект в индуизме, они внешне стараются отметить себя определенными чертами различия и в своем облике, и в поведении. Так, шиваиты не стригут бороду и волосы, наносят на лоб, плечи и тело шиваитские знаки — горизонтальные полосы из особой пасты, смешанной с пеплом (знаком того, что Шива является владыкой всеенского огня и может все испепелить огнем из своего третьего глаза). Вишнуиты наносят на лоб и тело знаки в виде подобия опрокинутой подковы с черточкой или точкой в ее середине, бороды и усы бреют, волосы обычно стригут, оставляя на макушке длинную прядь. Кришнаиты носят головной убор, украшенный павлиньим пером — знаком любимой птицы Кришны.

Почитатели Рамы часто покрывают свое тело и даже лицо татуировкой — именем Рамы или Рамы и Ситы. Есть такие садху-шиваиты, которые по обету не могут ни на миг придаваться покою, а потому, даже ожидая подавания, непрерывно топчутся на месте, звеня навешанными на тело колокольчиками и этим привлекая к себе внимание людей. Есть и полностью нагие, «нага-садху», которые не признают никакого вмешательства в облик, данный богами от рождения, а поэтому тоже не стригут волосы. Любого из бродячих садху в толпе можно сразу отличить по его виду.

Общее число садху, живущих только на милостыню, достигает восьми миллионов человек. И не подать ему подавания нельзя, так как это считается большим грехом.

Отдельную ветвь садху составляют профессиональные йоги. Использование в той или иной мере йогических асан (поз), приемов дыхания и физических упражнений знакомо практически всем садху, но йоги-профессионалы делятся на две категории: одни учат йоге и проповедуют ее как путь к слиянию с богом, к избавлению от уз плоти и даже к преодолению действия закона кармы — эти йоги вполне могут быть причислены к жрецескому сословию; другие же, так сказать, йоги-практики, обучают главным образом хатха-йоге, то есть физическим упражнениям и позам ради улучшения здоровья, или ради излечения от болезни, или ради избавления от душевных волнений и расстройств. В Индии много специализированных институтов и школ, где изучают эти упражнения миряне, вне зависимости от их религиозной и национальной принадлежности, и где им преподают эту науку специально подготовленные инструкторы под наблюдением врачей.

Близко к жрецам и садху стоят астрологи, они могут быть членами разных каст, не исключая и брахманов. У многих семей имеются свои постоянные астрологи, свя-

зи с которыми поддерживаются из поколения в поколение. Такие астрологи составляют и хранят генеалогические списки данных семей и астрологические вычисления, сделанные их предками (иногда несколько веков тому назад) для предков данной семьи. Таких «семейных» астрологов высоко ценят, и они пользуются всеобщим уважением.

Существует и другая категория астрологов — которые более близки к гаданиям и большого доверия не вызывают. Это уличные предсказатели судьбы «по звездам», работающие на базарах, возле храмов и т. п.

Некоторые астрологи из числа уважаемых и получивших специальное традиционное образование составляют астрологические прогнозы для печати, но считается, что верить этому надо с большой осторожностью (такое предостережение не действует на наших газетных астрологов-самозванцев, которые по Интернету заранее узнают индийские газетные прогнозы и спешат за неплохие гонорары опубликовать их в нашей печати).

Часть индийской публики относит этих астрологов к садху, проникающих в судьбы людей и в волю богов, выражаемую через положение светил, а часть игнорирует их предсказания. Но в странах Запада астрология, подобно йоге, стала очень популярна, обретя во многом мистическую окраску и сблизившись в значительной мере с магией.

Веда здесь разговор о жрецах или о садху и отшельниках как о людях, сближающихся с волей небес, необходимо вспомнить и об одной неоднократно проявлявшейся в истории страны тенденции провозглашать себя живым воплощением того или иного бога. Вот для осуществления этого намерения необходима помощь астролога, ибо без его предсказаний о предначертанном звездами появлении бога во плоти среди живущих далеко не каждый в это чудо поверит. Но в результате определен-

ной и длительной подготовки происходит появление бога во плоти, и при поддержке помощников, прессы и массы верующих культ подобного богочеловека разрастается и становится реальностью. Так, в 1950–1960-х годах в штате Андхра-Прадеш был признан воплощением бога Шивы на Земле проповедник-садху по имени Сатья Саи Баба, глава религиозной организации, имеющей свои печатные органы и способствующей распространению его учения и его популярности. Он выезжает для встреч с верующими не только в другие штаты Индии, но даже и в другие страны. Нам довелось присутствовать при одном из его явлений народу. Он обычно всходит на низкий помост, обтянутый белой тканью, и, взмахивая своими очень пышными волосами в стиле прически «афро», высыпает на них пепел — знаковый признак бога Шивы, и верующие благоговейно собирают этот пепел как святейшее вещество.

Некоторые представители жречества посвятили себя в XX веке занятию, которое можно назвать экспортом индуизма в другие страны.

Одним из ярких и наиболее широко известных представителей такого рода деятелей являлся ныне покойный вишнуитский садху из бенгальской брахманской касты, принявший условное имя А. С. Бхактиведанта Свами Прабхупада и выехавший в США в 1966 году. Там он организовал при финансовой поддержке нескольких банкиров общество, точнее, обширную секту, назвав ее Международным обществом кришнаитского сознания (или сознания Кришны).

Общий смысл его учения сводился вкратце к тому, что любовь к богу Кришне, незыблемая и самоотрешенная, приведет к спасению души от оков кармы. Эта любовь может быть результативной лишь при полной самоотдаче богу и отказе от всяких личных и социальных обязательств. Идеи отказа привлекли много

молодежи тех лет, что выразилось в необычайной популярности так называемого движения хиппи, связанного тоже с проповедованием полного освобождения от обязанностей перед обществом и от служения ему. Нашли успех и уверения нового учения о том, что заботы о семье и близких тоже играют роль цепей для души, а поэтому необходим отказ от всего, что определяет и ограничивает дела и поступки человека, во имя абсолютной преданности Кришне и полного доверия к словам проповедника-«гуру».

Отвлечение молодежи от участия в жизни общества, от борьбы за социальные права, за создание материального благополучия для себя и своей семьи поощрялось финансовой верхушкой американского общества, и секта кришнаитов получала немалую денежную поддержку. Экзотичность нового учения, смена нормальной одежды на прикрывающие тело оранжевые куски ткани, обычай сбрасывания волос с головы с оставлением одной пряди на макушке, предоставленная возможность полного бездействия, независимая жизнь в «ашрамах» — молитвенных убежищах и новая форма богослужения, сводящаяся к выслушиванию проповедей «гуру» и распеванию кратчайшей молитвы во славу Кришны (о котором, надо сказать, вовлеченные в секту узнали впервые), — все это было ново и заманчиво.

Разрастание этой секты пошло быстрым темпом — сначала ее отделения открывались в разных городах США, а потом стали появляться и в других странах, в том числе и у нас. Новые адепты учения занялись и материальной деятельностью, но лишь в пользу Общества: они стали издавать книги, альбомы, перевод «Бхагавадгиты» (отрывка из «Махабхараты», в котором чрезвычайно возвеличивается Кришна), а также распространять всю эту продукцию по учреждениям, институтам и даже по домам, продавая за немалые деньги. На

вырученные и на присылаемые извне средства члены Общества сознания Кришны начали строить молитвенные дома и общежития, которые теперь появились во многих странах. За деньги распространяется и издаваемый на английском языке журнал «Обратно к божественности» (он печатается в основном в Японии, где высоко развита техника полиграфии), продаются также пластинки и кассеты с проповедями Прабхупады, переведенными на разные языки, и его портреты, на которых его именуют «Его Божественная Светлость». Одним из распространенных приемов привлечения к себе внимания является групповое прохождение по улицам в несшитых оранжевых покрывалах, сопровождаемое ударами в литавры и барабаны и пением краткой молитвы: «Харе Кришна, харе Кришна // Кришна, Кришна, харе, харе // харе Рама, харе Рама // Рама, Рама, харе, харе». Распевание этой мантры считается лучшим средством отключения от всех земных дел и забот.

В Индии нам пришлось однажды встретиться с парой американских кришнаитов, которые пытались пройти в самолет без билета. На просьбу проверяющего у трапа предъявить билеты они ответили: «Мы отшельники» — и пытались пройти мимо него. Но он крайне корректно преградил им дорогу, сказав: «По этой земле в последние три тысячи лет отшельники ходят пешком».

Поскольку Вишну — а значит, и Кришна как одно из его воплощений — является самым «демократическим» богом, индийцы относятся с полным безразличием к тому, что новые сектанты присоединяются иногда к их богослужебным церемониям, посвященным Вишну. Любой желающий может принять участие в этих церемониях, подпевая молящимся или просто присутствуя на молебствиях. Но ошибочным является утверждение, часто слышимое от кришнаитов внеиндийского происхождения, что индусы принимают их как равных. Нет,

не принимают. Только делают вид, да и то не всегда, поскольку убеждены, что индуизмом надо родиться.

Существуют и другие организации и секты, пытающиеся насаждать индуизм в других странах. К ним, например, относится группа женщин-отшельниц, исповедующих шиваизм. Эта секта именуется «Брахма-кумари», и изначально ее членами были лишь девственницы — «кумари», но впоследствии в нее стали входить и замужние женщины. Есть и аналогичная группа мужчин — «Брахма-кумари». Те и другие тоже занимаются прозелитической деятельностью в других странах, но большой популярностью не пользуются.

Есть и проповедники шактизма-тантризма, проводящие в организованных ими прибежищах для завербованных своих сторонников даже кровавые жертвоприношения, сопровождаемые молитвами, вкушением тут же поджаренного мяса и питием ритуальных алкогольных напитков (в некоторых группах «гуру» поучают и ритуальным сексуальным контактам). Подобные тантристы или же те, кто именует себя тантрийскими «гуру», есть и в нашей стране, а одна группа действует в Москве. Обычно их возглавляют не индусы и даже не индийцы, а те или иные местные деятели, которые «ощутили в себе дух тантризма», после чего приняли имидж религиозных учителей, переименовали имена на индусские и провозгласили себя «гуру» (некоторые съездили в Индию, где на месте ознакомились с нормами соответствующего поведения и с сутью учения), требуя почтения к себе и послушания. Психологи утверждают, что есть люди, которым присуща чрезвычайно завышенная самооценка, она выражается в стремлении к власти, к приведению в полное подчинение себе хотя бы небольшой группы людей. Не нам судить, так это или не так, нам известны только факты, а также ряд знакомств с некоторыми самозванными «гуру», число которых у нас

разрастается невероятно, о чем знают практически все. Новоявленным «гуру» помогает в их самоутверждении множество ритуальных предметов, привезенных из Индии, которыми они себя окружают, создавая «атмосферу индуизма».

Следует подчеркнуть, что все это не имеет общих корней со славянским язычеством, а поэтому и наши «неоязычники» крайне слабо реагируют на агитационные призывы пропагандистов этих псевдоиндусских верований и сект.

Завершим эту главу кратким обзором удивительного социально-религиозного учения, точнее, явления, которое никак исторически с арьями не было связано, а значит, чуждо и всем предкам индоевропейцев, в том числе славян. Оно восходит к древнейшему периоду цивилизации Хараппы, а наряду с этим и к чисто физиологическим особенностям населения стран Передней Азии, отраженным в Библии и других древних источниках. Эти особенности — сексуального плана, специалисты-генетики поясняют их длительностью периода сохранения кровосмесительных браков и связей, от которых уже в древности отказалось общество, перешедшее на стадию патрилинейных отношений, но которые в сильнейшей пережиточной форме сохранялись там, где кровосмешение не пресекалось жестоким вмешательством старейшин каждой общины.

Прямым указанием на то, что такие запреты укоренились в арийском обществе в глубокой древности, служит приводимый в Ригведе миф о том, как вели спор друг с другом брат и сестра, дети Солнца — Яма (ставший владыкой мертвых) и Ями (считающаяся богиней реки Ямуны, или Джамны). Десятый гимн мандалы представляет собой диалог этих двух близнецов, в котором Ями просит брата стать ее супругом, говоря:

«Пусть войдешь ты в мое тело, как муж к жене... Ведь еще в утробе прародитель создал нас двоих супругами... Как жена мужу, хочу я отдать свое тело...» Но Яма проявляет стойкое сопротивление и страх перед таким союзом, отвечая сестре: «Не стоят на месте, не смыкают глаз те, что бродят здесь как соглядатаи богов. К другому, чем я, иди скорее, сладострастная... Ищи себе, прекрасная, другого, чем я, мужа... Никогда не стану я соединять свое тело с твоим телом! Плохим называют того, кто войдет к сестре... Твой брат, о прекрасная, не хочет этого» [66, X, 10].

В результате кровосмесительных связей появилось паталогически измененное потомство, которое, видимо, было не таким уж малочисленным, поскольку пользовалось определенным влиянием и занимало в обществе определенное положение. Эти ненормальные сексуальные контакты братьев с сестрами или отцов с дочерьми не раз упоминаются в Библии, в иероглифических текстах Египта и других стран Древнего Востока — от долин Инда до Красного и Средиземного морей.

Не будем здесь вникать в то, что не относится к Древней Индии, а вспомним, что древнейший из доарийских богов Шива иногда изображается двуполым (как упоминалось выше): одна половина его тела мужская, а другая женская. Это изображение явно не связано с арийскими веропредставлениями, но оно, к удаче исследователей, зафиксировано в бессмертной и столь богатой по своему содержанию «Махабхарате». Там, в книге, именуемой «Вирата-парва», нашло свое отражение такое явление, как перемена пола «по воле богов».

В предыдущих главах уже говорилось о том, что братья Пандавы, смелые герои «Махабхараты», подверглись преследованиям со стороны членов другой ветви своего царского рода. Они были даже изгнаны из царства, и им пришлось скрываться от преследований, при-

нимая чуждые им облики, чтобы не быть узванными. И вот как раз один из них, средний брат Арджуна, красавец, герой и бесстрашный воин, принял облик женщины и пришел во дворец царя Вираты (по имени которого и названа вся эта книга), предложив себя в услужение в качестве преподавательницы танцев царским дочерям. В тексте подробно описывается, как умело и грациозно он стал носить женскую одежду, надевать требуемые по этикету украшения, делать прически, пользоваться ароматами и притираниями и т. п. Никто не мог даже заподозрить, что под этим нежным обликом скрывается мужественный и могучий герой.

И только в день, когда назначен был конец изгнанию Пандавов, Арджуна устремляется в бой и на глазах у всех превращается в мужчину-воина.

Это чрезвычайно интересная легенда эпоса, и именно в ней содержатся указания на то, что в доарийской среде были известны особи типа гермафродитов, претерпевавшие периодические изменения своего пола. (Выше мы уже поясняли, что Пандавы происходили из доарийской среды и лишь четвертая часть их крови может быть признана арийской.)

Очевидно, именно к древнейшим формам кровосмесительных браков восходят не только такие легенды, говорящие о двуполох людях, о евнухах и других аномалиях, но и наличие в Индии сохраняющейся общины, известной как хиджры. Типичным хиджрой изображен в приведенном эпизоде Арджуна. Общин хиджр в Индии довольно много, но точное их число не удается выяснить даже при проведении переписей населения. В эту категорию входят лица с выраженными отклонениями в половой сфере. Они поклоняются Шиве в его древнем облике бога с перемежающимся полом, богиням, а также Кришне как высшему выражению сексуальности.

Все хиджры причисляют себя к мужскому полу, вне зависимости от того, какие гормоны — мужские или женские — преобладают в их организме. Все носят, подражая описанному в эпосе Арджуне, только женскую одежду, несмотря на иногда ярко выраженные внешние мужские черты, имеют длинные косы, украшают себя серьгами, браслетами, множеством колец, наносят на лица свойственный женщинам макияж и т. п.

Поскольку в силу своих физиологических дефектов они не могут иметь потомства, то в их среде распространен обычай пополнять свою общину извне. Одним из способов является кастрация мальчиков, причем некоторые родители отдают им детей добровольно, приравнивая это к жертвоприношению, а часть детей хиджры выкрадывают. Другим способом является изъятие аномальных новорожденных — хиджры поддерживают контакты с домашними и даже с больничными акушерками и сиделками и всегда получают информацию о физическом состоянии новорожденных (если семья не отдает ребенка с половыми аномалиями, хиджры его выкрадывают). Приобретенных младенцев они скрывают в своих жилых колониях, увозя в другие города, и ни полиция, ни кастовые организации, как правило, не могут обнаружить этих детей. Девочек хиджры не берут, но в их общине встречаются женщины с крайне незначительными физиологическими отклонениями от нормы; как нам говорили врачи, ответственные за санитарное состояние их колоний, такие женщины уходят к хиджрам обычно по религиозным соображениям. От информаторов мы узнали и другую несколько странную вещь: оказывается, в их среде есть и вполне нормальные мужчины, но и они «оформляются под женщин», соблюдая древние предписания традиции.

В условиях кастового строя вся в целом многочисленная община хиджр тоже существует в рамках касто-

Рис. 57. Хиджра исполняет танец в честь бога Кришны.
Рисунок с натуры

вых жизненных норм, за исключением, конечно, обязательности (или, в наше время, скорее «обязательной желательности») внутрикастовых браков. Считаясь как бы не то сектой, не то особым религиозным течением в индуизме, они придерживаются старых законов наследования профессии, произвольно определяя новоприобретенных детей в состав той или иной своей профессиональной группы. В их среде прослеживается деление на некое подобие варн — сословий, причем таких варн тоже четыре, подобно исторически сложившимся варнам индусского общества. И члены этих групп поддерживают традиционные контакты с соответствующими им по положению членами каст из среды местного населения.

К высокой варне хиджр относятся те, кто может приходить на свадьбы или праздничные торжества в дома членов высоких каст для исполнения танцевальных, музыкальных и речитативно повествовательных выступлений. Они же бывают и бизнесменами, вступая в деловые отношения с торговцами или представителями прессы. Средняя их группа зарабатывает на жизнь исполнением песен и танцев на площадях и базарах, а также приходя на праздники в дома (во дворы селений) членов средних индусских каст. Надо сказать, что для танцев тех и других характерен эротический характер, особо ярко проявляемый на свадебных церемониях и в дни кришнаитских праздников (так, например, в день Холи вообще «дозволяется многое»). Более того, к «высоким» по положению хиджрам родители новорожденного мальчика иногда обращаются с просьбой потанцевать, взяв его на руки, что якобы приносит счастье и здоровье, а также свидетельствует о том, что родился вполне полноценный мальчик и любой член касты может без колебаний прочесть ему в невесты свою дочь.

Хиджры из третьей, низкой группы обычно нанимаются для выполнения грязной работы по домам или на предприятиях, а члены нижайших групп относятся уже к криминалитету, занимаются проституцией (в любом, так сказать, варианте), сутенерством, промышляют воровством.

Вблизи больших городов они устраивают свои колонии по типу пригородных поселков, где проводят молитвенные церемонии, поклоняясь изображениям Шивы, Кришны, но чаще всего — изображениям богинь, ибо все же шактизм следует считать главной формой их религии. Видимо, к почитанию богинь восходит их требование, чтобы общество воспринимало их женщинами.

Все общины хиджр поддерживают взаимные связи и время от времени собираются в каком-либо из городов на общинные конференции. На таких конференциях они выдвигают свои требования к обществу и правительству страны. Делегатами конференций становятся выборные от отдельных групп и колоний, обычно такими депутатами бывают члены их групповых советов, создаваемых по типу кастовых панчаятов (советов старейшин).

Здесь может возникнуть вопрос: а почему в индусском обществе рождается превышающее статистическую норму количество детей с нарушенным гормональным балансом? Ведь в любой касте уже давно придерживаются запретов на кровно-родственные браки — так это или не так?

Да, по закону это так, и закон этот в целом, насколько можно судить, соблюдается. Но нет официального запрета на внутрикастовые браки, и если касты, придерживающиеся этой давней традиции, численно невелики, то их члены вынуждены заключать браки, близкие к кровосмесительным. Вероятно, такие брачные связи и приводят к появлению гормонально неполноценного

потомства, за счет которого и пополняется из века в век община хиджр (не говоря уже об указанном выше религиозном обычае добровольно отдавать им мальчиков в качестве жертв богиням).

Иногда спрашивают: а не следует ли относить к хиджрам и столь широко размножившихся в странах Запада так называемых представителей нетрадиционной сексуальной ориентации обоих полов, извращенцев-педофилов, приверженцев орального секса и т. п.? Индийские информаторы крайне уклончиво отвечают на подобные вопросы, хотя нам и намекали на то, что в составе местных хиджр якобы встречаются теперь и европейцы, особенно в высокой прослойке, но это не было ответом на вопрос. Бродящие всюду по Индии члены европейских псевдоиндусских сект иногда пытаются внедриться в местные социально-религиозные структуры, но степень достигнутого ими успеха бывает самой различной.

Постепенное размывание в Индии приверженности ко многим древним законам приводит к изменениям и во многих социально-религиозных структурах — современная экономическая и политическая жизнь диктует свои законы, то применяющиеся к традициям, то настоятельно требующие их изменений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение двухсот лет ученые пытаются найти ответ на вопрос о близости языков, входящих в индоевропейскую семью, где первая часть — «индо» — не вмещалась ни в какие рамки возможной общности территорий. Искали некую древнюю близость, давшую возможность создать такое странное название этой семьи, пытаясь поместить давних предков индийцев и европейцев то в Африку, то в страны Передней и Малой Азии, то в центральноазиатские нагорья и Тибет, то на Кавказ. Но с середины XIX века некоторые историки стали ориентировать этот поиск на север. Появление книги американского ученого Уоррена [81], выдержавшей ряд переизданий, оказала заметное воздействие на многих исследователей. С автором стали спорить и все чаще соглашаться.

Следующим, и решающим, поворотом в сторону Севера явилась публикация книг крупного индийского историка-санскритолога Б. Г. Тилака «Орион, или Исследование древности Вед» (1893) и «Арктическая родина в Ведах» (первое издание — 1903 г., второе — 1925 г., третье — 1956 г.).

Глубокое знание ведического санскрита и традиционное восприятие содержания ведических гимнов привели Тилака к новому подходу к Ведам как к достоверному историческому источнику. Отказавшись от чисто

лингвистических (а поэтому часто неверных в значительной части) переводов Вед, публикуемых на Западе, Тилак выявил в содержании гимнов много четких указаний на природные реалии Арктики, особенно на упоминаемые положения небесных светил. Соотнеся последние с данными астрономии, проследив указания на «вечный» день и «вечную» ночь, разыскав в гимнах подсчет постепенного нарастания длительности солнечных месяцев, он привел в своих книгах единственно правильные объяснения всех этих явлений, связав их с далеким Севером и доказав, что все это не могло случайно и безосновательно появиться в текстах Вед.

Проанализировав данные не только Вед, но и Авесты, он показал, что оба памятника содержат одинаковые описания, говорящие о том, что предки индоязычных и ираноязычных арьев (которых он, следуя за распространившимся на Западе названием, именует «арийской расой») жили в пределах Арктики и в последний период межледниковья, то есть около 30–40 тысяч лет тому назад, откуда были вытеснены на земли Европы наступлением очередного (и последнего) краткосрочного оледенения. После ухода в Ледовитый океан и этого ледникового покрова (в 11–9-е тысячелетия до н. э.), когда в Арктике установился так называемый тепловой максимум новой эпохи (голоцена), люди стали снова группами расселяться на своих исконных землях, где и сложились контакты между соседними формирующимися их племенами, тесно жившими на территории, ограниченной с востока Уралом, а с запада сохранившимся в Скандинавии ледовым щитом. Эта территориальная близость способствовала установлению взаимных контактов между отдельными группами насельников, что и привело к постепенной и неизбежной в таких условиях выработке многих близких понятий, терминов и веро-представлений.

Вот где следует искать корни близости языков индоевропейской семьи, ибо такая близость может выработаться только в условиях длительного — многотысячелетнего — совместного проживания на одной территории.

Когда вновь наступившее похолодание (около 4-го тысячелетия до н. э.) — которое хоть и не грозило новым оледенением, но отрицательно влияло на многие сложившиеся формы хозяйственной деятельности — подтолкнуло многих к уходу в сторону более южных земель (о чем особенно четко говорит Авеста: «Идите на путь солнца, имея слева восток, а справа запад»), группы арьев и, как пишет Тилак, «других арийских рас», то есть соседних с арьями предков европейцев, стали постепенно мигрировать по землям Восточной Европы. Постепенно будущие европейцы в течение одного-двух тысячелетий заселили земли своего обитания (где и стала складываться их хорошо изученная исследователями история), скотоводы-арьи продвинулись к южным степям Восточной Европы, а предки славян в основной своей массе стали расселяться по рекам, часто получавшим названия Русь, Рось, Русс, Руса и т. п. Основой их хозяйственно-культурного комплекса стало земледелие. Из числа многих складывавшихся на Севере племен наиболее близкими соседями, судя по сохранившейся картине общности или чрезвычайной близости (вплоть до многих прямых совпадений) языков и веропредставлений, были предки славян и арьев. Их контакты продолжались и в период расселения по Восточной Европе, вплоть до конца 3 — начала 2-го тысячелетия до н. э., когда наступившая длительная засуха подтолкнула арьев к уходу в сторону востока в поисках новых пастбищ.

Далеким предкам современных западных европейцев постепенно утрачивали общие с арьями элементы языков и культуры, сохранив до наших дней значительно меньшую их часть по сравнению со славянами.

Но вот сюда, к этой давней общности, к этой долгой жизни на территории Севера в условиях взаимных контактов, проявлявшихся у разных племен в разной степени, восходит это формирование семьи языков, получившей загадочное на первый взгляд название индоевропейской.

Вот чем можно объяснить также и то, что в индуизме, далекой религии, распространенной в далекой Индии, можно выявить целый ряд элементов, сходных со славянским язычеством, — они явно указывают на бывшее сходство веропредставлений, сложившихся в среде близко соседствовавших племен предков арьев и славян.

В данной книге особое внимание уделяется мысли о соседских отношениях этих групп, *но не об их идентичности*. Главное свидетельство того, что арьи и славяне *не складывались как единый народ*, — их хозяйственно-культурный комплекс: арьи были кочевниками, а славяне земледельцами. И только длительные соседски-территориальные отношения могли привести к выработке многих сходных и частично одинаковых элементов речи и к тем следам язычества, которые можно проследить в верованиях индусов и которые были привнесены в индуизм теми арьями, что пришли, а точнее, приходили волна за волной в Индию с земель Восточной Европы.

Не следует подражать теоретикам германского фашизма, именовавшим себя арийцами. И хотя в славянских языках гораздо больше сходных с санскритом слов, чем в немецком и любом другом европейском языке, это лишний раз подтверждает только факт длительного периода соседских контактов, принявших особо широкое распространение в период миграционных движений и расселений по обширным землям Восточной Европы.

Славяне — это не арьи и никогда арьями не были. Ставшее модным приписывание славянам «ведизма»,

«ведической культуры» и т. п., не говоря уже о том, что некоторые украинские шовинисты стали утверждать, что они арьи и что вся «арийская цивилизация» зародилась на Украине, — все это является самозванством и выглядит унижительно. У каждого народа есть свое национальное достоинство, выработавшееся в длительном процессе складывания и развития его исторической судьбы, а поэтому не следует возвращаться к чужеродной, да и ненужной славянам формуле «Мы — арийцы», потому что это прежде всего сродни отказу от своих истинных корней.

Большую опасность для культурно-идеологического прогресса человечества представляет собой появление расизма, который стал все шире распространяться в последнее время в странах Европы и, к сожалению, в России. Суть его чрезвычайно проста: есть изначально заданные (*кем и чем?*) «высшие» и «низшие» расы, и царить в мире должны представители первых, подчиняя себе и угнетая вторых.

В таком виде эта теория основана на различиях в антропологическом типе разных народов, ее сторонники утверждают, что от этого зависит не только социальная активность представителей разных рас, но и их нравственные качества, уровень духовности и т. п.

Споры по этим вопросам особенно разгорелись в середине XIX века, когда ярко заявили о себе германские теоретики, начавшие проповедь о необходимости любыми путями и методами укреплять так называемую среднюю силу расы, отбрасывая все моральные преграды на этом пути: совершенствовать «высшую» расу нужно последовательным проведением физического отбора для получения генетически полноценного потомства при решительном отказе от смешения с представителями «низших» рас, чтобы не занижить показатели в области физического и морально-этического развития.

Останавливаться более подробно на этом мы здесь не будем, так как всем известны дела немецких теоретиков фашизма, их безудержное стремление к доказательствам своего «арийства» как показателя принадлежности к «высшей» расе; известна также и беспредельная жестокость деятелей их чудовищной организации, именуемой «Анэнэрбэ» — «Наследие предков». Остановимся на другом, на чем, собственно, основано это заблуждение о «высоте» арийской расы (этот термин, как мы уже упоминали, тоже введен в Германии). Вкратце упомянем сразу о том, что именно арьям историки приписывают многие отраженные в индийском эпосе тяжкие дела по завоеванию и колонизации земель цивилизации долины Инда (цивилизации Хараппы) и по истреблению создавших ее людей [46].

А к какой же расе принадлежали эти люди? Если следовать идеям немецких расологов (авторов термина «арийская раса»), людей цивилизации Хараппы следует причислить к «низшей» расе, которую покорила «культуротворящая» раса арьев. Но как известно, арьи создавали на протяжении ряда тысячелетий лишь поэтизированные мифы Вед, в которых отражались окружавшие их явления природы — как теперь выявлено наукой, природы Заполярья. Они сумели пронести их в своей памяти и сохранить до 3–2-го тысячелетий, то есть до своего прихода в Индию, на земли цивилизации Хараппы.

Местное население, то есть представители якобы «низшей» расы негроидно-австралоидного корня, создали здесь задолго до их появления высокоразвитую, тонченную цивилизацию, отмеченную удивительным градостроительным мастерством, умением вести сухопутную и морскую торговлю и заниматься изысканными ремеслами и изобразительным искусством.

«Культуротворящая» раса арьев истребила это все почти без следа. И только в результате многовекового

процесса смешения арьев с местными народами появилось многосоттысячное население (такое расисты именуют «ублюдками»), генетически унаследовавшее, к счастью, от своих «низших» предков многие таланты и склонность к разнообразнейшим видам творческой деятельности, равно как и воспринявшее от арьев ряд элементов их расовых черт. Возникли те биолого-антропологические черты, которые и определили типы расово смешанного населения Индии. Того самого населения, которое и создало единственную в своем роде, до сих пор поражающую весь мир богатейшую и многокрасочную культуру, слава которой не померкнет в веках.

Так что приходится повторить еще раз: никакими особо «высокими» расовыми данными древние арьи не обладали, и потому надо сказать, что немецкие теоретики, стремившиеся доказать свое с ними генетическое родство, ничего, кроме самоунижения, не достигли. И ничего другого не достигнут те новые шовинисты, которые тоже стремятся возвыситься над другими народами, выискивая свою расовую, больше того — эзотерическую общность с арьями, вместо того чтобы стараться выявить те исторические условия, в которых могла сложиться близость элементов речи и веропредставлений (хотя бы части из них), свойственная всем предкам индоевропейцев*. А ведь *близость исходных наречий* и легла в основу привившегося в науке названия «индоевропейская семья языков». Ведь именно эта близость и объясняет присутствие в таком названии части «индо», которую в течение свыше двух столетий по-разному

* Здесь следует вспомнить поговорку, бытующую в среде ученых: «Где кончается наука, там начинается эзотерика», то есть эзотерика стремится заполнить собой пространство, еще не освоенное наукой.

толкуют ученые, разыскивая ее исходные корни в различных частях света.

Уточним еще раз: расология — это наука, определяющая и детально изучающая все биологические черты, свойственные представителям каждой расы, и выявляющая их изменения, наступающие в процессе смешения расовых групп, а расизм — это реакционное, антигуманное течение в расологии, использующее ее объективные научные данные с целью применения к представителям разных рас таких определений, как «высокие» или «высшие» и «низкие» или «низшие», для оправдания права первых устанавливать свою власть над вторыми. Встречающиеся в публикациях расистов ссылки и указания на установление подобных порядков в Индии безграмотны и неправомочны, так как, во-первых, понятие «раса» в Индии никогда не существовало в том смысле, какой ему был придан в Европе, а во-вторых, деление на социальные группы, известные как касты, протекало там в процессе исторического разделения людей (из множества живших в стране племен) по осваиваемым ими профессиональным занятиям, что было неизбежно в ходе роста и расширения производственной деятельности. Понятия «высоких» и «низких» каст относятся к видам производимой членами этих каст работы, ритуально признаваемой, по давней традиции, более чистой или менее чистой. Понятие же «чистота работы» чаще всего связывается с материалами, которые используются в каждом виде производственной деятельности, а вот это уже восходит к древним религиозным представлениям, которые во многом и составили основу индуизма.

Здесь снова следует вкратце напомнить о том, с чего эти представления начинались и какие формы они приобрели к нашему времени.

Они сложились и развивались на основе такого фактора, как вера в некое надмирное начало (или даже су-

щество), которое обладает силой воздействия на мысли, дела и чувства всех живущих на Земле, включая людей. О том, что такое вера, столько сказано и написано, что невозможно охватить все это ни умом, ни памятью. Но извечен в этих спорах и обсуждениях вопрос о соотношении веры и религии. О самом факте наличия веры спорят мало — как правило, признается, что она существовала изначально. Но — вера во что? Или — в кого? В целом считается, что нельзя не верить в некое надмирное начало, как его ни назови — Бог или Космический разум, Всемирная душа, Всепроницающий дух. Важнейшим признаком является то, что это категория духовная и что она дарует дух (душу), то есть жизнь. И такая основа веры сохраняется, зародившись в бездне времен, хотя до сих пор не выяснено: а что такое жизнь?

Веру нельзя свести к категории понятий, так как это чувство, и только чувство. И оно свойственно каждому — от жаркого адепта любой религии до атеиста. Из многих указаний и воспоминаний известно, что перед лицом смертельной опасности, скажем на войне, к молитве прибегали даже наши железные политруки, не говоря уже о рядовых. Вот в таких случаях, видимо, и всплывает из глубин подсознания вера как данность, как ощущение той силы, которая, даже не будучи названа, все же породила жизнь и ведает ею.

С тех давних пор, когда первые жрецы ощутили, что они поняли, как надо обращаться к этому вседержительному началу, и стали внушать другим это свое понимание, создавая вокруг себя группы единоверующих, прошло много тысяч лет. На ощупь накапливаемые формулировки обращения и придумываемые имена для этой Всемирной души, переходя от поколения к поколению, в среде разных народов множились и менялись, так как по мере жизненных потребностей людей дробился и

множился сам ее образ, принимая формы то нескольких божеств, а то и множества богов.

Разрастались группы жрецов-учителей, множилось группы их последователей. Мы уже упоминали о религиозных столкновениях и даже войнах, не будем здесь к этому возвращаться. Скажем лишь, что к нашему времени невероятно размножились религиозные школы и секты; одни из их руководителей стараются сохранить влияние на паству широко распространившихся религий, другие пытаются воскресить древние, полузабытые формы верований, стремясь упрочить свои позиции в роли руководителей групп своих адептов (неоязычников), третьи занимаются разработкой совсем новых религиозных форм, как, например, кореец Мун, возглавивший движение Мун Сан Мёна, объединившее множество религиозных, общественных и культурных организаций. Это движение направлено к объединению всех церквей с целью создания единой Церкви Объединения (ЦО) для всего человечества, вне зависимости от национальной или расовой принадлежности людей. По идее основателя, все его последователи должны стать едиными, уподобившись образу жизни корейцев и приняв их язык. (Это движение подробно описано в статье Т. Н. Кузнецовой «Идея создания "нового народа" в Движении Мун Сан Мёна» // Сб. «Этнос и религии». М.: РАН, 1998.)

Свою работу о размножающихся религиозных группах и школах опубликовал в этом же сборнике религиовед П. И. Пучков. Его статья «К вопросу о классификации религий» чрезвычайно информативна и снабжена приложением под названием «Религии: их направления и течения, важнейшие деноминации». Это приложение содержит перечень всех выявленных наукой религиозных течений, групп и сект с точным указанием мест их формирования и деятельности. Всего их там приводит-

ся свыше семисот и точно указывается, к каким именно религиям они относятся.

Мы завершаем нашу книгу, дополнив ее материалами приложений, которые ранее были частично опубликованы в других изданиях.

Приложение I

СВЯЗЬ МЕЖДУ РУССКИМ ЯЗЫКОМ И САНСКРИТОМ

Страницы из специального выпуска
Общества индийской и советской культуры
со статьей Д. П. Шастри

Материалы конференции Общества индийской и советской культуры (округ Мирут, 22–23 февраля 1964 года, г. Газиабад, Уттар-Прадеш).

Если бы меня спросили, какие два языка мира более всего похожи друг на друга, я ответил бы без всяких колебаний: «Русский и санскрит». И не потому, что некоторые слова в обоих языках похожи, как и в случае со многими языками, принадлежащими к одной семье. Например, общие слова могут быть найдены в латыни, немецком, санскрите, персидском и русском языках, относящихся к индоевропейской группе языков. Удивляет то, что в двух наших языках схожи структура слова, стиль и синтаксис. Добавим еще большую схожесть правил грамматики — это вызывает глубокое любопытство у всех, кто знаком с языкознанием, кто желает больше знать о тесных связях, установившихся еще в далеком прошлом между народами СССР и Индии.

ВСЕОБЩЕЕ СЛОВО

Возьмем для примера самое известное русское слово нашего века *спутник*. Оно состоит из трех частей: а) *s* — приставка, б) *put* — корень и в) *nik* — суффикс. Русское слово *put* едино для многих других языков индоевропейской семьи: *path* в английском и *path* в санскрите. Вот и все. Сходство же русского и санскрита идет дальше, просматривается на всех уровнях. Санскритское слово *pathik* означает «тот, кто идет по пути, путешественник». Русский язык может образовывать такие слова, как «путик» и «путник». Самое интересное в истории слова *sputnik* то, что и в санскрите, и в русском добавляется приставка *sa* и *s* и получились слова *sapathik* на санскрите и *sputnik* на русском. Смысловое значение этих слов в обоих языках совпадает: «тот, кто следует по пути вместе с кем-либо». Мне остается только поздравить советских людей, которые выбрали такое международное и всеобщее слово.

Когда я был в Москве, в гостинице мне дали ключи от комнаты 234 и сказали *Dwesti tridtsat chetire*. В недоумении я не мог понять, стою ли я перед милой девушкой в Москве или нахожусь в Бенаресе или Удджайне в наш классический период где-то 2000 лет назад. На санскрите 234 будет *dwishata tridasha chatwari*. Возможно ли где-нибудь большее сходство? Вряд ли найдется еще два различных языка, сохранивших древнее наследие — столь близкое произношение — до наших дней.

Мне довелось посетить деревню Качалово, около 25 км от Москвы, и быть приглашенным на обед в русскую крестьянскую семью. Пожилая женщина представила мне молодую чету, сказав по-русски: *On moy seen i ona toya snokha*.

Как бы я хотел, чтобы Панини*, великий индийский грамматист, живший около 2600 лет назад, мог быть здесь, со мной, и слышать язык своего времени, столь чудесно сохраненный со всеми мельчайшими тонкостями! Русское слово *seen* — это *son* в английском и *sooni* в санскрите. Также *madiu* санскрита может быть сравнено с *тоу* русского языка и *ту* английского. Но только в русском и санскрите *тоу* и *madiu* должны измениться в *тоуа* и *madiya*, так как речь идет о слове *snokha*, относящемся к женскому роду. Русское слово *snokha* — это санскритское *snukha*, которое может быть произнесено так же, как и в русском. Отношения между сыном и женой сына тоже описываются похожими словами двух языков.

Совершенно верно

Вот другое русское выражение: *To vash dom, etot nash dom*. На санскрите: *Tat vas dham, etat nas dham*. *Tot*, или *tat*, — это указательное местоимение единственного числа в обоих языках и указывает на объект со стороны. Санскритское *dham* — это русское *dom*, возможно, в силу того, что в русском отсутствует придыхательное *h*.

Молодые языки индоевропейской группы, такие, как английский, французский, немецкий и даже хинди, напрямую восходящий к санскриту, должны применять глагол *is*, без чего приведенное выше предложение не может существовать ни в одном из этих языков. Только русский и санскрит обходятся без глагола-связки *is*, оставаясь при этом совершенно верными и грамматически, и идеоматически. Само слово *is* похоже на *est* в русском и *asti* санскрита. И даже более того, русское

* См.: *Agrawala V. S. India as known to Panini.*

estestvo и санскритское *astitva* означают в обоих языках «существование». Таким образом, становится ясно, что схожи не только синтаксис и порядок слов — сама выразительность и дух сохранены в этих языках в неизменном начальном виде.

В заключение статьи приведу простое и очень полезное правило грамматики Панини, чтобы показать, насколько оно применимо в русском словообразовании. Панини показывает, как шесть местоимений преобразуются в наречия времени простым прибавлением *-da*. В современном русском осталось только три из шести приведенных Панини санскритских примеров, но они следуют этому правилу 2600-летней давности. Вот они:

Местоимения

<i>Санскрит</i>	<i>Русский</i>
kim	какой, который
tat	тот
sarva	все

Наречия

<i>Санскрит</i>	<i>Русский</i>
kada	когда
tada	тогда
sada	всегда

Буква «g» в русском слове обычно обозначает соединение в одно целое частей, существовавших до того отдельно. В европейских и индийских языках нет таких средств сохранения древних языковых систем, как в русском. Пришло время усилить изучение двух крупнейших ветвей индоевропейской семьи и открыть некоторые темные главы древней истории на благо всех народов.

Дурга Прасад Шастри

Приложение II

**КРАТКИЙ СВОД СОВПАДАЮЩИХ
И СХОДНЫХ СЛОВ РУССКОГО
ЯЗЫКА И САНСКРИТА**

(Составитель Н. Р. Гусева)

Язык языку весть дает, а человек
смекает.

В. Даль

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей*
ад (есть, поедать)	ад (есть, глотать)	ad
артель, ряд, порядок	рита (порядок); артха (целесооб- разность)	rita ārtha
баловство, ребячество	балатва (детство)	balatva

* Буквой «h» и русским «х» мы здесь обозначаем, как принято, придыхание. После глухого согласного он произносится как «х», а после звонкого — как мягкое «г». В изолированном положении он произносится как мягкое «г» или иногда как «з» (напр., *hima* — зима). Звуки «л» и «р» взаимозаменяемы и часто чередуются. Звук «ш» транскрибируется как «sh», «ś».

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
белок ока	балакша	balāksha
блестеть	бхлас	bhlās
бог (милостивец)	бхага	bhaga
богатство, обилие	бахутва	bahutva
бодрый	бхадра	bhadra
боязнь	бхая, бхияс	bhaya, bhīyas
бояться	бхьяс	bhyas
брань (битва)	рана	raṇa
брат	бхратри, бхратра	bhratri, bhratra
братство	бхратритва	bhratritva
братъ	бхри	bhṛi
брезжить	бхрэджд	bhrej
бровь	бхрува	bhruva
будить, пробуждаться	будх	budh
булькать, нырять	бул	bul
буран	бхурана	bhurana
бус, туман	буса	busa
быть	бху	bhū
бывание	бхавания	bhavaniya
вага (вес, тяжесть)	ваха (несение груза)	vaha
вал	вал	val
валик	вали	vali

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
вапа (краска, украшение)	вапус (красота)	varpus
варить	вари (вода)	vār, vāri
варок (загон для скота)	вара (ограда)	vāra
вас (местоимение)	вас	vas
ведать	вед, вид	ved, vid
вѣдение	ведана	vedana
ведун	ведин	vedin
вдова	видхава	vidhava
весна	васанта	vaṣanta
весь (селение)	виш	viṣ
весь	вишва	viśva
ветер (веющий)	вата(р), ваю	vāta(r), vāyu
вешательная петля	вешка	veshka
вещание, речь	вачана	vācana
вещать (вякать)	вач (вак)	vac (vak)
веять	ва	vā
внутри, внутри	антра	antra
вертеть	врит	vṛit
вода	удан, вари, пива	udan, vāri, piva
водить, руководить	вад	vad
возить	вах	vah
волк	врика	vṛika

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
волна, волнение	валана	valana
волос	вала	vāla
вопрошение	прашна	prashna
ворот, поворот	вартана	vartana
ворошить (кучить)	раш	rash
выдра (водное животное)	удра	udra
всадник	садин	sādin
всегда	сада	sadā
вы- (приставка)	ава	ava
выдрать из	авадри	avadri
вымочить	авамуч	avamuc
вытянуть	аватан	avatan
выпадать	авапад	avapad
вязать петлей	вешт	vesht
гадать	гад (говорить по желанию)	gad
галить, тошнить (В. Даль)	гал	gal
гать, путь	гати (хождение)	gati
гласить, звучать	хлас	hlas
гнать, бить	гхна	ghna
гнать, прогонять	кши	kshi
говоренье (вяканье)	вакья	vakya

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
гоношить (копить)	ган	gan
гнуть	джну	jñu
гора	гир, гири	gir, giri
горение (пламя)	гхрини	ghṛiṇi
гореть	гхри	ghṛi
горло	гала	gala
грабить, хватать	грабх	grabh
грива, загривок	грива	griva
гроза, гром	гарджа	garja
грудь	хрид	hṛid
грызть, пожирать	грас	gras
грызение (челюсти)	грасана	grasana
гукать, звать	гху	ghū, hū
гуля	гула	gula
гусь	ханса	haṅsa
дать	да, дай	dā, dāy
даваньё	даван	dāvan
давить, понуждать	дабх	dabh
дань, дар	дана	dāna
дающий	дади	dadi
два, две, двое	два, дви, двая	dva, dvi, dvaya
дверь	двар	dvar

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
деверь	дэври	devṛi
дева	дэви	devī
деготь	дагдха (выплавлен- ный жаром)	dagdha
день	дина	dina
дерево	дару	dāru
держать	дхри	dhṛi
десница, правый	дакшина	dakṣhiṇa
десять	дашан	daśan
диво, небо	дива	diva
дивный	дивья	divya
доля, часть	дала	dala
дом	дам	dam
драть, рвать	дри	dri
деревянный	дарава	dārava
дудить, сосать	дух	duh
дурной, плохой	дур	dur
дуть (идти)	ду	du
дуть, раздувать	дху	dhū
дым	дхума	dhuma
дыра	дара	dara
дырка	дрика	ḍrika
еда (яденье)	ада (адана)	ada, adana

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
есмя (1-е лицо, ед. ч.)	асми	asmi
есть (3-е лицо, ед. ч.)	асти	asti
жало, острие	джал	jal
жар	гхарма	gharma
жена	джани	jani
живой	джива	jīva
жизнь (<i>ст.-р.</i> живот)	дживатва	jīvatva
жить	джив	jīva
(из)житый, старый	джита	jīta
заря	джарья	jarya
звать	хва, хве	hvā, hve
зов, званьё	хвана	hvāna
земля	хема	hema
зима	хима	hima
зимний	химья	himya
змея (сапа)	сарпа	sarpa
знать	джна	jñā
знание	джнана	jñāna
знаемый, знатный	джната	jñāta
знаток	джанака	jānaka
зорить, разорять	хри	hṛi
зреть, созревать	джар	jar

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
идти	и	ī
иго, ярмо	юга	yuga
ил (почва)	ила	ilā
искать, желать	иш	iś
истреблять, убивать	труп	trup
итак	итас	itas
кадка	кандука	kanduka
казать (сказать)	катх	kath
как, какой, кто	ка	ka
канючить	кан	kaṇ
каруна (птица печали)	каруна (горестный)	karuṇa
касаться, щупать	чхуп	chup
кашлять	кас	kās
клин, кол	кила	kila
клямиться, маяться (В. Даль)	клам	klam
когда	када	kadā
коза	мэка, букка	meka, bukka
кол, шест	кхила	khila
копать	куп	kup
копанка, пруд	купака	kūpaka
корявый	кхарва	kharva
коса (волосы)	кеша	keśa

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
который	катара	katara
кошель	коша	koṣa
крепить	клрип	klṛip
кратный	крату	kratu
крестьянин	кришака	kṛishaka
крик	крика (горло)	kṛika
кровь	кравис	kravis
кروавый	кравья	kravya
крошить	криш	kṛiṣ
крученный	крунча	kruñca
(о)круглый	крукта	krukta
(со)крушаться	круш	kruś
крючить, сгибать	крунч	kruñc
крыть, кроить (делать)	кри	kṛi
кувшин	кумба	kumbha
куда	ку, кутас	kū, kutas
кулак	кулака (пять вместе)	kulaka
кулик	кулика	kulikā
курлыкать	кур	kur
курчавый	курча (завиток)	kurca
куток	кута	kuṭa
куча, выпуклость	куча	kusa

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
ладить, играть	лад	laḍ
ласкать, обнимать	лас	las
легкий	лагху	laghu
лепить, налепить	лип	lip
лепка	лепа	lepa
лечь, лежать	ли	lī
лизать	лих	liḥ
липкий	липтака	liptaka
лишь, немного	лиш, леша	liš, leśa
лов, собирание	лава	lava
лопотать	лап	lap
любить	лубх	lubh
лупить, вредить	луп	lup
луч, блеск	руч	ruc
льнуть	ли	lī
ляля, женщина	лала	lala
лялить, ласкать	лал	lal
мастак	мастака (голова)	mastaka
мать, мать, мама	матри, мата, ма	matṛi, matā, mā
мга	магна (гаснувший)	magna
мед	мадху	madhu
менять	мэ	me

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
мереть, умирать	мри	mṛi
мерить	ми	mi
мрачнеть	мрич	mṛic
мертвый	мрита	mṛita
месяц	мас	mās
мех, руно	меша	mesha
мешалка	мекшана	mekshana
мешать, перемешивать	микш	meksh
мешать, смешивать	мишр	miṣṛ
мешок (кожаный)	машака	maśaka
млеть	млаи	mlai
мнение	манас	manas
мнить, полагать	ман	man
мокнуть	мок	mok
морда (облик), голова	мурти, мурдхан	mūrti, mūrdhan
мочить	муч	muc
мышка	мушка	mushka
мошенничать, воровать	муш	mush
мясо	манса, мас	mānsa, mās
мять, мельчить	матх	maṭh
нагой	нагна	nagna
небо	набха	nabha

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
небеса	набхаса	nabhasa
нет	нэд	ned
ни	ни	ni
низка (бус)	нишка	nishka
низина	нихина	nihina
низкий	нича	nica
никнуть, кончать	никун	nikūṇ
нить	нитья	nitya
нишкнуть (замолчать)	никшип	nikship
новый	нава	nava
новина	навина	navina
нас, наш	нас	nas
ночь	накта	nakta
ну	ну	nu
нудить	нуд	nud
ноготь	накха	nakha
оба	убха	ubha
огонь	агни	agni
овечка	авика	avika
око	акша	aksha
ость	астхи	asthi
от- (приставка)	уд, ут	ud, ut

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
отдать	удда	uddā
отделить	уддал	uddal
откашляться	уткас	utkāś
отсадить, удалить	утсад	utsad
открыть, вскрыть	уткри	utkṛi
открытый, вскрытый	уткрита	utkṛita
отчалить, отойти	утчал	utcal
падать	пад	pad
пал, горение	палита	palita
папа	папу (защитник)	pari
пара, другой	пара	para
пасти	паш	paś
пекота, жар	пака	pāka
пена	пхена	phena
первый, изначальный	пурва	pūrva
пере- (приставка)	пара	para
передать	парада	paradā
перевернуть	параврит	paravṛit
пес	пса (голодный, жрущий)	psā
печь	пач	pac
печенье	пачана	pacana
писать, вырезать	пиш	piś

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
пить, питать*	пи, па	pi, pā
питый	пита	pita
плавание	плавана	plavana
плескать	плуш	plush
плыть, плавать	плу (плав-)	plu
плывущий (плот?)	плута	pluta
по- (приставка)	упа	upa
покрыть (узором)	упакри	upakṛi
полежать (близ)	упали	upalī
послушать	упашру	upaśru
постоять	упастха	upasthā
полный	пурна	pūrṇa

* Здесь следует уделить внимание тому обширному кругу слов в русском и санскрите, который сложился в глубокой древности, когда он отражал два представления — о питье и о пище (питании):

<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>
пить	пи
напиток, питание	питу
питатель, отец, небо	питар
пито (было)	пита
большой, толстый	пивара
пивший	питва
пьющий	пити
вода (пиво?)	пива
жир, сало	пивас
полный, сильный	пиван

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
приятный, милый	прия	priya
про- (приставка)	пра	pra
пробудиться	прабудх	prabudh
прогнуть	праджну	prajnū
прознать	праджна	prajñā
простираться	прастри	prastri
простор	прастара	prastāra
протопить, прогреть	пратап	pratap
прянуть	пратан	pratan
прыскать	приш	ṛish
против	прати	prati
прохлаждаться	прахлад	prahlād
прянуть	прани	praṇi
путь	патха	patha
путник	патхика	pathika
пухнуть, прирастать	пуш	push
радоваться	храд	hrād
развеивать, вихрить	вихри	viḥri
рана	врана	vraṇa
раненый	вранин	vraṇin
расти	рох	roh
рачительным быть	рач	rac

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
рев	рава	rava
реветь	рав	rav
река (напр., Дон, Днепр)	дану (Ригведа)	danu (RV)
род, родить	родас (земля)	rodas
роса, сок	раса	rasa
рост	рохат	rohāt
рубить	ру	ru
рудый (красный, рыжий)	родхра	rodhra
рушить	руш	rush
рыдать	руд	rud
рыскать, бродить	ри	ṛi
с, со	са	sa
садить, сидеть	сад	sad
сам, самый	сама	sama
свара, крик	свара	svara
сверкать	свар	svar
свет, белизна	швит	ṣvit
светлый, белый	швета	ṣveta
свой	сва	sva
свойство	сватва	svatva
свояк	свака	svaka

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
свекор, свекровь	свакри (сделать своим)	svakṛi
сердце	хридая	hṛidaya
семя, зерно	хирана	hiraṇa
сказитель	кахала	kahala
скупивать, смешивать	куч	kuc
сливать, извергать	сридж	srīj
славление	шравания	śrāvaniya
слухи (слава)	шрава	śrāva
слушать, слышать	шру	śru
смертный	марта	marta
смерть	мритью, марана	mrityu, maraṇa
смеяться	сми	smi
снег	сnehья (скользкий)	snehya
сноха	снуша	snusha
соброр, собрание	сабха	sabhā
совещание	самвачана	samvacana
совпадать	сампад	sampad
соленый, горький	сола	sola
сочить, изливать	сич, сик	sic, sik
соха	спхья (копалка)	sphya
спать	свап	svap

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
спрыснуть	сприш	spṛiṣ
спящий	супта	supta
стан, стоянка	стхана	sthāna
(до)стигнуть, взойти	стигх	stigh
стократный	шатакрату	śatakratu
столб	стамбх, стабх	stambh, stabh
стопа (пята)	сада	sadā
стоять	стха	sthā
суть, истина	сатьям	satyam
сушить	шуш	śush
сушка	шушка	śushka
сын	суну, суна	sūnu, sūna
та, эта	та	ta
тата, тятя	тата	tata
такой	така	taka
таскать, утаскивать	тас	tas
таскун, вор	таскара	taskara
таящий, вор	таю	tāyū
те, тебе	тэ	te
тот	тад, тат	tad, tat
тот самый	татсама	tatsama
творить	твар	tvar

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
теплить, утеплять	тап	tap
теплота	тапа(с)	tapa(s)
тереть	трут	trut
течь, утекать	тик	tik
тогда	тада	tadā
томить, изнурять	там	tam
тонкий	танука	tanuka
торить (дорогу)	тхарв, тар	tharv, tar
тощий (пустой)	туччхья	tucchya
трава	трина	trīṇa
трепетать	трип	ṭrip
три, третий	три, трита	tri, trita
трижды	трис	tris
трое	траяс	trayas
тройка	трика	trika
трястись, дрожать	трас	tras
тугой	тунга	tuṅga
тузить, бить	тудж	tuj
турить, гнать	тур	tur
ты	твам	tvam
тьма	тама(с)	tama(s)
тянуть	тан	tan

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
удирать, удрать	дра	dra
умирать	мрит	mṛit
учитывать, считать	чит	cit
уток (ткани)	ута	uta
уста, губа	остха	ostha
ходить	ход	hod
холодить, освещать	хлад	hlad
свежесть	хладака	hladaka
хранить, прятать	хри, хар	hṛi, har
чавкать	чам (жевать)	cam
чавкающий (чушка)	чушчуша	cuścusha
чара, чарующий	чару	caru
чашка	чашака	cashaka
четверо	чатвара	catvara
четыре	чатур	catur
чинить, учинять	чи	ci
чудак, глупец	чуда	cūḍa
чуть-чуть	чут (мелкота)	cuṭ
шалаш, укрытие	шала	śāla
шибко	шибхам	śibham
шило	шира	śira
шить, сшивать	сив	siv

Русский язык	Санскрит	
	Транскрипция русскими буквами	Транскрипция латиницей
шурин	швашурья	śvaśurya
юшка, похлебка	юша	yūsha
эва	эва	eva
это, этот	этад, этат	etad, etat
эка	эка	eka
явь, явление	ява	yava
явиться, стать	я	yā
ягня, ягненок	яджна (жертва)	yajña
ярый	джара (любовник)	jāra
яма (конец)	яма	yāma
Яма (бог смерти)	Яма	Yāma

ПРИМЕЧАНИЕ

При сопоставлении санскрита со славянскими языками — в данном случае с русским — не может не привлечь тот факт, что не только корневое значение многих слов близко или одинаково, но и приставки (примеры которых приводятся), и суффиксы, и многие другие части слов совпадают. Очень выразительны такие примеры, как:

- бывание — бхавания;
- раненый — вранин;
- путник — патхика;
- свойство — сватва;
- братство — бхратритва;
- деревянный — дарава;
- питатель (отец) — питар

и много других подобных сближений.

СЛОВАРИ

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.

Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1996.

Böhtlinck O. Sanskrit Wörterbuch. Teile 1–7. St. Peterburg, 1870–1889.

Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1960.

Apte V. S. The Students' English-Sanskrit Dictionary. New Delhi, 1963.

Приложение III

ОПЫТ РАШИФРОВКИ ЧЕРЕЗ САНСКРИТ НАЗВАНИЙ ВОДОЕМОВ РУССКОГО СЕВЕРА

(Составитель кандидат ист. наук С. В. Жарникова
(г. Вологда), консультант Н. Р. Гусева)

Северно-русские гиномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Алака (Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии)	Алака (река в Индии; завиток)	alaka
р. Анила (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	анила (ветер; синий)	anila
р. Важа (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	ваджа (быстрота; вода)	vāja
р. Важа (Олонецкая губ.)		
р. Важа (Каргопольский уезд Архангельской губ.)		
р. Ваджа (там же)		

Северно-русские гиномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Важка (Яренский уезд Вологодской губ.)		
р. Вала (приток р. Вятки)	вал (быстро идти)	val
р. Валга (Кадниковский уезд Воло- годской губ.)		
р. Вандыш (Каргопольский уезд Архан- гельской губ.)	вандья (разделяемый)	vandhya
р. Вандыш (Яренский уезд Вологодской губ.)		
р. Вапра (Устюгский уезд Вологод- ской губ.)	вапра (берег, откос)	vapra
оз. Вара (Олонецкая губ.)	вар (вода)	vār
р. Варда (Пинежский уезд Архангель- ской губ.)	варда (дающий воду)	vārda
р. Варида (Вельский уезд Вологодской губ.)		
р. Варжа (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	варджа (свободный)	varja
р. Варз (Мурманский уезд Архангельской губ.)	варх (светиться) Варсак (река в Пакистане)	varh
р. Варзуга (там же)		
р. Варзуга (Пинежский уезд Архангельской губ.)		

Северно-русские гиномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Варзенка (Сольвычегодский уезд Вологодской губ.)		
р. Вашка (Мезенский уезд Архангель- ской губ.)	ваш (звучать) ваша (шум воды)	vāś
р. Вашка (Онежский уезд Архангель- ской губ.)		
р. Вашка (Кирилловский уезд Новго- родской губ.)		
р. Вашка (Яренский уезд Вологодской губ.)		
р. Вашка (п-ов Канин Нос)		
оз. Вашкозеро (Кемский уезд Архангель- ской губ.)		
р. Вега (приток р. Онеги)	вега (поток)	vega
р. Вель (Кадниковский уезд Воло- годской губ.)	вел (двигаться) вела (берег)	vel velā
р. Вель (Вельский уезд Вологодской губ.)		
р. Вель (Печорский уезд Архангель- ской губ.)		
р. Гавинга (Кирилловский уезд Вологодской губ.)	гавини (стадо коров)	gavinī

Северно-русские гиномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Гавяна (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	гавиша (жаждущий коров)	gavīṣha
р. Гавиша (Вельский уезд Вологодской губ.)		
р. Ганга (Онежский уезд Архангель- ской губ.)	Ганга (река в Северной Индии)	gaṅgā
р. Ганга (Кемский уезд Архангель- ской губ.)		
оз. Ганго (там же)		
р. Гангрека (Ладейнопольский уезд Олонецкой губ.)		
оз. Гангозеро (там же)		
оз. Гангозеро (Кижский погост)		
р. Гар (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	гара (напиток)	gāra
р. Гуда (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	гуда (канал изливания)	gudā
р. Дан (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	дану (река, по Ригведе)	danu
р. Девяка (Грязовецкий уезд Вологодской губ.)	девика (богиня) Девика (река в Древней Индии)	devīka

Северно-русские гномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Джалья (Усть-Сысольский уезд Вологодской губ.)	джалья (вода)	jala
р. Индега (Печорский уезд)	р. Инд	
р. Индига (Мурманский уезд)		
р. Индига (Меленский уезд)		
р. Индоманка (Кирилловский уезд)		
р. Индога (Тотемский уезд)		
р. Ира (Усть-Сысольский уезд)	ира (вода)	irā
р. Иркаручей (Ладейнопольский уезд)	ирина (родник)	irīṇa
р. Каваса (Вельский уезд)	каваш (звучный)	kavash
р. Кайласа (исток р. Пинеги)	Кайласа (гора в Гималаях)	kailāsa
р. Какша (Никольский уезд)	какша (скрытое место)	kaksha
р. Кама (приток Волги)	кама (желание)	kama
р. Камавелица (Тотемский уезд)		
р. Камчуга (Тотемский уезд)		
оз. Камозеро (Кемский уезд)		
оз. Камозеро (Кирилловский уезд)		

Северно-русские гиномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Карна (Грязовецкий уезд)	карна (ушастый; имеющий отводы)	kaṛṇa
р. Карна (Онежский уезд)		
р. Кала (Вельский уезд)	кала (темный)	kāla
р. Калия (Пинежский уезд)	Калия (имя водного змея)	kāliya
р. Кула (Тотемский уезд)	кула (берег; пруд)	kūla
р. Кула (Вельский уезд)		
р. Кулой (Холмогорский уезд)		
р. Кулой (Пинежский уезд)		
р. Кулать (Тотемский уезд)		
р. Кунжа (Кадниковский уезд)	кунджа (звучный)	kuṅjā
	кундж (бормотать)	kuṅj
р. Кубала (Вельский уезд)	кубханью (жаждущий)	kubhanyu
р. Кува (Кирилловский уезд)	Кубха (река Кабул)	kubhā
р. Куброс (Вельский уезд)	кубра (лес)	kubra
р. Куша (Усть-Сысольский уезд)	куша (вид осоки)	kusha
р. Куша (Печорский уезд)		
р. Кша (Онежский уезд)		

Северно-русские гиномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
<p>р. Кушерака (Онежский уезд)</p> <p>р. Кушеваровка (Великоустюжский уезд)</p> <p>р. Кушеванда (Никольский уезд)</p> <p>оз. Куш (Олонецкий уезд)</p> <p>р. Лагман (Щенкурский уезд)</p>	<p>лаг (вливаться; в Афганистане есть река Лагман)</p>	<p>lag</p>
<p>р. Лала (Сольвычегодский уезд)</p>	<p>лал (играть)</p>	<p>lal</p>
<p>р. Лала (Устюжский уезд)</p> <p>р. Лала (Никольский уезд)</p> <p>р. Ляла (Печорский уезд)</p> <p>р. Ляла (Архангельский уезд)</p> <p>р. Лакшма (Каргопольский уезд)</p>	<p>Лакшми (богиня красоты, богатства)</p> <p>Лакшмана (имя героя — «отме- ченный удачей»)</p>	<p>lakshmi</p>
<p>р. Лакшма (Устюжский уезд)</p>	<p>Манди (река в Пакистане)</p>	<p>lakshmaṇa</p>
<p>р. Мандера (Кижский погост)</p>	<p>мандара (тихий)</p>	<p>mandara</p>
<p>р. Мана (Мурманский уезд)</p> <p>р. Мана (Вельский уезд)</p>	<p>ман (бормотать)</p>	<p>man</p>

Северно-русские гиномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Мурташ (Вельский уезд)	мурга (воплощенный)	murta
р. Павана (Пинежский уезд)	павана (очищающий)	paṇana
р. Павна (Онежский уезд)		
р. Падма (сев. Прионежье)	падма (кувшинка, лотос)	padma
р. Падма (вторая, там же)		
оз. Падма (там же)		
р. Падома (Вельский уезд)		
р. Пидьма (Кирилловский уезд)		
р. Пурная (Вельский уезд)	пурна (полный; река в Южной Индии)	pūrṇa
р. Пурная (Усть-Сысольский уезд)		
оз. Пурно (Олонецкий уезд)		
оз. Пурное (Ладейнопольский уезд)		
оз. Панка (Тотемский уезд)	пана (напиток)	pāna
р. Пинега (Вельский уезд)	пи, па (пить)	pī, pā
р. Пинега (Пинежский уезд)		
р. Пинежка (Шенкурский уезд)		
р. Пия (там же)		

Северно-русские гномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Пуя (там же)		
р. Пияла (Каргопольский уезд)		
р. Пия (Онежский уезд)		
р. Рана (Сольвычегодский уезд)	ран (звучать; радоваться)	raṇ
р. Рогна (Вельский уезд)	рогагна (целительный)	rogaghna
р. Рип (Никольский уезд)	рипх (рокотать)	riph
р. Ришинка (Устюжский уезд)		
р. Рокса (Кижский погост)	ракша (защита)	raksha
р. Ракшошка (Онежский уезд)		
оз. Раксомское (Онежский уезд)		
р. Рудака (Сольвычегодский уезд)	руд (рыдать)	rud
р. Рудя (Олонецкая губ.)		
ручей Сагарев (Кижский погост)	сагара (море)	sagara
р. Санда (там же)	санда (одаривать)	saṇḍā
р. Санда (Каргопольский уезд)		
р. Санда (Ладейнопольский уезд)		
р. Санда (там же)		
р. Сара (Каликовский уезд)	сар (течь)	sar

Северно-русские гиномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Сара (Ладейнопольский уезд)	сара (вода, жидкость)	sara
р. Сара (Белозерский уезд)		
р. Сарова (Пинежский уезд)		
оз. Сарозеро (Ладейнопольский уезд)		
р. Сарга (Ладейнопольский уезд)	сарга (течение, излияние)	sarga
р. Сорга (Шенкурский уезд)		
оз. Саргинское (Ладейнопольский уезд)		
р. Сарба (Ладейнопольский уезд)	сарб (двигаться)	sarb
оз. Сарба (Ладейнопольский уезд)	сарпа (змея)	sarpa
р. Секура (Сольвычегодский уезд)	сека (жидкость, излияние)	seka
р. Синдош (Вологодский уезд)	Синд, Инд (река в Индии)	
р. Синдошка (там же)	синдху (река, поток)	sindhu
оз. Синдор (Усть-Сысольский уезд)		
р. Сираж (Вельский уезд)	сира (поток)	sirā
р. Ситса (Кирилловский уезд)	сита (светлый)	sita
оз. Ситское (там же)		
оз. Ситково (Грязовецкий уезд)		
р. Сить (Кадниковский уезд)		

Северно-русские гиномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Сухона (Вологодская губ.)	сукха (процветание)	sukha
р. Сура (Пинежский уезд)	су (течь)	su
р. Сюра (там же)	сура (текущий; вода)	surā
р. Суран (Усть-Сысольский уезд)		
р. Суровка (Вологодский уезд)		
оз. Свар (Кирилловский уезд)	свар (сверкать)	svar
р. Тавт (Кадниковский уезд)	тават (столь обильный)	tāvat
р. Тавта (Тотемский уезд)		
р. Тара (Вельский уезд)	тара (ясный, громкий)	tāra
р. Тар (Шенкурский уезд)		
р. Тарна (там же)		
р. Тарка (Мурманский уезд)		
р. Тарнога (Тотемский уезд)		
р. Тарга (там же)		
р. Тора (Никольский уезд)		
р. Тикена (Тотемский уезд)	тик (идти, течь)	tik
р. Ура (сев. Прионежье)	урас (лучший)	uras
оз. Ура (там же)	уру (широкий)	uru

Северно-русские гиномы	Санскрит	
	Значение и транслит. русскими буквами	Транскрипция латиницей
р. Ура (Пинежский уезд)	Ури (река в Древней Индии)	urī
р. Урья (Череповецкий уезд)		
оз. Урозеро (Белозерский уезд)		
оз. Урозеро (Ладейнопольский уезд)		
р. Удора (Мезенский уезд)	удара (прекрасный)	udāra
р. Удора (Яренский уезд)		
оз. Харас (Белозерский уезд)	харас (глоток, напиток)	haras
р. Харина (Никольский уезд)	хари, харина (желтый; цвета Солнца)	hari, harina
ручей Харинский (Сольвычегодский уезд)		
р. Харручей (Каргопольский уезд)		
р. Харуга (Печорский уезд)		
оз. Харуга (там же)		
р. Харьяж (там же)		
р. Харева (Пинежский уезд)		
оз. Шива (Олонецкая губ.)	шива (добрый; вода)	śiva
р. Шона (Никольский уезд)	Шона (река в Индии)	sona

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В. И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972.
2. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
3. Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1997.
4. *Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.
5. *Алексеева Т. И.* Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. 1974. № 3.
6. *Андреева Т. Б.* Традиция пивоварения на русском Севере в XIX–XX веках. Доклад на конгрессе антропологов и этнографов. М., 1999.
7. *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1913.
8. Артахаштра, или Наука политики (пер. с санскрита). М.–Л., 1959.
9. Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск, 1992.
10. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу (в связи с другими родственными народами). М., 1865–1869. Т. 1–3.
11. *Берс Л. С.* Климат и жизнь. М., 1947.
12. *Бируни Абурейхан.* Избранные произведения. Ташкент, 1963. Т. 11 (973–1048).
13. *Богуславская И. Я.* Русская народная вышивка. М., 1972.
14. *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи (пер. с англ.). М., 1987.
15. *Борисенков Е. П., Пясецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

16. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1913.
17. *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972.
18. *Генинг Н. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта // Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск, 1992.
19. *Гениафт Ю. С., Салтыковский А. Я.* Исландия: глубинное строение, эволюция и интрузивный магматизм. М., 1999.
20. *Гильфердинг А. Ф.* О сходстве языка славянского с санскритским. СПб., 1853.
21. Голубиная, или Глубинная, книга. СПб., 1860.
22. *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971.
23. *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия (пер. с англ.). М., 1977.
24. *Гусева Н. Р.* Отражение этнической специфики в жизни некоторых каст Индии // Расы и народы. 1972. № 6.
25. *Гусева Н. Р.* Индуизм. История формирования. Культурная практика. М., 1977.
26. *Гусева Н. Р.* К вопросу о ритуальных напитках скотоводов евразийских степей и Центральной Азии // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 3. М., 1982.
27. *Гусева Н. Р.* Русские сквозь тысячелетия. М.: Белые альвы, 1998.
28. *Гусева Н. Р.* Мифы Древней Индии. М.: Белые альвы, 1999.
29. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1914. Т. I-IV.
30. Древние славяне и их соседи (Сборник статей). М., 1970.
31. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев (пер. с фр.). М., 1986.
32. *Елагич Е.* Крайний Север как родина человечества. СПб., 1910.
33. *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953.
34. *Жарникова С. В.* Древние тайны русского Севера // Сборник «Кто они и откуда?». М., 1998.
35. *Журавский А.* Полярная Россия // Известия Общества изучения русского Севера. 1911. № 9-11.
36. *Забылин М.* Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
37. Законы Ману (пер. с санскрита). М., 1960.
38. *Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейших периодов // Вопросы славянского языкознания. 1962. № 6.

39. Зарубин А. А. Сходные черты зоолатрии и перехода к антропоморфизму у индоарийцев и славян // Советское славяноведение. 1967. № 3.
40. Зарубин А. А. Сходные сельскохозяйственные обычаи у индоарийцев и славян // Советское славяноведение. 1969. № 1.
41. Зарубин А. А. Сходные изображения солнца и зорь у индоарийцев и славян // Советское славяноведение. 1971. № 6.
42. Зимы нашей планеты. Земля подо льдом (пер. с англ.). М., 1982.
43. Золотов Ю. М. О Трояне «Слова о полку Игореве» // Советская археология. 1970. № 1.
44. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
45. Каниткар В. П., Коул У. Оуэн. Индуизм (пер. с англ.). М., 1999.
46. Косамби Д. Д. Культура и цивилизация Древней Индии (пер. с англ.). М., 1968.
47. Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
48. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарьи? М., 1994.
49. Лесной С. Откуда ты, Русь? Ростов н/Д., 1995.
50. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
51. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
52. Мещеряков Ю. А. Рельеф СССР. М., 1972.
53. Миллер Вс. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. М., 1876. Т. 1.
54. Миллер Вс. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.
55. Мошинская В. И. О государстве синдов // Вестник древней истории. 1946. № 3.
56. Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака. М., 1958.
57. Неру Джсавахарлал. Открытие Индии (пер. с англ.). М., 1855.
58. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
59. Носова Г. А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки // Российский этнограф. 1993. № 6.
60. Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного метода. М., 1965.
61. Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. М., 1982.

62. *Пименов В. А.* Возвращение к дхарме. М., 1998.
63. *Протп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1946.
64. *Ригведа.* Мандалы I–IV. Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. М., 1989.
65. *Ригведа.* Мандалы V–VIII. Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. М., 1995.
66. *Ригведа.* Мандалы IX–XX. Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. М., 1999.
67. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979.
68. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
69. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
70. *Сейбутис А.* Миграция послеледникового человека как отражение изменений экологической обстановки // Научные труды вузов Литовской ССР. Серия «География». VIII. 1982.
71. *Серебряный Л. Р.* Динамика покровного оледенения и гляциоэвстазия в позднечетвертичное время. М., 1978.
72. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм (словарь). М., 1996.
73. *Соболевский А. И.* Названия рек и озер русского Севера. М., 1927.
74. *Соколов М.* Старорусские солнечные боги и богини. Симбирск, 1887.
75. *Срезневский И. И.* Исследования о языческом богослужении у древних славян. СПб., 1848.
76. *Срезневский И. И.* Роженицы у славян и других языческих народов. СПб., 1855.
77. *Тилак Б. Г.* Арктическая родина в Ведах. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002.
78. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
79. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
80. *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6.
81. *Warren W. F.* Paradise found cradle of the Human race at the North pole. Boston, 1885 (рукопись перевода).
82. *Фаминцын А. С.* Божества древних славян. Вып. 1. СПб., 1884.
83. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка (пер. немецкого и дополнения О. Н. Трубачева). М., 1964–1973. Т. I–IV.
84. *Филли Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

85. Харматта Я. Протоиранцы и протоиндийцы в Центральной Азии во втором тысячелетии до н. э. (лингвистические данные) // Сборник «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности». М., 1981.

86. Этногенетические аспекты изучения Южной Азии. М., 1990.

87. Этнос и религии (сборник статей). М.: Изд-во Института антропологии и этнологии РАН, 1998.

88. *Allchin F.* India: the ancient Home of Distillation. «Man» (N. S.), 14, 1973.

89. *Macdonell A. A., Keith A. B.* Vedic Index of Names and Subjects. Delhi, 1982. Vol. I-II.

90. *Monier-Williams M. A.* Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1960.

91. *Apte V. S.* The Students' English-Sanskrit Dictionary. New Delhi, 1963.

92. The Vedic India. Ed. K. M. Munshi. Bombay, 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ОТ АВТОРА</i>	3
Глава 1. ДРЕВНОСТЬ. ПРЕДКИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ	10
Глава 2. ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ СБЛИЖЕНИЯ, СОСЕДСТВА И РОДСТВА	24
Глава 3. ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА — СВИДЕТЕЛЬНИЦА ЗАРОЖДЕНИЯ ПЕРВОЧЕЛОВЕКА	54
Глава 4. РАССЕЛЕНИЕ И РАССТАВАНИЕ	64
Глава 5. ПАМЯТЬ И МИФЫ	96
Глава 6. ДВОЙНЫЕ КОРНИ ИНДУИЗМА	121
Глава 7. ОТ СУЕВЕРИЙ НЕ ОТРЕКАЕМСЯ	173
Глава 8. КРОВАВЫЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ	193
Глава 9. БЕСКРОВНЫЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ	210
Глава 10. ИДОЛЫ В ЯЗЫЧЕСТВЕ И ИНДУИЗМЕ	231
Глава 11. ТАКИЕ РАЗНЫЕ ФОРМЫ БОГОПОЧИТАНИЯ	250
 <i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>	 275
 Приложение I. СВЯЗЬ МЕЖДУ РУССКИМ ЯЗЫКОМ И САНСКРИТОМ	 286
Приложение II. КРАТКИЙ СВОД СОВПАДАЮЩИХ И СХОДНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА И САНСКРИТА	290
Приложение III. ОПЫТ РАСШИФРОВКИ ЧЕРЕЗ САНСКРИТ НАЗВАНИЙ ВОДОЕМОВ РУССКОГО СЕВЕРА	312
 <i>ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА</i>	 324

Издательская группа «ГРАНД-ФАИР»

приглашает к сотрудничеству авторов
и книготорговые организации

тел./факс:

(095) 170 - 93 - 67

(095) 170 - 96 - 45

Почтовый адрес:

109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

e-mail: office@grand-fair.ru

Интернет: <http://www.grand-fair.ru>

Гусева Наталья Романовна

СЛАВЯНЕ И АРЬИ

Путь богов и слов

Редактор О. Иванова

Оригинал-макет и верстка И. Колгарёва

Художник обложки С. Даниленко

Дизайн обложки Д. Быкова

ЛР 065864 от 30 апреля 1998 г.

Подписано в печать 20.12.2001.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17,64. Тираж 7000 экз.

Заказ 5227.

Издательство «ФАИР-ПРЕСС»

109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93